

**XIII Международная
научно-практическая конференция
«Уголовное производство:
процессуальная теория
и криминалистическая практика»**

24 апреля 2025

Севастополь

Севастопольский государственный университет
Юридический институт
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Институт «Таврическая академия»
Юридический факультет
кафедра уголовного права и процесса
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия
кафедра уголовно-процессуального права
УО «Alikhan Bokeikhan University»
Юридический факультет
кафедра уголовно-правовых дисциплин

**УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО:
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

МАТЕРИАЛЫ
XIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

24 апреля 2025 года
Севастополь

Симферополь
2025

УДК 343.1.001.76

ББК 67.629.4

У82

Редакционная коллегия:

Михайлов М. А., доцент кафедры «Уголовное право и процесс» юридического института Севастопольского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Ануфриева Е.А., доцент кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Омельченко Т. В., доцент кафедры уголовного права и процесса Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, кандидат юридических наук, доцент

Составитель – Е.А. Ануфриева

У 82 **Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика [Электронный ресурс]:** материалы конференции / отв. ред. М.А. Михайлов, Е.А. Ануфриева, Т.В. Омельченко; Севастопольский государственный университет. Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, – Севастополь :, 2025. – 122 с. – Электрон. версия.

ISBN 979-8-89121-862-8

Сборник содержит материалы XIII Международной научно-практической конференции «Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика». Анализируются актуальные проблемы процессуального и криминалистического обеспечения деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по вопросам уголовного судопроизводства.

УДК 343.1.001.76

ББК 67.629.4

*Материалы представлены в авторской редакции.
Ответственность за содержание докладов и тезисов несут авторы.
Материалы рецензируются оргкомитетом.*

ISBN 979-8-89121-862-8

© Авторы тезисов и докладов, 2025

Апазов Саид Сабриевич
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
(Симферополь, Россия)

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ КАК ОСНОВА ФИКСАЦИИ СЛЕДОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

УДК 343.98

Аннотация: Представленная статья отражает значение осмотра места происшествия в раскрытии уголовных преступлений и изобличения лиц, их совершивших. Раскрываются ключевые факторы, влияющие на своевременность фиксации следовой информации, качество проведения осмотра непосредственно в практическом аспекте.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, следственно-оперативная группа, следовая информация.

Abstract: The presented article reflects the importance of crime scene inspection in solving criminal offenses and exposing the persons who committed them. The key factors influencing the timeliness of recording trace information, the quality of the inspection directly in the practical aspect are revealed.

Key words: crime scene inspection, investigative and operational group, trace information.

Теоретическое понимание осмотра места происшествия дает нам общее представление об этом следственном действии, как о способе обнаружения следов преступления и обстоятельств, имеющих значение для изобличения преступников в совершении уголовно-наказуемых деяний. Качественные, своевременные и профессиональные действия правоохранительных органов, несомненно, позволяют раскрыть порой самые загадочные и сложные преступления. В каждом из выявленных преступлений существует этап сбора и приобщения к уголовному делу следовой информации в виде вещественных доказательств. Это есть фундаментальная основа раскрытия преступлений, изобличения виновных в их совершении. Этот этап, в свою очередь требует специальных познаний и умение их применять от лиц, выезжающих на место преступления, составляющих протокол осмотра места происшествия, не смотря на то, что каждое место происшествия имеет свои особенности. Какого-либо стандартного или универсального подхода, а так же алгоритма действий фактически существовать не может. Ведь каждое преступление имеет индивидуальные особенности, несмотря на внешнюю схожесть способа их совершения.

Наряду с теорией, существует практическая часть, в рамках которой данное следственное действие осуществляется непосредственно, путем фактических действий, связанных с выездом и работой следственно-оперативной группы. При этом, существуют ряд факторов, влияющих на качество добытой следовой информации. Это самая интересная, каждый раз познавательная часть работы. Получение такого опыта возможно исключительно через практику. Следует детально отметить, а так же рассмотреть следующие из них:

- своевременный выезд на место происшествия;
- выезд на место происшествия для проведения осмотра следственно-оперативной группы, в полном составе, с обязательным участием эксперта-криминалиста, представителей служб дознания;
- грамотные действия руководителя следственно-оперативной группы непосредственно на месте происшествия;
- качественное составление протокола осмотра места происшествия, с правильным описанием выявленной следовой информации;
- правильное и своевременное изъятие следовой информации, вещественных доказательств, включая их упаковку, с учетом правильного выбора способа (режима) их хранения.

Итак, относительно своевременного выезда на место происшествия считаю необходимым прокомментировать следующее. Следственно-оперативная группа, как правило, выполняет функциональные обязанности в суточном режиме. Выезд по сообщению о совершенном преступлении должен происходить немедленно. В зависимости от вида совершенного преступления, может меняться состав участников следственно-оперативной группы. Кроме этого выезд на место происшествия может быть осуществлен либо следственно-оперативной группой дежурной, либо специализированной, либо межведомственной [1, с. 141]. Например, следователь следственного комитета выезжает на место происшествия во всех случаях обнаружения трупов. Исходя из того, какое преступление совершено, определяется то, какая следственно-оперативная группа будет выезжать на место происшествия. Конечно же, все эти действия требуют определенного временного промежутка. Это обстоятельство представляет собой проблему, которая в последствии может стать причиной не своевременных, запоздалых действия. Вне зависимости от указанных обстоятельств, в каждой следственно-оперативной группе существует ее руководитель – следователь. Именно указанным лицом составляется соответствующий протокол, и это лицо есть ключевой фигурой. Именно от этого лица зависит перспектива и успех разрешения уголовного дела, а так же исполнение принципа уголовного судопроизводства – неотвратимость наказания. Однако в практической жизни имеет место такая тенденция, когда одна следственно-оперативная группа в ходе суточного дежурства, выезжает на все заявленные преступные посягательства, на территории оперативного обслуживания. Несмотря на координацию ее работы оперативным дежурным, существует некая очередность посещения мест совершенных преступлений. Соответственно, из-за большой загруженности и необходимости прибытия и документирования иных заявленных преступлений, непосредственное обследование места преступления проводится не всегда своевременно, как следствие зачастую не качественно. Это приводит к упущениям определенных нюансов, фактов, недоработкам по установлению свидетелей и очевидцев, проведению осмотра поверхностно. Конечно же, любые повторные выезды не всегда дают положительный результат, зачастую носят формальный характер. В качестве примера из практической деятельности хотелось бы осветить случай, когда к месту происшествия по факту убийства женщиной своего супруга, находившегося в состоянии алкогольного опьянения, сопровождавшимся агрессивным поведением, следственно-оперативная группа прибыла очень быстро. Причиной тому явилось то, что группа возвращалась с очередного вызова, проезжая через тот населенный пункт, в котором было совершено вышеуказанное преступление. Это обстоятельство не позволило преступнице скрыть следы преступления: после убийства она перенесла труп мужа в соседнюю комнату, обтерла тело от следов крови и передела в чистую одежду, уложив в кровать. Вымыла пол в помещении, для того, чтобы скрыть следы крови. Однако воду из ведра вылить не успела и тряпку не отжала, нож со следами крови спрятать не успела. В результате все вещественные доказательства были изъяты, следовая информация зафиксирована. Это позволило в дальнейшем получить признательные показания, а так же качественно и детально восстановить картину совершенного преступления, правильно квалифицировать действия виновного лица.

Выезда на место происшествия следственно-оперативной группы в полном составе является так же важным аспектом, так как в ее состав, наряду с руководителем – следователем, координирующим действия всех членов, входят оперативный сотрудник, эксперт-криминалист, иные представители органов дознания. Каждый из названных членов является специалистом, выполняет свой функционал, имея опыт и багаж знаний по своему направлению работы. Так, например, во время документирования преступления, связанного с открытым похищением чужого имущества, с применением насилия, благодаря своевременному прибытию следственно-оперативной группы и профессиональным действиям сотрудника уголовного розыска, удалось установить свидетеля совершенного преступления. Указанное лицо должно было убыть в другой город на автобусе через 15 минут после совершенного преступления. Иных свидетелей, очевидцев на месте

происшествия не было, средства видео фиксации отсутствовали. Наряду с описанием внешности преступника, свидетель указал место, куда злоумышленник выкинул нож, который использовал для совершения преступления. Сам потерпевший, с учетом тяжести совершенного преступления, не мог описать преступника, а так же сообщить то, как выглядел нож, которым он ему угрожал. Фоторобот, составленный со слов свидетеля, позволил идентифицировать преступника, а в последствии задержать его. На изъятом ноже были обнаружены отпечатки пальцев рук, принадлежащих ему.

Немаловажную роль играет то, какими качествами обладает руководитель следственно-оперативной группы. Его опыт, нестандартное мышление так же важны. Решительные действия позволяют полноценно использовать права, которыми государство наделяет правоохранителей для достижения результатов. Ведь именно результативность работы повышает уровень доверия граждан к деятельности правоохранительной системы в целом. Так, в ходе проведения осмотра места происшествия был обнаружен бумажный сверток, в котором находился целлофановый пакет с веществом буро-зеленого цвета, в сухом виде и со специфическим запахом. Участники следственно-оперативной группы, в присутствии понятых осмотрели указанный сверток, идентифицировали его содержимое как наркотическое вещество, в крупном размере. Лицо, являющееся собственником домовладения, в котором данное вещество было обнаружено, беспрепятственно подошел и взял указанный пакет в руки, потрогал его. Следователь и остальные участники следственно-оперативной группы не предприняли каких либо мер, для предотвращения указанных действия. В последствии, в ходе расследования уголовного дела, подозреваемый использовал вышеуказанное обстоятельство, чтобы избежать уголовную ответственность, несмотря на обнаруженные на пакете принадлежащие ему отпечатки пальцев рук, утверждая, что увидел и потрогал обнаруженный пакет с веществом в ходе осмотра места происшествия, о чем могут свидетельствовать все его участники. Это есть непрофессиональные действия, которые привели к негативным последствиям. Лицо, которому принадлежали наркотические вещества установлено не было.

Зачастую негативную роль играет такое обстоятельство, как неграмотное составление протокола осмотра места происшествия. В этой части следует акцентировать внимание на то, как в нем отражается общая картина на месте происшествия, как описывается следовая информация, используется ли специальная терминология. Ведь для защитника подозреваемого, либо обвиняемого лица, этот аспект есть действенная возможность изменить ход следствия, получить результат, позволяющий подзащитному избежать уголовную ответственность. К примеру, нелогичное и поверхностное описание обстановки, может привести к тому, что выдвинутые версии, могут привести к составлению неправильного и неэффективного плана расследования уголовного дела. В ходе осмотра должна излагаться общая картина места происшествия, с дальнейшим детальным описанием предметов и механизмов, подверженных механическому воздействию. Так, при описании места происшествия - квартиры, где была совершена кража материальных ценностей, путем проникновения в нее, следует детально описать входную дверь, а так же механизм врезного замка [1, с. 165]. Отразить его состояние на момент воздействия (в запертом положении или нет), возможный способ повреждения или отпирания (механическое воздействия металлическим предметом – путем отжима, либо путем подбора ключа). Немаловажен и факт изъятия поврежденного запорного устройства, с правильной его упаковкой и приобщением в качестве вещественного доказательства. Неправильное описание обстановки и следовой информации, приводит к криминалистическим ошибкам. Следует внимательно относиться даже к правильному описанию типа, марки фотоаппарата, которым производилась фотосъемка. Следует выдерживать в тексте протокола основной и заключительный этапы. Качественность и профессионализм составления протокола будут достигнуты тогда, когда любое лицо, не имеющее специальных познаний, при ознакомлении с текстом, сможет представить описанную обстановку и понять, что изъято в ходе осмотра. Важно учитывать ценность вещественных доказательств и целесообразность их изъятия.

Формальный и шаблонный подходы крайне не допустимы. Соответственно следует исключить торопливость, ведь это может привести к упущению важных деталей, упущениям при выявлении следовой информации, не обнаружению вещественных доказательств.

Все вышеперечисленные ошибки и непрофессиональные действия правоохранителей могут привести к неправильной квалификации преступного деяния, не установлению лица, его совершившего, даже необоснованному возбуждению уголовного дела в тех случаях, когда заявленное преступление фактически не совершалось, а было инсценировано.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 24.09.2023г.) – 141 с., 165 с.

Асанов Решат Шевкетович

*Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук
(Симферополь, Россия)*

ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОВОДОВ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

УДК 343.1

Аннотация: Существующая система поводов для возбуждения уголовного дела, закреплённая в УПК РФ, позволяет разделить их на две группы: 1) «Общие поводы» (заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников) и 2) «Специализированные поводы» (материалы прокурора об уголовном преследовании; материалы, которые направлены налоговыми органами). В статье аргументируется целесообразность упрощения указанной системы, поскольку, она должна иметь общее, универсальное значение, без выделения наименований каких-либо специализированных поводов, и состоять из: 1) заявления о преступлении; 2) явки с повинной; 3) сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников.

Ключевые слова: система, поводы, возбуждение уголовного дела, сообщение о преступлении, заявление о преступлении, явка с повинной, направление материалов.

Abstract: The current system of grounds for initiating criminal proceedings, fixed in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, allows them to be divided into two groups.: 1) "General reasons" (a statement about a crime; a confession; a report about a committed or impending crime obtained from other sources) and 2) "Specialized reasons" (materials from the prosecutor on criminal prosecution; materials sent by tax authorities). The article argues the expediency of simplifying this system, since it should have a general, universal meaning, without highlighting the names of any specialized reasons, and consist of: 1) statements about a crime; 2) confessions; 3) reports of a committed or impending crime obtained from other sources.

Keywords: system, reasons, initiation of a criminal case, reporting of a crime, statement of a crime, confession, sending materials.

Как известно, отправной точкой для возникновения уголовно-процессуальных правоотношений выступает поступившая информация о преступлении, содержащаяся и представленная в разных формах, которые в своей совокупности образуют систему поводов для возбуждения уголовного дела. В юридической литературе отмечается, что в качестве таких поводов выступают источники сведений о преступном деянии, которые отличаются друг от друга форматами и методами их получения [1, с. 135].

При этом, важно отметить, что указанная информация о преступлении дает начало не только первоначальной стадии досудебного производства, но и «порождает» уголовный процесс в целом, что свидетельствует о реальной значимости рассматриваемого вопроса.

Обращение к действующему УПК РФ (ст. 140) указывает на то, что поводами для возбуждения уголовного дела являются:

- 1) заявление о преступлении;
- 2) явка с повинной;

3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;

4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании;

5) материалы, направленные налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ.

Кроме указанной системы поводов к возбуждению уголовного дела, законодатель также закрепил в УПК РФ понятие «сообщение о преступлении», под которым понимается «заявление о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении преступления, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании» (п. 43 ст. 5 Кодекса).

Опираясь на вышеуказанное, можно сделать несколько выводов.

1. Сообщение о преступлении является собирательным термином, который включает в себя: заявление о преступлении, явку с повинной, рапорт об обнаружении преступления, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

2. Сообщение о преступлении можно рассматривать как общий термин, используемый в широком смысле, а также как самостоятельный повод, то есть в узком значении: «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

3. Сообщение о преступлении, исходя из своего значения и сущности, отождествляется с понятием «повод для возбуждения уголовного дела».

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что в УПК РФ должно быть закреплено следующее определение понятия «сообщение о преступлении»: «сведения о преступлении, содержащиеся в любом из источников, предусмотренных ст. 140 УПК РФ».

Говоря о системе нормативно-закрепленных поводов для возбуждения уголовного дела, необходимо отметить, что она в историко-правовом аспекте претерпела некоторые изменения.

Так, УПК РСФСР 1922 года закреплял в качестве поводов к возбуждению уголовного дела заявление граждан и различных объединений и организаций; сообщение правительственных учреждений и должностных лиц; явку с повинной; предложение прокурора; непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда.

Аналогичная система впоследствии была закреплена в следующем уголовно-процессуальном законе – УПК РСФСР 1923 года.

Далее, с незначительными изменениями и добавлением статей, заметок и писем, опубликованных в печати, в качестве отдельных поводов для возбуждения уголовного дела, рассматриваемая система перешла в УПК РСФСР 1960 года, став в последующем основой для современной конструкции действующего УПК РФ.

С принятием УПК РФ, его первоначальная редакция предусматривала в числе поводов для возбуждения уголовного дела: 1) заявление о преступлении; 2) явку с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Однако с 2010 года УПК РФ предусматривает в качестве самостоятельного повода – постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (далее – материалы прокурора об уголовном преследовании).

Кроме этого, УПК РФ в редакции 2011 года, стал содержать норму о том, что «поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах

для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» (далее – материалы налогового органа).

Однако с 2014 года в качестве поводов для возбуждения уголовного дела вместо материалов налогового органа стали служить материалы, направленные Центральным банком РФ в соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹, а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (далее – материалы ЦБ РФ).

Продолжая поиск наиболее эффективного пути нормативного регулирования рассматриваемого вопроса, законодатель в 2018 году упразднил норму о поводах в виде материалов ЦБ РФ, и, в последствие, в 2022 году вновь вернулся к старой норме, согласно которой вместо материалов ЦБ РФ в качестве поводов стали относиться материалы, направленные налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Такой подход современного законодателя позволяют сформулировать три вывода.

1. За почти вековую историю перечень поводов для возбуждения уголовного дела принципиально не изменился, однако дополнился некоторыми специфическими элементами.

2. Нормативные изменения 2010-2022 годов дополнили и раскрыли формулировки таких советских понятий как «предложения прокурора» и «сообщений правительственных учреждений и должностных лиц», закрепленных в советском уголовно-процессуальном законодательстве.

3. Обозначенная тенденция современного законодателя, выраженная во вносимых в период с 2010 по 2022 год ряда изменений в УПК РФ, наглядно демонстрирует некую неопределенность нормативного регулирования некоторых поводов для возбуждения уголовного дела.

Характеризуя нормативную систему поводов для возбуждения уголовного дела, важно отметить, что в зависимости от смысловой сущности и формы, по нашему мнению, их можно разделить на две группы:

1. Общие поводы;
2. Специализированные поводы.

К первым (общим поводам) относятся заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Ко вторым (специализированным поводам), соответственно, относятся: материалы прокурора об уголовном преследовании, а также материалы налоговых органов. То есть, специализированные поводы для возбуждения уголовного дела имеют уточняющий и ограниченный характер по отношению к общим.

В юридической литературе некоторые авторы отмечают про целесообразность такого подхода и поддерживают в целом идею дифференциации поводов для возбуждения уголовного дела [2, с. 73].

Вместе с тем такой подход в данном вопросе нами видится нецелесообразным, поскольку заявление о преступлении, явка с повинной и сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, – сами по себе способны содержать информацию о преступлениях и выступать в качестве завершённой системы поводов для возбуждения уголовного дела.

Например, в случае, если в ходе функционирования какой-либо государственной организации или ведомства станет известно о совершенном преступлении или возникнет вопрос о даче уголовно-правовой правовой оценке того или иного факта, то должностное лицо указанной организации вправе направить соответствующую информацию в

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ, 15.07.2002, N 28, ст. 2790.

компетентный правоохранительный орган, который далее ее регистрирует, и начнет осуществлять доследственную процессуальную проверку.

В этой связи возникает вопрос: зачем выделять в качестве отдельного повода – постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, если выявленные прокурором факты нарушений уголовного законодательства могут быть направлены в правоохранительный орган в виде материалов, содержащих сведения о совершенном или готовящемся преступлении? То есть, без какого-либо специализированного постановления.

Другой пример. Материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела – фактически полностью охватываются понятием «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении», в связи с чем, акцент законодателя на конкретизации субъекта выявления (налогового органа) определенного вида преступления вполне может быть закреплен, например, в примечании к основной статье Кодекса, регламентирующей общую систему поводов.

Таким образом, материалы налогового органа и постановление прокурора об уголовном преследовании имеют единую правовую природу – это материалы, содержащие сведения о преступлении, исходящие от государственных органов, организаций, учреждений, должностных лиц. Поэтому видится логичным объединить эти источники.

Обосновывая эту позицию, следует также учитывать, что процессуалисты, характеризуя понятие «повод к возбуждению уголовного дела», исходят из того, что его главной особенностью является именно наличие информации о преступлении, а не внешнее оформление. Так, В.Т. Томин и М.П. Поляков отмечают, что «повод – это информационный источник, из которого компетентные органы получают сведения о наличии данных о признаках преступления, а также сигнал об обязательности провести проверку наличия таких признаков» [3, с. 371]. Схожего мнения придерживается и Рыжаков А.А. [4, с. 392].

Иными словами, на наш взгляд, существующий подход законодателя видится не системным, поскольку разграничение и детализация поводов для возбуждения уголовного дела всегда будет оставлять вне прямого правового регулирования иные сообщения о преступлении, претендующие на отдельные, специализированные формы.

Например, результаты оперативно-розыскных мероприятий, содержащие сведения о признаках преступления, не выделяются законодателем в качестве отдельного специализированного повода, а охватываются лишь общим понятием «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении». Хотя как раз в данном случае информация о преступлении подлежит выявлению в результате специализированного, особого вида государственной деятельности – в ходе оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»². Невзирая на это, законодатель данный вопрос свел к общим поводам.

В качестве обоснования нашей позиции, также следует отметить, что законодатель и сам фактически нацелен на применение общей конструкции системы поводов к возбуждению уголовного дела, поскольку, как отмечалось, в п. 43 ст. 5 УПК РФ такой специализированный повод как материалы налоговых органов – вовсе не закреплен.

В этой связи следует согласиться с мнением Ю.К. Краснова, который отмечает, что несоблюдение норм техники закона, языка литературы и логических положений при разработке законодательства однозначно приводит к ошибкам в законодательстве. Из-за данного образуются недостатки, либо разногласия, непонятные, либо не точные законодательные установки и др. [5, с. 521].

² Федеральный закон от 12.08.1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. N 33. Ст. 3349.

Учитывая вышеизложенное, мы полагаем, что система поводов для возбуждения уголовного дела должна иметь общее, универсальное значение, и потому выделение наименований и форм каких-либо отдельных, специализированных сообщений о преступлениях лишь подчеркивает несистемный подход законодателя к регламентации исследуемого вопроса.

Поэтому, на наш взгляд, система поводов для возбуждения уголовного дела должна состоять из:

- 1) заявления о преступлении;
- 2) явки с повинной;
- 3) сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников.

При этом, не следует смешивать этот вопрос со способами получения и документального оформления поступившей информации о преступлении, которые вполне правомерно подпадают под категорию «сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников».

Выводы.

Тенденция законодателя, выраженная во вносимых в период с 2010 по 2022 год ряда изменений в УПК РФ, наглядно демонстрирует некую неопределенность нормативного регулирования некоторых поводов для возбуждения уголовного дела. И хотя за почти вековую историю перечень поводов для возбуждения уголовного дела принципиально не изменился, однако все же дополнился некоторыми специфическими поводами.

Характеризуя существующую нормативную систему поводов для возбуждения уголовного дела, в зависимости от смысловой сущности, их можно разделить на две группы:

1. Общие поводы (заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников);
2. Специализированные поводы (материалы прокурора об уголовном преследовании, а также материалы налоговых органов).

На наш взгляд, система поводов для возбуждения уголовного дела, должна иметь общее, универсальное значение, и потому выделение отдельных, специализированных поводов подчеркивает лишь несистемный подход законодателя к регламентации исследуемого вопроса. Ведь материалы налогового органа и постановление прокурора об уголовном преследовании имеют единую смысловую основу и правовую природу – это материалы, содержащие сведения о преступлении, исходящие от государственных органов, организаций, учреждений, должностных лиц. Отсюда видится логичным объединить эти источники.

Поэтому, на наш взгляд, система поводов для возбуждения уголовного дела должна иметь общий характер, а также универсальное значение и состоять из:

- 1) заявления о преступлении;
- 2) явки с повинной;
- 3) сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников.

В основе указанной системы поводов для возбуждения уголовного дела лежит отсутствие специальных требований или условий, кроме как содержания информации о преступлении.

Сообщение о преступлении является собирательным термином, который включает в себя поводы для возбуждения уголовного дела. При этом сообщение о преступлении можно рассматривать не только как общий термин, используемый в широком смысле, но и как самостоятельный повод, то есть в узком значении: «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

Литература:

1. Ларин А.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки / А.М.Ларин; под ред. проф. В.М. Савицкого. М., 2017. 314 с.
2. Кузьменко Е.С. Проблема унификации и дифференциации поводов // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. Научный журнал. 2016. № 1-1. С. 58-75.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 1124 с.
4. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., изм. и доп. М., 2003. 1040 с.
5. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М., 2018. 536 с.

Балко Владимир Иванович,
преподаватель «Высшего колледжа «Кайнар»,
подполковник полиции Республики Казахстан в отставке
(Семей, Казахстан)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОВД КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 Г.Г.)

УДК 343.31

К 80 -летию Великой Отечественной войны посвящается

Аннотация: Криминалистическое подразделение Управления милиции НКВД республики в военные годы работало с максимальным напряжением сил, интенсивность труда резко повысилась, объем экспертной работы увеличился.

Круг обязанностей научно-технического отделения намного расширился с появлением и распространением специфических преступлений военного времени.

Возросла роль научно-технического отделения в годы войны.

Ключевые слова: Управления милиции НКВД, научно-техническое отделение, ВОВ, эксперт, фотограф, экспертиза, дактилоскопирование, фотографирование.

Abstract: During the war years, the criminalistic division of the NKVD Militia Department of the republic worked with maximum exertion, the intensity of labor increased dramatically, and the volume of expert work increased. The responsibilities of the Scientific and Technical department have expanded significantly with the advent and spread of specific wartime crimes.

The role of the scientific and technical department increased during the war years.

Keywords: NKVD police department, scientific and technical department, WWII, expert, photographer, expertise, fingerprinting, photographing.

Вероломное нападение фашистской Германии прервало мирный труд советского народа. Трудящиеся республики, как и весь советский народ, дружно встали на защиту своей Родины. Более миллиона казахстанцев, среди которых много было работников органов внутренних дел, с оружием в руках сражались на фронтах и в партизанских отрядах с гитлеровскими агрессорами, проявляя отвагу, беспримерное мужество и героизм.

Оставшиеся в тылу самоотверженно трудились на промышленных предприятиях, на полях колхозов и совхозов, на транспорте, обеспечивая нужды фронта вооружением, боеприпасами, продуктами, а оборонную промышленность - металлом, углем и другим сырьем. В годы войны Казахстан был превращен в надежный арсенал страны.

В суровое время Великой Отечественной войны перед органами внутренних дел встали новые ответственные задачи, что потребовало перестройки всей работы в кратчайший срок. Свои дела и помыслы они подчинили главной задаче - разгрому врага, обеспечению прочного тыла Советской Армии, выполняли важные обязанности военного времени. Сотрудники активно участвовали во всенародном патриотическом движении по сбору средств в фонд обороны и освобожденным от оккупантов районам страны.

Криминалистическое подразделение Управления милиции НКВД республики в эти годы работало с максимальным напряжением сил, интенсивность труда резко повысилась, объем экспертной работы увеличился «в 2,5-3 раза в сравнении с довоенным периодом, при том же численном составе сотрудников. Если в довоенном 1940 году на одного эксперта в

среднем приходилось 40 экспертиз, то в последующие годы 100 и более» [1, с 46]. К этому времени функции НТО по регистрации уголовных преступников были переданы в другую службу НКВД, а дактилоскопирование и фотографирование стало производиться в основном в оперативных целях по заданиям ОУР, ОБХСС, а также следственных аппаратов.

Круг обязанностей НТО намного расширился с появлением и распространением специфических преступлений военного времени: хищением и подделкой документов с целью уклонения от воинской обязанности, в том числе подделкой в паспортах, свидетельствах о рождении, военных билетах, свидетельствах об освобождении от военной службы, документах военно-лечебных учреждений и воинских частей. Введение карточной системы возродило преступления, связанные с подделкой промтоварных и, главным образом, продовольственных карточек. Появились такие формы преступлений, как дезертирство, членовредительство, стали в ряде мест возникать бандитские группы из дезертиров и уголовников, и более дерзкими были тяжкие преступления: убийства, разбои, грабежи, кражи и другие. Возросло значение борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, угоном автотранспорта. Уголовно-преступный элемент получил возможность вооружаться огнестрельным оружием за счет привезенного с фронта и похищенного. Возросла опасность использования для враждебной пропаганды и агитации, террористической и диверсионной деятельности объектов разрешительной системы: типографий и множительных аппаратов для изготовления листовок, и анонимных документов антисоветского содержания, для подделки хлебных карточек и талонов, а также штемпельно-гравёрных мастерских, складов с взрывчатыми веществами, сильнодействующими ядами. Например, если до войны у преступников изымались считанные единицы огнестрельного оружия, «то в 1942 году его было изъято 70 969 стволов» [1, с 48].

В этих условиях в первый же год войны резко возросло количество почерковедческих и технических экспертиз документов, уровень которых держался довольно высоко и в последующие годы. В отдельных случаях наиболее сложные или повторные криминалистические экспертизы по заданиям органов милиции республики проводились в НТО оперативного отдела ГУМ НКВД СССР, что само собой являлось большой практической помощью.

Наряду с количественным ростом криминалистических экспертиз, что очень важно, составной частью работы являлось улучшение их качества. А это позволило оперативным работникам, следователям в предельно короткие сроки выявлять и наиболее полно изобличать преступников, пресекать их дальнейшую преступную деятельность, предавать их в руки правосудия и укреплять социалистическую законность.

Существенную роль в подготовке как экспертов-криминалистов, так и оперативных работников сыграла в военные годы Центральная школа милиции НКВД СССР (в 1944 году была переименована в Высшую школу милиции). Подготовка научно-технических работников проводилась на экспертном отделении этой школы, где сотрудники НТО оперативного отдела Главного управления милиции НКВД СССР преподавали основные экспертные дисциплины. Эту школу окончили в 1939 году будущие начальники НТО МВД КазССР Н.И. Калаченко и П.И. Бушуев.

За период с «1940 по 1944 годы Высшей школой было выпущено 110 экспертов» [1, с 48]. Это позволило, несмотря на мобилизацию в начале войны некоторых работников НТО, не только не сократить, но и расширить возможности в экспертном обеспечении. «Так, первая из известных сегодня пороскопических экспертиз была выполнена в г. Ташкенте в 1942 году экспертом Назаровым» [2]. В следе пальца, изъятом с места происшествия, имелся лишь один традиционный признак — «вилка». Обычно эксперты признавали подобные следы непригодными для идентификации. Однако идентификация преступника была произведена по порам. Это исследование и сейчас у нас считается классической пороскопической экспертизой.

В годы войны НТО расширило и укрепило связи со многими службами милиции и

подразделениями НКВД центра и областных управлений, с Военной прокуратурой и пользовалось большим авторитетом, так как продолжало быть единственным криминалистическим подразделением в республике по производству судебных экспертиз.

О возросшей роли НТО в годы войны свидетельствуют многие документы. Так, в приказе НКВД республики от 19 июня 1942 г. говорится, что за истекший год войны в НТО оперативного отдела УМ НКВД КазССР по заданиям органов НКВД проведён целый ряд исследований документов в целях выявления лиц, подозреваемых в авторстве анонимных документов. В результате высокого качества выполненных заданий аппаратами НКВД в центре и на местах были разоблачены и обезврежены многие авторы анонимок — антисоветчики. За образцовое и качественное выполнение экспертиз старший эксперт А.М. Овечкин и эксперт Л.И. Моторина руководством НКВД поощрены: им объявлена благодарность с выдачей денежного вознаграждения.

С этой точки зрения заслуживает внимания и другой приказ НКВД от 25 июля 1944 г., в котором говорится: «За последнее время из Военной прокуратуры Алма-Атинского гарнизона, областных управлений НКВД, а также и других следственных органов в адрес научно-технического отделения оперативного отдела УМ НКВД КазССР поступали на экспертизу сложные документы, имеющие серьезное значение в разоблачении преступных действий. Проводившие эти экспертизы начальник отделения майор милиции Овечкин А.М. и эксперт этого же отделения младший лейтенант милиции Трибунская Н.М. «оперативно и правильно разрешали поставленные перед экспертизой вопросы, в результате чего в распоряжение следственных органов представлялись качественно выполненные экспертизы» [1, с. 49] дела по которым в судебных инстанция проходили с большой эффективностью.

В описываемый период эксперты криминалистического подразделения выполняли не только экспертизы, но и привлекались к участию в проведении следственных действий совместно с другими работниками оперативного отдела, иных оперативно-розыскных мероприятий, к охране общественного порядка. В то же время они выполняли большую и важную работу, связанную с оказанием следователям и оперативным работникам квалифицированной помощи в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступников и вещественных доказательств при производстве осмотров мест происшествий. Их участие в осмотрах давало возможность значительно чаще применять научно-технические средства, изымать следы и вещественные доказательства, вследствие чего повышалась роль этих улик в раскрытии преступлений.

За годы войны каждый эксперт участвовал в производстве «240 и более осмотров мест происшествий» [1, с. 50]. Примерно по каждому третьему осмотру изымали вещественные доказательства, становившиеся объектами криминалистических экспертиз и важными уликами против преступников.

Актуальной и важной задачей работников НТО было обучение оперативного состава приёмам борьбы с преступностью с использованием научно-технических методов и средств, популяризация криминалистических знаний. Эта работа активно проводилась как в центре, так и в ходе специальных командировок в областные УМ НКВД. В случаях проведения учебно-лагерных сборов работников милиции или иных форм обучения (курсы, семинары) работники НТО привлекались в качестве преподавателей по криминалистике. Так, например, «в мае 1941 г. были организованы одномесячные, а в мае 1945 г. двухмесячные курсы по переподготовке начальствующего состава органов милиции НКВД КазССР» [1, с. 50]. В первом случае преподавателем по криминалистике был назначен старший эксперт А.М. Овечкин. В 1945 г., будучи заместителем начальника оперативного отдела УМ НКВД, А.М. Овечкин выступал в качестве помощника начальника курсов по учебно- строевой части. Ему же приходилось вести занятия и по криминалистике.

Главное управление милиции НКВД СССР и его научно-технический отдел особое значение придавали в годы войны популяризации криминалистических знаний. В этих целях НТО оперативного отдела ГУМ на практическом материале подготовило и выпустило

большое количество оперативно-методических ориентировок и обзоров для оперативного состава милиции и экспертов. В них были даны практические рекомендации и методические советы по вопросам осмотров отдельных видов преступлений, выявления, фиксации, изъятия и исследования следов и вещественных доказательств, обнаруженных в процессе осмотров, и их использования при расследовании преступлений, а также о распознавании признаков подделки в паспортах, воинских документах, в том числе изготовленных немецкой разведкой, в оттисках печатей и штампов и т.д.

Оперативно-методические ориентировки и обзоры в обязательном порядке подлежали всестороннему изучению всем личным составом милиции, что в значительной степени способствовало активному использованию научно-технических методов и средств в экспертной, оперативной и следственной работе по борьбе с преступностью.

При составлении оперативно-методических ориентировок в тот период НТО оперативного отдела ГУМ НКВД СССР неоднократно использовало примеры успешного применения научно-технических методов и средств из практики работы НТО оперативного отдела УМ НКВД республики, а также городских и районных органов милиции. Это свидетельствовало о тесной связи центрального НТО с периферийными криминалистическими подразделениями, а также с органами милиции в целом.

Здесь необходимо отметить методическую и научную помощь НТО ГУМ НКВД СССР криминалистическим подразделениям ОВД Казахстана. Сотрудники центрального НТО активно вели научно-исследовательскую работу. Так, «за 4 года войны выпустили 32 оперативно-методических ориентировки для оперативного состава милиции и 4 обзора недостатков научно-технической работы как в центре, так и на местах» [1, с. 54].

В этих методических документах были даны практические указания о производстве осмотров мест происшествий, использовании различных вещественных доказательств и следов для установления и разоблачения преступников, распознавания способов подделок в различных документах и пр.

Оперативно-методические ориентировки ГУМ НКВД СССР (они подписывались руководителями главка) повсеместно изучались личным составом милиции, были обязательными для исполнения и сыграли в свое время положительную роль в популяризации научно-технических методов и средств раскрытия преступлений. К наиболее важным из них можно отнести: «Установление преступников по вещам, оставленным ими на месте преступления», «Исследование машинописного текста», «О следах пальцев рук», «Составление планов мест происшествий», «О применении научно-технических методов при расследовании убийств с расчленением трупов», «О следах ног преступника», «Восстановление спиленных штампанных номеров на оружии и других изделиях из стали», «Восстановление фотографических изображений, обесцвеченных с помощью йода», «Исследование оружия и боеприпасов».

Все ориентировки были хорошо иллюстрированы фотоснимками и примерами из практики. Их отличает стиль изложения, небольшой объём (от 4 до 16 стр.), чтобы оперативно и доходчиво донести новые способы совершения преступлений и новые возможности их расследования.

Оперативно-методическая ориентировка № 19 «Составление протокола осмотра места происшествия» на 15 страницах содержала все существующие требования, предъявляемые к протоколу осмотра. Весьма интересна методическая ориентировка № 32 «Установление симуляции преступления». На большом практическом материале того времени в ней показаны симуляции краж, убийств, телесных повреждений с целью уклонения от военной службы. Они не устарели и сегодня.

Хорошо отражают специфический характер деятельности экспертов в военные годы две другие ориентировки, имевшие большое значение в то время. Ориентировка № 9 «О подделке документов с целью уклонения от военной службы» 1942 года состоит из разделов, посвященных подделкам в паспортах, свидетельствах о рождении, военных билетах, свидетельствах об освобождении от военной службы, а также подделкам документов

военно-лечебных учреждений и воинских частей.

Оперативно-методическая ориентировка 1942 года № 7 посвящена вопросу осмотра и исследования документов агентов немецкой разведки. В ней приведены образцы оттисков печатей и штампов с фиктивных документов, изъятых у фашистских диверсантов и разведчиков. «Стрелками размечены отличительные признаки подлинных и фальшивых печатей. Приведены фотоснимки полностью изготовленных немецкой разведкой военных документов, удостоверений, пропусков и пр., дана методика их распознавания. На 15 страницах этой ориентировки приведено 16 фотографий и много примеров» [1, с. 55].

Научно-исследовательской работой занималось не только центральное НТО. Война не ослабила, «но даже в какой-то степени активизировала научные исследования на местах» [29].

Для координации научно-исследовательской работы в масштабе страны и направления её на разрешение наиболее актуальных вопросов НТО оперотдела ГУМ НКВД СССР в 1943 году разработало перечень тем, выполнение которых в соответствии с утверждённым планом поручило отдельным научно-техническим отделениям и группам, в том числе и в Казахстане.

Таким образом, в 1943 году одновременно была начата разработка 26 научно-исследовательских тем, из которых к концу 1944 года были окончены 14. Вот некоторые из них: «Оперативное использование пальцевых следов на месте происшествия для установления преступников» (НТО УМ Краснодарского края); «Установление травления документов» (НТО гор. Москвы); «Установление последовательности выполнения текста и нанесения на документ оттиска печати» (НТО ГУМ); «Исследование оттисков печатей и штампов» (НТО Саратовской обл.); «Исследование переклейки фотокарточек» (НТО УМ Казахской ССР); «Установление по тексту системы пишущей машинки» (НТО ГУМ); «Пределы маскировки почерка» (Челябинск).

Решение задач по координации и консультированию всей научно-исследовательской работы в органах милиции возлагалось на НТО оперативного отдела Главного управления милиции. А. Д. Хананин в 1944 году разработал новые специальные составы чернил, штемпельной краски и клея для заполнения паспортов. Под руководством Б. М. Комаринца в 1943 году было подготовлено пособие для оперативного состава милиции «Осмотр места происшествия».

К значительным работам НТО оперативного отдела ГУМ НКВД СССР относится также создание в 1941 году первого советского сравнительного микроскопа «МИС-10» для выполнения баллистических и трасологических экспертиз. Этот прибор честно прослужил экспертам ровно 30 лет, пока на смену ему не пришел другой (также разработанный в органах внутренних дел) сравнительный микроскоп «МСК-1».

Научно-технические отделения и группы (НТО, НТГ) органов милиции в нашей стране всегда представляли наиболее широкую ведомственную сеть криминалистической экспертизы, такой сети до войны и в период войны не имели ни Наркомат юстиции, ни органы судебно-медицинской экспертизы Наркомздрава.

Научно-технические аппараты обслуживали не только нужды своего наркомата, но производили экспертизы для НКГБ, органов юстиции, прокуратуры и суда, в том числе и в Казахстане. Своевременное и качественное выполнение большого объёма экспертной работы в годы войны, несмотря на малочисленный состав сотрудников, недостаточное оснащение специальной криминалистической техникой, стало возможным благодаря инициативе, энергии и самоотверженному труду экспертов, высокой их профессиональной подготовке, большой организационной и методической помощи со стороны НТО оперативного отдела ГУМ НКВД СССР.

В 1941 г. и в последующие военные годы криминалистическое подразделение входило в состав оперативного отдела УМ НКВД республики в качестве самостоятельной структурной единицы и называлось вначале 2-ой группой оперотдела (НТГ), а с июня 1943 г. — 3-ей группой, или 3-ем отделением (НТО) оперотдела, имело тесную связь с другими

отделениями этого отдела (обысков, наблюдений и др.) [3].

Хотя личный состав НТО в эти годы и менялся, «однако ежегодно работало 5— 6 человек. Согласно штатному расписанию значились: начальник научно-технического отделения — 1, старший эксперт — 2, -эксперт — 2, фотограф — 1» [1, с. 57].

Работу НТО все эти годы возглавлял А.М. Овечкин, который внес значительный вклад в организацию борьбы с преступностью и охраны общественного порядка в республике в годы войны, отметил и Овечкина А.М.

В 1941 г. после окончания специального отделения экспертов-криминалистов Центральной школы милиции НКВД СССР в Управление милиции республики прибыли и были зачислены в штат НТО Швырева М.Г. и Моторина Л.И. До августа 1941 г. в НТО работал выпускник той же школы Томенко В.И., переведенный на работу в первое отделение оперативного отдела на должность помощника оперуполномоченного.

В 1943 г. на должность старшего эксперта-криминалиста в НТО была принята Фишкина С.Б. с высшим юридическим образованием, которая ранее была аспирантом Государственного научного института криминалистики и судебной экспертизы в г. Минске. В том же году на должность эксперта НТО из секретариата УМ была переведена Трибунская Н.М., получившая специальную подготовку в Высшей школе НКВД СССР и ставшая в октябре 1944 г. старшим экспертом.

В январе 1944 г. Моторину Л.И. откомандировали в распоряжение НКГБ КазССР, а в мае по семейным обстоятельствам из органов милиции увольняется Фишкина С.Б.

В феврале 1945 г. по комсомольской путевке на должность эксперта НТО была принята Акулинина Т.А., имевшая высшее юридическое образование.

В марте 1945 г. в распоряжение Управления милиции республики прибыл выпускник Высшей школы НКВД СССР В.Я. Колдин, прошедший подготовку по курсу спецотделения экспертов-криминалистов.

В августе 1948 г. его назначают начальником научно-технического отдела УМ МВД КазССР.

За период работы в НТО В.Я. Колдин в порядке популяризации научно-технических методов подготовил и выпустил письмо «О правилах представления материалов на графическую экспертизу», оперативно-методическую ориентировку по раскрытию убийств, организовал подготовку экспертов-криминалистов для областных управлений НКВД.

Специальное образование получил на экспертном отделении ВШ МВД СССР, во Всесоюзном заочном юридическом институте и аспирантуре Московского юридического института. Кандидат наук с 1951 г., доктор юридических наук — с 1971 г. Является автором более 130 научных работ, в том числе 7 монографий, 5 учебников (в соавторстве), ряда научно-практических и учебно-методических пособий, ученое звание профессора присвоено в 1975 г., почётное звание заслуженного юриста Российской Федерации — в 1995 г. Подготовил 10 кандидатов и 4 доктора наук, а также ряд зарубежных специалистов. Награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и др.

Вся научная, методическая и учебная работа профессора В.Я. Колдина осуществляется на основе постоянной и непосредственной связи с практической деятельностью государственных органов. С момента основания он активно участвовал в деятельности Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз, в настоящее время является главным экспертом Российского федерального центра судебных экспертиз, членом ряда ученых и специализированных советов. Профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Валентин Яковлевич Колдин является общепризнанным отечественным лидером в разработке теории и методики криминалистической идентификации, играющей системообразующую роль в научной криминалистике. Ему принадлежат приоритеты в разработке основных понятий указанной теории, структуры процесса идентификации на уровне общей и специальных методик, а также алгоритма взаимодействия субъектов

поисково-идентификационной деятельности.

В августе 1945 г. по рекомендации Алма-Атинского юридического института на должность старшего эксперта 3-го отделения (НТО) оперативного отдела УМ был назначен выпускник института А.М. Агушевич, участник Великой Отечественной войны, сражавшийся до ранения в декабре 1942 г. на Сталинградском фронте. К исполнению должности старшего эксперта Агушевич А.М. приступил после прохождения стажировки в НТО ГУМ НКВД СССР.

Из технического состава НТО следует отметить фотографов Захарова П.А. и Сазонова Н.Ц., немало способствовавших своим трудом успеху в многоплановой деятельности своего подразделения.

Захаров П.А. в 1942 г. был мобилизован в Красную Армию и ушел защищать Родину, а на его место получил назначение Сазонов Н.Ц.

Многие участники вооруженной борьбы с фашистскими захватчиками на фронтах Великой Отечественной войны после её победоносного окончания влились в отряд криминалистов органов внутренних дел республики, стали впоследствии руководителями криминалистических подразделений, посвятили своей любимой работе многие годы.

Среди них в том числе и алмаатинцы [1, с. 60]:

М.А. Ушаков — командир боевой машины "Катюша", закончивший войну в Берлине, награждённый орденами Красной Звезды и Славы III степени, а также 14 медалями; полковник милиции, возглавлял НТО гор. Алматы, а затем цикл криминалистики в Алма-Атинской специальной средней школе милиции;

Л.Г. Кобыца — радист-разведчик, участник партизанского движения вначале в составе 3-й Ленинградской партизанской бригады им. Героя Советского Союза Германа, а затем в Белоруссии — в отрядах под руководством дважды Героя Советского Союза Ковпака, награждённый орденом Красной Звезды и медалями «Партизан Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» I и II степеней и другими медалями; подполковник милиции, возглавлял оперативно-технический отдел в Управлении транспортной милиции на Казахской железной дороге;

И.С. Лычев — командир сапёрной роты сапёрного батальона 293 стрелковой дивизии, участвовал в боях против Японии, имеет правительственные награды: 11 медалей, грамоту с объявлением благодарности от имени Верховного Главнокомандующего, награждён Почётной грамотой МВД СССР как ветеран Великой Отечественной войны в связи с 30-летием Победы; подполковник милиции, возглавлял в разное время научно-технические отделения в Алма-Ате, а затем в УВД Восточно-Казахстанской области;

Н.Я. Чисников — командовал отделением в составе 235 минометного полка, участник жестоких боев с фашистами на Орловско-Курской дуге. Награждён орденом Красной Звезды и 15 медалями; подполковник милиции в отставке, возглавлял научно-техническое отделение в УВД Семипалатинской области;

В.А. Чертилин — воевал в составе 900 истребительного авиаполка в качестве авиамеханика, имеет 15 правительственных наград, в том числе орден Красной Звезды. Закончил войну в Берлине, за овладение которым получил грамоту с явлением благодарности от имени Верховного Главнокомандующего; майор милиции, возглавлял научно-техническую группу в УВД Уральской области.

Необходимо отметить полковника милиции в отставке Г.З. Филатова, руководящего научно-техническим отделом УВД Карагандинской области, и Н.А. Пономарева из НТО УВД Целиноградской области и ряд других.

С окончанием Великой Отечественной войны был открыт путь к организации криминалистических подразделений во всех областных управлениях внутренних дел республики и в крупных городах.

Литература:

1. Поврезнюк Г. И. История криминалистических подразделений органов внутренних дел Казахстана. – Алматы: Юрист, 2009. – 154 с.
2. Оперативно-методическая ориентировка № 14 «Следы пальцев рук» от 11 марта 1943 года. Музей МВД РК.
3. Миронов А.И. Криминалистические подразделения органов внутренних дел в период Великой Отечественной войны 1941—1945 г.г. Экспертная практика. – 1975 - № 6, - С. 7-12.

Биляев Владимир Александрович
Крымского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия»
доктор юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)
Львов Владимир Геннадьевич
ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»
доцент кафедры
уголовного права и процесса
(Севастополь, Россия)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПОНЯТИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

УДК 343.14

Аннотация: в статье рассмотрены понятийные аспекты, раскрывающие основные подходы и представления о технологиях, условно объединенных общим названием «Искусственный интеллект». Критически сопоставляются и анализируются необходимые когнитивные параметры технологий «Искусственный интеллект» и интеллекта человека, в результате обосновываются положения о несопоставимости данных понятий и научной необоснованности утверждений о том, что вышеуказанные технологии позволяют имитировать когнитивные способности человека. Формулируется общий вывод о несостоятельности понятия «Искусственный интеллект», что исключает возможность его использования в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллект человека, программный продукт, имитация когнитивных способностей человека.

Abstract: the article considers conceptual aspects that reveal the main approaches and ideas about the technologies, conditionally united by the common name 'Artificial Intelligence'. The necessary cognitive parameters of 'Artificial Intelligence' technologies and human intellect are critically compared and analysed. As a result, the article substantiates the provisions on the incomparability of these concepts and scientific unreasonableness of the statements that the above mentioned technologies allow imitating human cognitive abilities. The general conclusion about the invalidity of the concept of 'Artificial Intelligence' is formulated, which excludes the possibility of its use in the sphere of criminal proceedings.

Keywords: artificial intelligence, human intelligence, software product, imitation of human cognitive abilities.

В последнее время в уголовно-процессуальной науке и практике активно обсуждаются возможные перспективы использования (внедрения) технологий, объединенных общим названием «Искусственный интеллект» (далее – «ИИ») в сферу уголовно-процессуальной деятельности, в частности, вопрос о применении таких технологий в уголовно-процессуальной деятельности, а именно, в доказывании по уголовным делам и при принятии процессуальных решений. В качестве одной из задач развития «ИИ» в Российской Федерации, как следует из главы 5-й «Цели и основные задачи развития ИИ» Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной указом Президента РФ от 10.11.2019г. № 490 (далее – Стратегия 2030)? видится создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием таких технологий и обеспечением безопасности их применения [1].

«ИИ» определяется современными исследователями в качестве программного продукта или программы, осуществляющей обработку входящей информации и формирование на ее

основе новой информации [2], а также комплекса программ или компьютеризированной системы, признаки и результаты функционирования которой могут восприниматься, как такие, которые требуют наличия разума [3]. Исходя из указанных представлений об «ИИ», исследуемый нами объект относится к категории средств или инструментов деятельности, которые применяются человеком для достижения необходимых результатов.

Как средство, применяемое в деятельности человека, «ИИ» также рассматривается и в Стратегия 2030. В п. 5 данного документа «ИИ» определен как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, которые сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходят их.

Такие понятия как «искусственный интеллект» и интеллект человека методологически несопоставимы. В первом случае («ИИ»), это средство, используемое (применяемое) человеком в его деятельности, а во-втором – это неотъемлемое качество (свойство, характеристика) самого человека – субъекта деятельности. Некорректность проводимого сравнения ставит принципиальный вопрос о научной и нормативной допустимости использования самого словосочетания «искусственный интеллект», учитывая его буквальное толкование, в качестве термина, обозначающего одноименное понятие. Потому справедливо говорить о существенной условности понятия «ИИ».

Результаты интеллектуальной деятельности человека несопоставимы с результатами работы «ИИ», ввиду недоступности для программных технологий таких важнейших когнитивных «опций» как понимание и осознание [4]. К тому же, человек осознает не только конечные результаты приложения собственных интеллектуальных усилий, но также постоянно осознает определенные промежуточные результаты своей мыслительной деятельности, от осознания которых непосредственно зависит выстраиваемый им индивидуальный алгоритм реализации последующих когнитивных функций, что, в итоге, и определяет конечные результаты его интеллектуальной работы.

Фактическая и достаточно условная возможность имитации с помощью соответствующих технологий отдельных когнитивных функций человека, не может являться основой для утверждений о возможности имитации «всего арсенала» его когнитивных способностей (как это следует из ранее приводимых положений Стратегии 2030), которые, применяясь индивидуумом комплексно и комбинированно, обуславливают уникальный и, в принципе, недоступный для машины результат его мыслительной деятельности. Именно поэтому сама постановка вопроса о сравнении (сопоставлении) результатов интеллектуальной деятельности человека с результатами, достигаемыми с помощью «ИИ» является некорректной. Ключевая предпосылка, заложенная в основу данного понятия, содержанием которой является утверждение о том, что «ИИ», как «комплекс технологических решений», позволяет имитировать когнитивные способности человека не соответствует действительности.

Таким образом, утверждение о том, что ИИ, как комплекс технологических решений, включающий программное обеспечение и необходимую инфраструктуру, позволяет имитировать когнитивные способности человека нельзя считать научно обоснованным.

Возможность имитации отдельных когнитивных функций человека с помощью компьютерных программ (комплексов программ) нельзя представить в качестве существенного и необходимого признака, позволяющего выделить отдельное понятие «искусственный интеллект», так как данный признак характеризует любое технологическое решение, основанное на компьютерном программировании.

Методологическая и фактическая несостоятельность понятия «ИИ», исключает возможность его использования в сфере уголовного судопроизводства, так как научные понятия должны основываться на доказательствах реального существования соответствующих им предметов и явлений.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // Информационно-правовой портал Консультант Плюс. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.
2. Спиридонов, М. С. (2023). Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании. Journal of Digital Technologies and Law, 1(2), С. 482[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.20> (Дата обращения - 10.10.2024).
3. Preparing for the future of artificial intelligence / Executive Office of the President National Science and Technology Council Committee on Technology of USA // . – 48 p. – P. 6.
4. Биляев В.А. К вопросу об применении технологий искусственного интеллекта в доказывании по уголовным делам // Стратегии противодействия преступности в условиях изменяющейся реальности: Сборник материалов 1 Международной научно-практической конференции посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Москва, 2024. С. 63-68.

Биляев Владимир Александрович
доктор юридических наук, доцент
Чухраев Денис Анатольевич
кандидат юридических наук
Крымского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный
университет правосудия»
(Симферополь, Россия)

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: НЕОБХОДИМЫЙ «ФИЛЬТР» ИЛИ НЕНУЖНЫЙ РУДИМЕНТ?

УДК 343.1

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются уголовно-процессуальные «фильтры» стадии возбуждения уголовного дела, возможность и последствия исключения стадии возбуждения уголовного дела из системы уголовного судопроизводства. Формулируется вывод о том, что стадия возбуждения уголовного дела должна выступить фильтром информации, допускающим на последующие стадии только данные о преступлениях, создать барьер для применения уголовно-процессуальных мер принуждения и защитить лицо от необоснованного уголовного преследования и привлечения к ответственности.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, уголовно-процессуальный фильтр, поводы к возбуждению уголовного дела, исключение стадии возбуждения уголовного дела.

Abstract: This article considers the criminal procedure 'filters' of the stage of initiation of criminal proceedings, the possibility and consequences of excluding the stage of initiation of criminal proceedings from the system of criminal proceedings. The conclusion is formulated that the stage of initiation of criminal proceedings should act as a filter of information, allowing at subsequent stages only data on offences, to create a barrier to the application of criminal procedural measures of coercion and to protect a person from unjustified criminal prosecution and prosecution.

Keywords: stage of initiation of criminal proceedings, criminal procedural filter, reasons for initiation of criminal proceedings, exclusion of the stage of initiation of criminal proceedings.

Учитывая постоянное внимание ученых-процессуалистов к проблемам стадии возбуждения уголовного дела, продолжают оставаться актуальными вопросы о целесообразности ее существования, сущности разрешаемых ею процессуальных задач. В научной литературе неоднократно поднимался вопрос об исключении стадии возбуждения уголовного дела из уголовно-процессуальной системы, приводились различные аргументы о невозможности сбора доказательств и оперативности установления виновных в совершении преступления, о фактическом устаревании модели уголовного процесса, содержащей указанную стадию.

В уголовно-процессуальной науке на протяжении многих лет стадия возбуждения уголовного дела учеными традиционно рассматривалась в качестве фильтра стадии предварительного расследования и уголовного процесса в целом. По мнению ученых указанная стадия должна: предотвратить попадание неперспективной информации в части

содержания данных о преступлении на стадию предварительного расследования и в последующие судебные стадии [1, с.125; 2, с.33; 3, с.72]; создать барьер для применения уголовно-процессуальных мер принуждения [4, с.170]; защитить лицо от необоснованного уголовного преследования и привлечения к ответственности [5, с.71].

В аспекте указанных пониманий в научной литературе рассматривается вопрос о целесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела. В пользу исключения данной стадии из системы уголовного процесса учеными приводились до 2013 года аргументы, связанные с низкой эффективностью осуществления уголовно-процессуальной деятельности на рассматриваемой стадии, с утратой важной информации, которая должна быть введена в уголовный процесс надлежащим образом при помощи процедуры доказывания, полноценно не осуществимой в то время на стадии возбуждения уголовного дела [6, с.76].

Анализ положений УПК РФ и специальной литературы, позволяет подчеркнуть, что стадия возбуждения уголовного дела содержит фактически два «фильтра», первым из которых выступает повод, регистрируемый в зависимости от его соответствия критериям УПК РФ, а вторым выступает завершающее указанную стадию решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом.

Первичный фильтр в виде повода играет значительную роль в ограничении действия уголовного процесса на достойную жизнь и свободное развитие граждан. С помощью него должны отсеиваться некачественные информационные первичные данные: анонимные заявления, сплетни, слухи. Указанный фильтр должен исключить информацию, поступающую со стороны отдельных категорий граждан, которые с помощью слухов, сплетен пытаются повлиять на иных граждан угрозой уголовного преследования, нарушая тем самым общественное спокойствие.

В УПК РФ в настоящее время в ненадлежащем виде находится уровень регламентации поводов к возбуждению уголовного дела. Т.С. Симонова, рассматривая указанную проблему, обращает внимание на то, что в ст. 140 УПК РФ перечень поводов к возбуждению уголовного дела сокращен до трех. По сравнению с предшествующим законодательством из прежних поводов оставлено заявление о преступлении и явка с повинной. Третий же повод, как правильно подчеркивает ученая, сформулирован как относительно неопределенный: «сообщение о готовящемся или совершенном преступлении, полученное из иных источников» [4, с.5]. С.И. Гирько пишет, что формулировка повода - «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» позволяет включить в него всю информацию об уголовно наказуемых деяниях, которая не вошла в предыдущие два повода, изложенные в п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ [7, с.127]. А.В. Варданян отмечает, что, стремясь разрешить проблемы, связанные с формулировкой «инициативного» повода для возбуждения уголовного дела, законодатель допустил, по его мнению, чрезмерно широкую и не конкретизированную регламентацию. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (нежели заявление о преступлении или явка с повинной), как полагает А.В. Варданян, является поводом синтетической, комплексной природы, интегрирующем в себе различные по форме, содержанию, объему, режиму получения источники информации [8, с.38].

В завершение рассмотрения качества регламентации законодателем поводов к возбуждению уголовного дела приведем точку зрения Д.А. Варнавского, который считает, что под сообщением из иных источников может подойти вообще любое сообщение о преступлении, полученное из любых источников [9, с.50].

Таким образом, в действующем УПК РФ поводы для возбуждения уголовного дела не выполняют роль необходимого первичного фильтра, которая на них возлагается. Несмотря на указанное законодатель в 2013 году принял решение о расширении перечня следственных и процессуальных действий, выполнение которых допустимо с момента получения законного повода до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Указанный подход, по нашему мнению, не способствует укреплению конституционных положений о создании

условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Вторичный фильтр, которым выступает непосредственно стадия возбуждения уголовного дела с принимаемым по ее результатам окончательным решением, целесообразно рассмотреть в сочетании с вопросом о возможности ее исключения из системы уголовного процесса. Это обосновывается тем, что поводы начала уголовного процесса в любом случае должны оставаться в пределах этой стадии или в начале предварительного расследования, если стадию возбуждения уголовного дела исключить.

Таким образом стадия возбуждения уголовного дела должна выступить фильтром информации, допускающим на последующие стадии только данные о преступлениях, создать барьер для применения уголовно-процессуальных мер принуждения и защитить лицо от необоснованного уголовного преследования и привлечения к ответственности. Если первое положение связано с эффективностью деятельности государственных органов, ростом нагрузки на органы расследования, что в принципе допустимо, то второе и третье положения являются крайне важными с позиции конституционных требований, уровень исполнения которых не подлежит занижению.

Литература:

1. Миллер В.Ю. Оптимизация правовой организации стадии возбуждения уголовного дела: доктрина, практика, техника: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Миллер Виктор Юрьевич. – Нижний Новгород, 2019. – 338 с.
2. Стельмах В.Ю. Правовая сущность стадии возбуждения уголовного дела / В.Ю. Стельмах // Общество и право. – 2020. – №3 (73). – С. 33–39.
3. Сыдыгалиев М.А. Дифференциация формы досудебного производства в уголовно–процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Сыдыгалиев Максат Абжалбекович. – Нижний Новгород, 2016. – 226 с.
4. Симонова Т.С. Проверка повода и установление основания для возбуждения уголовного дела: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Симонова Тамара Самвеловна. – Барнаул, 2007. – 220 с.
5. Богатова Е.В. Контрольно-надзорная деятельность за исполнением законов и ее эффективность в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Богатова Екатерина Владимировна. – Саратов, 2016. – 246 с.
6. Турилов Г.Г. Прокурор как субъект доказывания в российском уголовном процессе: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Турилов Георгий Георгиевич. – Краснодар, 2002. – 204 с.
7. Гирько С.И. Уголовно-процессуальные функции милиции (теоретические, правовые и прикладные проблемы): дис. ... доктора юрид. наук : 12.00.09 / Гирько Сергей Иванович. – М., 2004. – 336 с.
8. Варданян А.В. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, как повод для возбуждения уголовного дела: исторические и современные проблемы его реализации / А.В. Варданян // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – №3 (82). – С. 32–39.
9. Варнавский Д.А. Проверка сообщения о преступлении: генезис и перспектива: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.09 / Варнавский Денис Андреевич. – М., 2017. – 217 с.

Богомолва Д.Н.

Севастопольский государственный университет,

Магистр

(Севастополь, Россия)

УДК 343.132

ИНСТИТУТ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТОГО ОПЫТА В ОТЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация: В статье рассматривается институт негласных следственных действий в уголовном процессе, его место в законодательстве стран постсоветского пространства и актуальность для российской правовой системы. Автор анализирует различия между негласными следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями. Особое внимание уделено отсутствию данного института в российском законодательстве, несмотря на наличие отдельных схожих процедур.

Исследуется зарубежный опыт Украины, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Грузии и Эстонии, где негласные следственные действия либо выделены в отдельный институт, либо интегрированы в другие

правовые формы. Предлагается введение института негласных следственных действий в российское уголовно-процессуальное законодательство с учетом зарубежного опыта, но с адаптацией к национальным особенностям. Особое внимание уделяется необходимости судебного контроля при ограничении конституционных прав граждан.

Ключевые слова: негласные следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, защита прав граждан, судебный контроль.

В настоящее время институт негласных следственных действий сформирован в законодательстве ряда государств на постсоветском пространстве. По своей внутренней характеристике данный институт можно сравнить с оперативно-розыскными мероприятиями, но при этом существуют и некоторые различия. К ним относятся применение института только в отношении уже возбужденных уголовных дел, а также на этапе предварительного расследования. Тогда как значимость полученных с помощью данного института доказательств равняется доказательствам, полученным по уголовным делам традиционными способами.

Актуальность выбранной темы основывается на том, что в настоящее время в структуре российского уголовного законодательства институт негласных следственных действий не закреплён.³ Но при этом отдельные следственные действия, закреплённые в законодательстве некоторых государств, как часть данного института, в отечественном УПК есть. В таком случае возникает вопрос о необходимости создания института негласных следственных действий на законодательном уровне, ответ на который может дать, в том числе, и анализ зарубежной законодательной и правоприменительной практики

Отсутствие негласных следственных действий в структуре отечественного законодательства во многом основывается на том, что оно основано на традиционном разделении уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных методов поиска, анализа и закрепления информации о событии, требующим расследования. Тогда как во многом необходимость институционализации негласных следственных действий основывается на значительных изменениях в технической составляющей оперативно-розыскной деятельности, все большую роль в ней играют, которые могут считаться элементами негласных следственных действий. Например, если речь идет о снятии информации с каналов связи в режиме реального времени, и получения данных о прошедших телефонных переговорах. С точки зрения содержания уголовно-процессуального законодательства стран ближнего зарубежья отметим, что в них прослушивание телефонных переговоров также регулируется. Но регулируется по-разному, в зависимости от того, существует ли в УПК страны институт негласных следственных действий. В Беларуси, Азербайджане, Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане уголовно-правовая система схожа с российской и поэтому институт негласных следственных действий как таковой не выделяется. При этом осуществляется ограниченное регулирование прослушивания телефонных переговоров как специфической разновидности следственного действия, имеющего признаки негласного проведения.

Среди стран на территории бывшего Советского Союза одной из первых, включивших в уголовно-процессуальное законодательство негласные следственные действия стала Украина. В структуре ее УПК 2012 года этому институту посвящена целая глава, где их проведение регламентируется довольно подробно.⁴

³ Фадеева Ю.Р. Формирование следственных действий негласного характера в уголовно-процессуальном законодательстве России / Ю.Р. Фадеева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 1 (100). – С. 163–173

⁴ Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.12.2024 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178

Перечень негласных следственных действий наиболее широк по сравнению с законодательством других стран.⁵ Данная инициатива рассматривается многими учеными как положительная. А вот разрешение следователю работать с конфидентами активно критикуется, как противоречащее базовым принципам уголовного процесса. Схожий подход был реализован затем в Казахстане, применявший также и широкий перечень выделенных следственных мероприятий в рамках института негласных следственных действий.⁶

Любопытен опыт Кыргызстана, который является уникальным по сравнению с другими странами рассматриваемого региона. Так, в уголовно-процессуальном законодательстве государства вместо института негласных следственных действий выделяется институт специальных следственных действий, в структуру которых входит как большая часть негласных следственных действий, так и множество следственных действий традиционного типа.⁷ Схожий подход реализован в законодательстве Молдовы, где в такой же роли фигурируют «специальные розыскные мероприятия».⁸ Также подобная модель закреплена в Грузии, где с 2014 году 16 глава УПК «Тайные следственные действия» как раз закрепляет целую систему мероприятий, большая часть из которых является негласными следственными действиями.⁹

Также можно встретить интересный для исследования пример – опыт Эстонии, в которой фактически институт негласных следственных действий реализован, но закреплён в законодательстве в главе «Оперативно-розыскные мероприятия».

А ведь оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия не идентичны, вследствие различия их целей и возможностей получения доказательственной информации. Если задачей первых чаще всего является получение сведений для выхода на источники доказательств, то следственные действия направлены на сбор и проверку уже непосредственно доказательственной информации. Именно поэтому проведение негласных следственных действий требует тщательной правовой регламентации, в том числе, и по фиксации полученных данных¹⁰.

Обобщая рассмотренный опыт, можно утверждать, что практически всегда при закреплении в законодательстве государства в той или иной форме негласных следственных действий, они достаточно детально и подробно описываются с точки зрения того, что они из себя представляют, а также в каких условиях применяются.

Повышенные требования к такого рода следственным действиям следует закрепить и в российском законодательстве. Это важно потому, что неоднозначная трактовка условий и содержания процесса применения негласных следственных действий создает значительные угрозы правам граждан. Чтобы избежать данной проблемы следует регламентировать в

⁵ Давыдов С.И. Негласные следственные действия: российский и зарубежный опыт правового регулирования / С.И. Давыдов // Российско-азиатский правовой журнал. – 2023. – № 4. – С. 77–81.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.03.2025 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.03.2025 г.) Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 года № 1772-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.03.2025 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37807676

¹⁰ Михайлов, М. А. Негласная деятельность следователя: размышления о новациях УПК Украины 2012 г / М. А. Михайлов // Воронежские криминалистические чтения. – 2013. – № 15. – С. 220-226. – EDN XBA4YN.

уголовно-процессуальном законодательстве эти сложные и многоаспектные действия как можно более подробно и четко, не допуская возможностей для злоупотребления ими в ущерб прав граждан.¹¹

По нашему мнению российское законодательство нуждается в закреплении института негласных следственных действий как отдельного института по примеру ряда стран ближнего зарубежья. Подобная практика имеет значительное количество преимуществ, среди которых выработка конкретных условий и требований к применению данного института для доказывания, регулирование требований к получению разрешений на проведение действий негласного типа, формирование специальных требований к производству с применением полученных таким образом доказательств.

С точки зрения условий применения негласных следственных действий следует рассмотреть как оптимальную модель, при которой поручение для проведения негласных действий может выдаваться должностным лицом досудебного органа в отношении правоохранительных органов. Но при этом необходимо отметить, что в случае ограничения в процессе осуществления негласных следственных действий конституционных прав и интересов граждан обязательным является требование к получению разрешения через судебные органы.

Вместе с тем не следует слепо копировать зарубежный опыт, учитывать особенности российской действительности, учиться на чужих ошибках, что бы не наделать собственных. Например, данные, полученные в ходе проведения таких действий, требуют адекватной оценки перспектив их использования в качестве доказательств, либо лишь как выхода на источники доказательств.

Другой проблемной ситуацией, является осуществление негласных следственных действий, которое изначально не предполагало ограничение или даже нарушение конституционных прав граждан, а впоследствии это произошло. Например, при снятии информации с кандалов связи или скрытом наблюдении могут быть затронуты права на неприкосновенность личной жизни, тайну телефонных переговоров и переписки.

Таким образом, институт негласных следственных действий следует рассматривать как важный и перспективный для интересов российского законодательства. По нашему мнению, в России необходимо выделение из всей, предусмотренной УПК совокупности следственных действий института специальных (негласных) следственных действий в отдельную главу УПК, что поможет не только эффективному собиранию, оценке и использованию доказательств, но обеспечит дополнительную защиту конституционных прав и свобод граждан путем более тщательного регулирования порядка их разрешения и проведения.

Литература

1. Фадеева Ю.Р. Формирование следственных действий негласного характера в уголовно-процессуальном законодательстве России / Ю.Р. Фадеева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 1 (100). – С. 163–173.
2. Давыдов С.И. Негласные следственные действия: российский и зарубежный опыт правового регулирования / С.И. Давыдов // Российско-азиатский правовой журнал. – 2023. – № 4. – С. 77–81.
3. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.12.2024 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.03.2025 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852

¹¹ Халиков А. Н. Институт негласных следственных действий в Уголовно-процессуальном законе России и стран ближнего зарубежья (сравнительно-правовое исследование) // Правовое государство: теория и практика. 2024. №1 (75). С. 142-150.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.03.2025 г.) Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729
7. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 года № 1772-Пс (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.03.2025 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37807676
8. Михайлов, М. А. Негласная деятельность следователя: размышления о новациях УПК Украины 2012 г / М. А. Михайлов // Воронежские криминалистические чтения. – 2013. – № 15. – С. 220-226. – EDN XBA4YN.
9. Халиков А. Н. Институт негласных следственных действий в Уголовно-процессуальном законе России и стран ближнего зарубежья (сравнительно-правовое исследование) // Правовое государство: теория и практика. 2024. №1 (75). С. 142-150.

Бордюгов Леонид Григорьевич,
ФГБУ «Донецкая лаборатория судебной экспертизы
Министерства юстиции Российской Федерации»,
ФГБОУВО «Донбасский государственный
университет юстиции»,
кандидат юридических наук,
(Донецк, Россия)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.98

Аннотация. Активное внедрение создаваемых информационно-телекоммуникационных систем и технических средств во все сферы жизнедеятельности общества создало объективные предпосылки возникновения новой разновидности преступлений – преступлений в сфере высоких технологий, распространение которых неизбежно ставит сотрудников правоохранительных органов перед необходимостью детального изучения технических возможностей существующих компьютерных систем и их использования в борьбе с преступностью в киберпространстве.

Ключевые слова: интернет, киберпространство, виртуальное слепообразование, специальные знания, судебная экспертиза.

Annotation. The active introduction of the created information and telecommunication systems and technical means into all spheres of society's life has created objective preconditions for the emergence of a new type of crime – crimes in the field of high technologies, the spread of which inevitably puts law enforcement officers in front of the need for a detailed study of the technical capabilities of existing computer systems and their use in the fight with cyberspace crime.

Keywords: internet, cyberspace, virtual trace formation, special knowledge, judicial expertise.

Многие из нас слышали о киберпреступности и, возможно, даже лично с ней сталкивались. Киберпреступность включает в себя различные виды преступлений, совершаемых с помощью компьютера и в сети Интернет.

В настоящее время компьютерные преступления – это одна из самых динамичных групп общественно опасных посягательств.

В последнее время широкое распространение получили новые виды преступлений с использованием IT-технологий, такие как кибермошенничество, хищение персональных данных, кибершпионаж и т.п.

«Интернет относится к тем изобретениям, которые люди создали, но пока не поняли до конца ... А ведь все только начинается...» [1, С.11-12].

Наука и техника сегодня развиваются в направлении внедрения информационных технологий, и чем больше информационные технологии интегрируются в различные сферы деятельности, тем более актуальной становится защита от различных злоупотреблений в сфере информационных технологий.

Следует отметить, что наряду с несомненно положительными моментами киберпространство имеет и отрицательные стороны. Специфические особенности преступлений, совершаемых в киберпространстве, обусловлены, прежде всего, обстановкой интернет-среды, поскольку события в киберпространстве происходят не на физических участках местности, а в определенной специфической среде.

Существует много угроз в использовании информационного пространства, таких как: несанкционированное вмешательство в работу компьютерных и телекоммуникационных сетей, изготовление и распространение вредоносного программного обеспечения, вмешательство в политические процессы в различных государствах и в личную жизнь граждан, что в подавляющем большинстве носит транснациональный организованный характер. Такие проблемы являются актуальными практически для всех стран.

Вопросы кибербезопасности в эпоху информационных технологий все больше беспокоят мировое сообщество, поскольку в этой сфере стремительно растет количество нарушений и преступных деяний, в результате чего целые государства, многочисленное количество частных корпораций и других учреждений и организаций несут значительные убытки. По данным ООН ежегодно киберпреступность наносит государствам и частным лицам очень большой вред, в частности, ежегодный ущерб от киберпреступности в мире составляет 1,5 триллиона долларов [2].

В наше время преступления в сфере киберпространства являются достаточно распространенными, чувствовать себя защищенным от таких преступлений практически невозможно. Границы киберпространства беспредельны, у хакеров достаточно навыков и умений, чтобы оставаться в нем под чужим именем, и поэтому это создает дополнительные проблемы при расследовании таких преступлений. Тысячи преступлений каждый день связаны с похищением персональных данных, средств со счетов, блокировкой деятельности. Возможными жертвами могут стать не только простые люди, но и целые компании и даже государства.

Наблюдается резкое возрастание количества преступлений с использованием IT-технологий, в частности если в 2022 году в России было зарегистрировано 522065 [3, С. 30] таких преступлений, то в 2024 году таких преступлений было зарегистрировано уже 765365 [4, С. 28]. Принято считать, что «скачок» количества всех киберпреступлений произошел в 2017 году, что в значительной степени связано с вирусом Petya. Рост количества киберпреступлений обуславливается усовершенствованием технических и программных средств, доступных для злоумышленников, и усиливается существованием нелегального рынка по продаже средств для совершения киберпреступлений. Вместе с тем, такой рост можно объяснить не только возрастанием самих киберпреступлений, но и улучшением возможности их выявления за счет появления новых технологий и методик расследования. Кроме этого абсолютное большинство преступлений в сфере компьютерной информации – латентные. Специалисты верно утверждают, что много правонарушений этой разновидности не находят отражения в официальной уголовной статистике.

Следует отметить, что единого определения понятия киберпреступности не существует. Будапештская конвенция по борьбе с киберпреступностью [5], принятая Советом Европы 23 ноября 2001 года, являющаяся первым международным договором о преступлениях, совершенных через интернет и другие компьютерные сети, также не содержит такого понятия. Вместе с тем, в настоящее время Будапештская конвенция является основой для разработки законодательства в сфере борьбы с киберпреступлениями как для общемирового законодательства, так и для каждой страны в отдельности.

К основным признакам киберпреступности можно отнести следующие: непосредственным местом совершения преступления является виртуальный мир; последствия могут быть как виртуальные, так и реальные (материальные и моральные); удаленность места наступления последствий от места непосредственного совершения преступных действий; трансграничный характер преступных действий; усложненная процедура идентификации личности преступника; цифровой характер следовой информации;

лицензионный или вредоносный программный продукт как средство совершения преступления; многовидовой предмет посягательства (информация, собственность, мораль, безопасность и т.д.); значительные размеры ущерба.

Предметом преступной деятельности мошенников в интернете становится информация, а компьютерные технологии превращаются в орудие совершения преступлений. Широкое распространение мошенничества в интернете не случайно. Особенностью интернет-пространства является отсутствие физических границ, он не находится в ведении отдельного юридического или физического лица, или даже отдельного государства. Как следствие – отсутствие действенного контроля информационных потоков, создает благодатную почву для различного рода преступлений и мошенничества в интернете-пространстве. Расследование преступлений в интернете требует не только специальных подходов и методик, владения современными информационными технологиями, наличия высокотехнологичного аппаратного и программного обеспечения, важно также налаженное международное сотрудничество. Основным направлением деятельности мошенников в интернете является совершение хакерских атак на компьютерные системы коммерческих предприятий, частных лиц, а иногда и государственных структур с целью получения доступа к конфиденциальной коммерческой информации, финансовым средствам и т.д.

Киберпреступность не ограничивается рамками преступлений, совершенных в глобальной информационной сети Интернет, она распространяется на все виды преступлений совершенных в информационно-телекоммуникационной сфере, где информация, информационные ресурсы, информационная техника могут выступать предметом преступных посягательств, средой, в которой совершаются правонарушения и средством или орудием преступления. Это и детская порнография, мошенничество, несанкционированное вмешательство в работу компьютерных и телекоммуникационных сетей, изготовление и распространение вредоносных программ, похищение идентификационных данных лиц, электронное вымогательство и другие.

Проблемы противодействия преступлениям в сфере использования компьютерной техники уже давно активно обсуждается учеными, достаточно быстро развивается практика применения соответствующих норм законодательства относительно ответственности за указанные преступления. Изучение состояния научной разработанности проблемы обеспечения кибербезопасности показало, что на современном этапе специального исследования по этим вопросам не проводилось. Однако, отдельные аспекты такой деятельности рассматривались в научных работах ряда ученых криминалистов и криминологов [6-10].

При этом ученые приходят к неутешительным выводам о том, что отсутствие системного институционального характера в исследовательской работе в этом направлении ощутимо усложняет борьбу с преступлениями в сфере компьютерных и информационных технологий.

Все это вызывает необходимость не только применения специальных знаний при выявлении и фиксации следов преступления в цифровой форме, специфического порядка проверки и оценки таких доказательств, но и криминалистических методов, направленных на усиление их защиты от дистанционного уничтожения или изменения. Однако вопросы выявления, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации в процессе расследования указанной категории преступлений для использования ее в дальнейшем в качестве доказательственной информации являются проблемными. Причины этого кроются в дефиците квалифицированных кадров, на достаточном уровне владеющих информационными технологиями, и отсутствии должного количества специального экспертно-криминалистического оборудования, а также в недостаточной практике расследования таких преступлений и т.д.

Следует отметить, что совершение преступлений в киберпространстве сопровождается возникновением специфических следов, которые в криминалистической литературе называют «виртуальными» [11], «цифровыми» [12] или «электронными» [13]. Особенности

восприятия этих следов и способы их познания очень тесно перекликаются с объектами судебной компьютерно-технической экспертизы [12, С. 116]. Указанные следы являются нетрадиционными, визуально не воспринимаются, а устанавливаются в результате проведения экспертных исследований компьютерной техники и программных продуктов и исследований информационно-телекоммуникационных систем и средств.

При исследовании электронных доказательств, надо иметь необходимые знания о современных видах программного и аппаратного обеспечения систем и устройств, которые могут содержать электронные доказательства, начиная от стационарных компьютеров, их компонентов, ноутбуков и компьютерных сетей, и завершая отдельными мобильными телефонами, смартфонами и другими гаджетами. Необходимо понимать, какие именно потенциальные электронные доказательства и как именно могут храниться в них, и каким образом, при каких условиях и кем они могут быть уничтожены. Необходимо иметь теоретические знания и практические навыки защиты места электронного преступления и электронных доказательств от уничтожения.

Электронный документ является достаточно уязвимым, поскольку он может быть легко изменен, уничтожен и т.д. Именно эта его черта, по мнению ученых, предопределяет необходимость создания специальных правил фиксации электронной информации, способов сохранения и приобщения их к материалам дела и в дальнейшем экспертного исследования.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о многоаспектности проблемы расследования преступлений в IT-сфере, широкие возможности для их исследования и разработки направлений их решения.

Важную роль играет совершенствование нормативного правового обеспечения в сфере предупреждения и противодействия преступлениям в сфере киберпреступности, что возможно по следующим направлениям: внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части усиления ответственности за преступления в сфере компьютерных и информационных технологий; признание электронных документов и других данных в качестве доказательной базы при расследовании киберпреступлений и т.д.

Все эти вопросы требуют своего решения, для чего необходима консолидация сил не только государства и общества, не только исполнительной и законодательной власти, но и совместная работа правоохранительной системы с судебно-экспертными учреждениями, поскольку противостоять преступным технологиям без привлечения специальных знаний на всех стадиях уголовного процесса практически невозможно.

Основной процессуальной формой использования специальных знаний в судопроизводстве является судебная экспертиза. Основной процессуальной фигурой при этом является судебный эксперт, который зачастую является единственным ключом «в руках правосудия в раскрытии хитросплетенного преступления» [14, С. 3]. При этом не стоит забывать, что «судебная практика очень часто заставляет обращаться к специальным исследованиям или обращаться к содействию сведущих людей, т.е. экспертов» [15, С. 192].

Именно использование специальных знаний путем привлечения судебного эксперта соответствующей квалификации с использованием современного экспертно-криминалистического оборудования будет способствовать повышению результативности раскрытия и расследования киберпреступлений.

Предотвращение преступлений в сфере компьютерных технологий является возможным при условии обеспечения надлежащим образом работников предварительного расследования, судебно-экспертных учреждений, занимающихся сферой расследования киберпреступлений, автоматизированными рабочими местами, оборудованными новейшей компьютерной техникой, системными программами и т.п. Применение новейших информационных технологий является оправданным, поскольку минимизирует потери времени, физические и умственные усилия, а также финансовые ресурсы.

В связи с указанным, значительную роль в организации судебно-экспертной деятельности в сфере противодействия киберпреступности играет уровень обеспечения судебно-экспертных учреждений новейшими экспертными технологиями, методиками,

специалистами высокой квалификации, современным экспертно-криминалистическим оборудованием.

Литература:

1. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. Э. Шмидт, Дж. Коэн. Пер. с англ. Сергея Филина – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.
2. Генсек ООН оценил ежегодный ущерб от киберпреступности в \$1,5 трлн. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5602678> (дата обращения 29.03.2025).
3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. – М.: [б.и.], 2025. – 66 с.
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. – М.: [б.и.], 2025. – 63 с.
5. Будапештская конвенция. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/convention-on-cybercrime#/> (дата обращения 29.03.2025).
6. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 1 (24). – С. 45-55.
7. Бородкина Т. Н., Павлюк А. В. Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия. Социально-политические науки. – 2018. – №1 – С. 135-137.
8. Буз С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристы-Правоведы, – 2019. – № 4 (91). – С. 78-82.
9. Комлев Ю. Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии // Российский девиантологический журнал. – 2022. – № 2(1). – С. 17-26.
10. Мозжерина Е. С. Кибератаки и киберпреступления: современные тренды и методы предотвращения // Молодой ученый. – 2024. – № 48 (547). – С. 5-7.
11. Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. – 2012. – Вып. 8 (934). – С. 43-45.
12. Семикаленова А. И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 5 (57). – С. 115-120.
13. Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. – 2016. – Вып. 2 (46). – С. 10-19.
14. Иванов С. Ф. Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе. Пособие для юристов и бухгалтеров-экспертов. – Санкт-Петербург: Издание книжного склада «Коммерческая литература», 1913. – 233 с.
15. Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Юридическая литература, 1966. – Т. 1. – 567 с.

Головачук Ольга Сергеевна,
доцент кафедры судебной деятельности и
уголовного процесса имени П. М. Давыдова
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук,
(Екатеринбург, Россия)

Раменская Виктория Святославовна,
доцент кафедры судебной деятельности и
уголовного процесса имени П. М. Давыдова
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук,
(Екатеринбург, Россия)

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ (ГЛАВА 40 УПК РФ)

УДК 343.137.2

Аннотация: В статье анализируется особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, его место в системе уголовно-процессуального законодательства России. Авторы уделяют внимание законодательным пробелам и противоречиям, присущим действующему УПК РФ в части регулирования особого порядка, а также предлагают возможные пути их преодоления.

Abstract: The article analyzes the special procedure of judicial proceedings with the consent of the accused to the charge brought against him, his place in the system of criminal procedure legislation of

Russia. The authors pay attention to the legislative gaps and contradictions inherent in the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of regulation of a special order, and also suggest possible ways to overcome them.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства, уголовный процесс, согласие с предъявленным обвинением, ходатайство о применении особого порядка

Keywords: special procedure for judicial proceedings, criminal proceedings, consent to the charge, petition for the application of a special procedure.

Концепция судебной реформы в РСФСР от 24 ноября 1991 года среди приоритетных направлений развития процессуального законодательства обозначила «максимальное приближение суда к населению, чтобы обеспечить доступ граждан к правосудию; использование простых процессуальных форм в низших звеньях судебной системы». Одним из важнейших направлений реформирования уголовно-процессуального законодательства была названа состязательность и дифференциация его форм, то есть развитие так называемых особых порядков уголовного судопроизводства.

С принятием Конституции России в 1993 году был взят курс на дальнейшее расширение сферы действия особых производств [1, с.41], что в итоге нашло закрепление в УПК РФ 2001 г. через дифференциацию форм судопроизводства на усложненные и упрощенные порядки. К первым можно отнести производство в суде с участием присяжных, а особый порядок рассмотрения уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением является представителем второй группы.

Таким образом, можно сделать вывод, что закрепление в тексте УПК РФ главы 40 стало закономерным продолжением реализации идей реформирования российского уголовно-процессуального законодательства, сформулированных еще в начале девяностых годов прошлого века.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о востребованности особого порядка рассмотрения уголовных дел. Так, в период до 2020 года ежегодно более 50 % уголовных дел рассматривалось в особом порядке. И лишь исключение из данного порядка дел о тяжких преступлениях привело к снижению указанного показателя до 40% [2, с. 98].

При этом, к сожалению, даже несмотря на разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда России «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» от 05.12.2006 № 60 с последующими изменениями и дополнениями, многие законодательные положения главы 40 УПК РФ нуждаются в уточнении.

В соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 314 УПК РФ одним из условий применения особого порядка является отсутствие возражений со стороны потерпевшего. Следует согласиться с мнением И.В. Головинской, что особый порядок судопроизводства нацелен на сокращение сроков нахождения уголовного дела в суде [3, с. 34]. В тоже время нормы УПК РФ, регламентирующие процедуру выяснения позиции потерпевшего, решению данной задачи не способствуют. Часть 4 статьи 217 УПК РФ закрепляет обязанность следователя уведомить потерпевшего о заявленном ходатайстве и разъяснить ему право представить свои возражения. При этом нет никаких гарантий, что потерпевший явится в судебное заседание (даже при наличии повестки), а при неявке своевременно информирует суд о том, согласен он или нет на рассмотрение дела в особом порядке.

Для решения обозначенной проблемы, на наш взгляд, в тексте закона необходимо указать, что следователь (дознатель), получив соответствующее ходатайство от обвиняемого, должен выяснить позицию потерпевшего, вызвав его для ознакомления с ходатайством и разъяснения его прав. Мнение потерпевшего следует письменно зафиксировать и отразить в материалах дела. Только после этого уголовное дело вместе с обвинительным заключением (обвинительным актом) может быть направлено прокурору. Подобная процедура должна ускорить рассмотрение дела в особом порядке, исключив возможное неоправданное затягивание.

Согласно пункту 2 части 2 статьи 315 УПК РФ ходатайство о рассмотрении дела без проведения судебного разбирательства в общем порядке (то есть об особом порядке) может быть заявлено обвиняемым на предварительном слушании. Но законодатель именует данный документ по-разному: ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства (пункт 2 части 5 статьи 217 УПК РФ) и ходатайство о рассмотрении дела без проведения судебного разбирательства в общем порядке (статьи 314-316 УПК РФ). Полагаем, что такой подход не способствует защите прав и законных интересов обвиняемого, так как может повлечь путаницу в сознании лица, не обладающего глубокими знаниями в области уголовного судопроизводства. Учитывая изложенное, предлагаем использовать только одно наименование ходатайства.

Кроме того, необходимо урегулировать в законе процедуру выяснения позиции потерпевшего в тех случаях, когда ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке заявлено в ходе предварительного слушания. Судья должен обеспечить явку потерпевшего в судебное заседание, направив ему вместе с повесткой письменное разъяснение о необходимости выразить отношение к заявленному обвиняемым ходатайству. Если потерпевший не может явиться в зал суда по уважительной причине, он должен представить свое мнение до начала судебного заседания в письменной форме.

Остается открытым вопрос, должны ли потерпевший, частный обвинитель или прокурор аргументировать свое несогласие с рассмотрением дела в особом порядке. Очевидно, что потерпевший и частный обвинитель вольны по собственному усмотрению решать данный вопрос. Но прокурор, как представитель государства, осуществляющий защиту публичных интересов, обязан мотивировать возражения против особого порядка. Действующий же уголовно-процессуальный закон не содержит соответствующих требований [4, с.164]. Поэтому предлагаем внести изменения в текст статьи 316 УПК РФ, дополнив ее указанием, что прокурор должен изложить суду мотивы несогласия на применение особого порядка.

Формулировка части 6 статьи 316 УПК РФ, согласно которой судья по собственной инициативе может перейти от особого порядка рассмотрения дела к общему, также вызывает вопросы. Не оспаривая наделение судьи указанным правом, следует закрепить в тексте закона основания, при наличии которых он может реализовать это право. Представляется, что подобное решение судья вправе принять только в том случае, если предъявленное лицу обвинение, с которым оно согласилось, не подтверждается собранными по делу доказательствами.

Полагаем, что реализация предложений, направленных на совершенствование положений главы 40 УПК РФ, будет способствовать защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также позволит устранить затруднения и противоречия в правоприменительной практике.

Литература:

- 1.Погодин С.Б. Парадигмы особого производства в состязательном уголовном процессе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. - 2011. №1 (17). - С.41-46.
- 2.Иваньшина А.Э. К спорам о целесообразности ограничения особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в части категории тяжести преступлений // Вестник Российского университета кооперации. - 2023. № 2 (52). - С. 97-100.
- 3.Головинская И. В. Особенности рассмотрения мировым судьей уголовных дел в упрощенном порядке судопроизводства//Пенитенциарная наука. 2008. № 2. С. 32-36.
- 4.Овсянников И. В. Несогласие государственного обвинителя с применением особого порядка судебного разбирательства//Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1(132). С. 163-168.

Зехов Батыр Зурабович
*Кубанский государственный университет,
аспирант кафедры криминалистики и правовой информатики
(Краснодар, Россия)*

ДОСТОВЕРНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА

УДК 343.98

Аннотация: В статье рассматривается проблема оценки достоверности заключения специалиста в уголовном судопроизводстве. Отмечено, что в доктрине и судебной практике часто суждения специалиста не принимаются во внимание при принятии итогового решения по делу по основаниям, свидетельствующим о недопустимости данного доказательства. Недостоверным же должно признаваться такое заключение специалиста, которое объективно не соответствует действительности.

Ключевые слова: заключение специалиста, достоверность, допустимость, заключение эксперта, уголовное судопроизводство.

Abstract. The article examines the problem of assessing the reliability of a specialist's opinion in criminal proceedings. It is noted that in the doctrine and judicial practice, the opinions of a specialist are often not taken into account when making a final decision on a case on the grounds that indicate the inadmissibility of this evidence. Only such a specialist's opinion should be recognized as unreliable if it does not correspond to reality.

Keywords: specialist's conclusion, reliability, admissibility, expert's conclusion, criminal proceedings.

Заключение специалиста является одним из видов доказательств по уголовному делу (ч. 3¹ ст. 74 УПК РФ), поэтому оно, как и иные доказательства, подлежит оценке и способно оказать влияние на принятие итогового вывода по уголовному делу. Значительное число научных произведений посвящено вопросам определения правовой природы заключения специалиста [1], [2], а также соотношения правового статуса специалиста и иных участников уголовного судопроизводства [3]. В свою очередь, в настоящем исследовании акцентируется внимание на проблеме установления достоверности заключения специалиста, что значимо как для криминалистической науки, так и правоприменительной практики.

Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист в рамках уголовного судопроизводства может выполнять различные функции: 1) содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов; 2) применение технических средств в исследовании материалов уголовного дела; 3) постановка вопросов эксперту; 4) разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Тем самым, в четвертом из перечисленных случаев в наибольшей степени проявляется научно-консультативная сущность заключения специалиста.

В доктрине и правоприменительной практике довольно часто заключение специалиста как доказательство характеризуется в негативном ключе, что объясняется прежде всего недетализированностью уголовно-процессуального законодательства в части привлечения специалиста к участию в производстве по уголовному делу [4], а также отсутствием нормативно установленных требований к структуре и содержанию данного заключения. Кроме того, ученые отмечают, что оно лишено такого важнейшего механизма подтверждения достоверности как предупреждение его составителя об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения [1, с. 81]. А тот факт, что специалист может готовить заключение на возмездной основе, отвечая на вопросы, поставленные стороной защиты, предполагает заинтересованность специалиста и ставит под сомнение достоверность всего заключения [5, с. 20].

Обозначенные выше проблемы, хотя и подлежат обсуждению и разрешению, в том числе на законодательном уровне, как видится, во-первых, связаны с расширительным толкованием УПК РФ, при котором предпринимаются попытки распространить нормативные положения о заключении эксперта на заключение специалиста; во-вторых, в большей мере относятся к проблеме допустимости доказательств; в-третьих, смещают акцент с содержания рассматриваемого вида доказательств на его форму. Суду не следует отвергать изложенные в заключении суждения как недостоверные, ссылаясь только на одно из вышеуказанных обстоятельств. На это указывал и Конституционный Суд РФ [6]. Фактически очерченная презумпция «виновности» специалиста явно не может признаваться оправданной при отсутствии данных, указывающих на то, что именно его суждения, составляющие суть заключения, недостоверны.

В этой связи стоит отдельно остановиться на значении употребляемого в ч. 3 ст. 80 УПК слова «суждение». В толковых словарях оно определяется как «мысль, выражаемая повествовательным предложением и являющаяся истинной или ложной»; «умственный акт, реализующий отношение говорящего к содержанию высказываемой мысли и связанный с убеждением или сомнением в ее истинности или ложности»; «одна из логических форм мышления, связь между двумя понятиями (субъектом и предикатом)» [7]. Может сложиться впечатление, что суждение – неоднозначное, субъективное высказывание, допускающеевольные трактовки какого-либо понятия или явления. Однако в юридическом (уголовно-процессуальном) смысле это не так. А. М. Зинин справедливо заметил: суждение – это не просто высказывание мнения, это познавательный процесс, в ходе которого формируется цепь логических категорий, производится анализ фактов, обстоятельств, их признаков и свойств на основе профессиональных знаний специалиста [2, с. 33].

Анализ судебной практики позволяет подтвердить мысль о том, что, с точки зрения установления достоверности заключения специалиста необходимо оценивать соответствие его суждений действительности; последние должны быть научно обоснованными, мотивированными, проверяемыми, объективными.

Не может, в частности, соответствовать вышеназванным критериям вывод о допечатке, выполненной в иное, чем остальной текст, время, сделанный специалистом по светокопиям постановления, представленным стороной защиты, без исследования его подлинника [8].

В другом деле, в рамках которого действия осужденной квалифицировались по ч. 3 ст. 264 УК РФ, в суд было представлено исследование специалиста, проведенное с использованием копий материалов дела без непосредственного осмотра транспортных средств. Данное заключение специалиста признано судом необъективным и недостоверным доказательством [9].

Как видится, обоснованно судом не принято во внимание и заключение специалиста, непосредственно не участвовавшего при вскрытии трупа потерпевшей, не осматривавшего имеющиеся на трупе телесные повреждения, но охарактеризовавшего их [10].

Весьма интересен приговор по делу о покушении на убийство, совершенном путем наезда на потерпевшую. Суд анализировал заключение специалиста-автотехника, который отметил следующее: «если бы пешеход остался на месте, то водитель автомобиля Volkswagen Amarok совершил бы наезд на него, но он получил бы легкие ушибы мягких тканей. Если бы пешеход остался на месте в районе левой передней двери автомобиля BMW X3, то водитель автомобиля Volkswagen Amarok остановился бы на расстоянии более 1,3 м до пешехода и наезд бы не произошел». В данном случае изложенные в заключении специалиста выводы не приняты во внимание судом, поскольку они «носят предположительный характер» [11].

Отдельно стоит остановиться на довольно острой проблеме оценки достоверности заключения специалиста, принятого по вопросам, ранее разрешенным в имеющемся в материалах уголовного дела заключении эксперта.

Важно обратить внимание на правовую позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой УПК РФ не предусматривает полномочий специалиста по оценке экспертных заключений, их допустимости в качестве доказательств, по вопросам права, подлежащих разрешению судом, проведению схожих с экспертизой исследований. Специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам. Заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу, а потому и не равнозначно ему. При этом сторона защиты с опорой на суждения, высказанные привлеченными ею специалистами, вправе приводить суду доводы, опровергающие заключение судебной экспертизы, проведенной по постановлению следователя, обосновывать ходатайства о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы [12].

Если все вышеназванное соблюдено, и суждения специалиста не сводится к простому несогласию с выводами эксперта, какие обстоятельства могут умалять доказательственное значение заключения специалиста, свидетельствовать о его недостоверности?

В качестве примера можно привести дело из практики Ростовского областного суда, в рамках которого стороной защиты было представлено транспортно-трасологическое и автотехническое исследование. Оно признано недостоверным, поскольку в нем не в полном объеме изучены материалы уголовного дела в сравнении с материалами, проанализированными экспертом. В результате суд не принял во внимание заключение специалиста и констатировал, что оно противоречит иным доказательствам по делу [13].

Своего рода квинтэссенцией всего вышесказанного является аргументация недостоверности заключения специалиста по делу об убийстве, рассмотренном Матвеево-Курганским районным судом Ростовской области. Оценивая заключение и показания специалиста в судебном заседании, исходя из установленных обстоятельств, суд считает их противоречивыми, необъективными, данными в пользу подсудимого, односторонними в части исследованных вариантов расположения тел, при том, что описанная специалистом версия причинения телесных повреждений, носит предположительный характер и ничем с объективностью не подтверждена, опровергается приведенными показаниями свидетелей и потерпевших [14].

Таким образом, в силу специфики заключения специалиста, содержащего суждения, касающиеся узкой сферы профессиональных знаний, перед судом не стоит задача уяснения научных теорий и методик, применяемых специалистом. Вывод о недостоверности заключения специалиста делается, в частности, в случае установления обстоятельств, явно свидетельствующих о недостаточности данных для проведения полного и всестороннего исследования. Кроме того, достоверность заключения специалиста, как и любых иных доказательств, устанавливается в результате сопоставления всей имеющейся в материалах уголовного дела информации, характеризующей фактические обстоятельства совершенного преступления.

Литература

1. Стельмах В. Ю. Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве: правовая природа и перспективы использования в доказывании // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. С. 77-91.
2. Зинин А. М. Заключение специалиста: сущность, содержание и форма // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 8. С. 32-37.
3. Комиссарова Я. В. К вопросу об основаниях разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 135-142.
4. Елагина Е. В., Николаева Т. Г., Коваленко В. И. Особенности реализации стороной защиты права на привлечение специалиста в уголовном судопроизводстве // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 3. С. 420-432.
5. Ефремов И. В. К вопросу о допустимости и достоверности заключения специалиста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 19. С. 18-20.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Прокопьевой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 61, частью второй статьи 71, пунктом 3 части второй статьи 75 и частью второй статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 2077-О // СПС «КонсультантПлюс».
7. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/236094?ysclid=m8zskw1hgz173078270> (дата обращения: 07.04.2025).
8. Апелляционное Определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2014 г. по делу № 58-АПУ14-13 // consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/57aab780bd6bda63d406bf99082ab3b3afe269ab/?ysclid=m8ekyzjsqa292040997 (дата обращения: 07.04.2025).
9. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 18 июля 2023 г. по делу № 1-53/2023 // <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 07.04.2025).
10. Апелляционное Определение Верховного Суда РФ от 6 ноября 2019 г. по делу № 127 -АПУ19-10 // <https://sudact.ru/vsrf> (дата обращения: 07.04.2025).
11. Приговор Тульского областного суда от 6 августа 2021 г. по делу № 1-15/2021 // <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 07.04.2025).
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав частями первой и четвертой статьи 283 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2233-О // СПС «КонсультантПлюс».

13. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 19 ноября 2020 г. по делу № 1-35/19 // <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 07.04.2025).

14. Приговор Матвеево-Курганского районного суда от 18 декабря 2019 г. по делу № 1-179/2019 // <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 07.04.2025).

Козлова Елена Лорисовна

*Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
(Калининград, Россия)*

Баринова Елена Дмитриевна

*Академия Управления МВД России
(Москва, Россия)*

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЕ

УДК 343.985

Аннотация. Авторами в статье рассматриваются тактические особенности допроса несовершеннолетних преступников. Акцентируется внимание на необходимости учета психологических особенностей личности несовершеннолетнего допрашиваемого на каждой стадии допроса и установления с ним психологического контакта. Подчеркивается значимость не только правильного применения тактических приемов допроса, но и соблюдения процессуальных особенностей проведения данного следственного действия с несовершеннолетними допрашиваемыми.

Ключевые слова: несовершеннолетний подозреваемый; допрос; тактические приемы; процессуальные требования; психологический контакт; психологические особенности личности.

Abstract. The authors of the article discuss the tactical features of the interrogation of juvenile offenders. Attention is focused on the need to take into account the psychological characteristics of the personality of the minor interrogated at each stage of the interrogation and establish psychological contact with him. The importance of not only the correct use of interrogation tactics is emphasized, but also compliance with the procedural features of conducting this investigative action with minors interrogated.

Keywords: juvenile suspect; interrogation; tactics; procedural requirements; psychological contact; psychological characteristics of the individual.

Проблема преступности среди несовершеннолетних на сегодняшний день является очень актуальной и во многом это обусловлено возрастными особенностями данной категории лиц. Совершение же преступления преступными группами с участием несовершеннолетнего обладает повышенной общественной опасностью, так как, с одной стороны, свидетельствует об организованности и профессионализме преступности как явления, с другой - о психологическом воздействии на несовершеннолетнего, который одновременно становится и правонарушителем, и жертвой, и возможно орудием преступления. Согласно статистическим данным за 2019 год: организованными группами или преступными сообществами совершено 15 615 (2018 год – 15 141; +3,1 %) тяжких и особо тяжких уголовно наказуемых деяний, их удельный вес в общем числе расследованных преступлений, названных категорий, увеличился с 7,1 % до 7,4 %, с участием несовершеннолетних - 3,9 % [4]. Несмотря на общую тенденцию снижения преступности среди несовершеннолетних (с 43 553 до 41 548)¹² [6] общественная значимость проблемы усиления борьбы с данным явлением по - прежнему остается первостепенной. Несовершеннолетний возраст характеризуется особенностями психологического и личностного развития, в силу которых данная категория лиц является психологически незащищенной от негативного влияния со стороны взрослых, вовлекающих

¹² Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики.URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 15.10.2023).

несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий. При оценке уровня преступности среди несовершеннолетних по статистическим данным необходимо учитывать факт их достоверности, в виду того, что преступления, совершенные несовершеннолетними или с их участием, являются отрицательным показателем оперативно-служебной деятельности всего органа внутренних дел в соответствии с приказом МВД России от 31.12. 2013 N 1040 "Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации" [5].

Об особенностях проведения следственных действий в отношении несовершеннолетних писала И.В. Батыщева. Автор акцентировала внимание на необходимости обеспечения участия психолога или педагога в проведении следственного действия с несовершеннолетним и критерии выбора одного из них. По этому поводу она указала, что «У лица, производящего расследование, появляется выбор, кого пригласить для участия в следственном действии — педагога или психолога. Этот выбор, конечно же, будет зависеть от следственной ситуации, сложившейся по уголовному делу.» [1, С. 151]. Если следственная ситуация характеризуется как бесконфликтная, то рационально обеспечить участие педагога. В других случаях, когда следственное действие для несовершеннолетнего сопряжено с психологическим напряжением, необходимо участие психолога.

О допросе несовершеннолетнего потерпевшего писала С.С. Чернова. Автором в статье были раскрыты некоторые тактические особенности проведения данного следственного действия. Так при обеспечении участия педагога автор указала, что большое значение имеет не только осведомлённость педагога о личности несовершеннолетнего, но и отсутствие конфликта между ними. В этой связи «на этапе подготовки к допросу целесообразно выяснить у самого несовершеннолетнего, кого в качестве педагога он хочет видеть при производстве следственного действия» [2, С. 96]. Наличие конфликта между ними может свести эффективность следственного действия к нулю.

Данная статья посвящена тактическим особенностям допроса несовершеннолетних подозреваемых, совершивших преступление в преступной группе.

Для более подробного рассмотрения тактических приемов допроса несовершеннолетнего подозреваемого целесообразно данное следственное действие рассматривать с позиции криминалистического структурирования, которое получило свое выражение в стадиях допроса: вступительная, стадия свободного рассказа и вопросно-ответная стадия.

Вступительная стадия допроса несовершеннолетнего подозреваемого имеет существенное значение для получения правдивых показаний от данного участника уголовного судопроизводства. Значимость данной стадии связана с психологическими особенностями несовершеннолетнего подозреваемого, а именно высокой степенью внушаемости. Дело в том, что несовершеннолетнему, вовлеченному в совершение преступления взрослыми лицами, внушается, что у следствия нет никаких доказательств, избличающих несовершеннолетнего в совершении преступления, поэтому следователь не сможет установить истину по делу, если несовершеннолетний не сознается в содеянном. Это приводит к неправильному пониманию несовершеннолетним подозреваемым следственной ситуации, что может привести к даче ложных показаний. В качестве тактического приема в данной ситуации выступает убеждение следователем несовершеннолетнего подозреваемого в том, что допрос является не единственным способом установления истины по делу, что в распоряжении следователя имеются научные методы получения, оценки доказательств. Еще одним фактором, который может негативно отразиться на получении правдивых показаний на допросе, является чувство страха несовершеннолетнего подозреваемого перед другими соучастниками, в качестве которых, как правило, выступают взрослые лица, способствующие совершению преступления несовершеннолетним. В данной ситуации следователю необходимо убедить несовершеннолетнего подозреваемого в том, что ему ничего не угрожает, и он может не опасаться совершения противоправных действий в отношении него со стороны других соучастников. Преодоление страха в данной ситуации

будет являться главной криминалистической задачей на вступительной стадии допроса, так как он может помешать следователю установить психологический контакт с несовершеннолетним подозреваемым, что значительно снизит эффективность данного следственного действия.

Одним из главных факторов, способствующих эффективности допроса, является установление следователем психологического контакта с несовершеннолетним подозреваемым на вступительной стадии допроса перед стадией свободного рассказа. Для этого следователю следует учитывать личностные свойства несовершеннолетнего подозреваемого. Часто несовершеннолетний подозреваемый на допросе придерживается позиции, что главная цель следователя в ходе проведения данного следственного действия является изобличение его в совершении преступления и достижении возможности назначения ему самого строгого наказания, что может привести к даче ложных показаний или к отказу несовершеннолетнего в даче показаний. Имея сведения о том, что поведение несовершеннолетнего подозреваемого на допросе основывается на таких предположениях, важно на вступительной части допроса опровергнуть их. Следователю необходимо объяснить несовершеннолетнему подозреваемому, что главной целью допроса является установление истины по делу, а содействие с его стороны будет учитываться при назначении ему наказания или иных мер уголовно-правового характера. Усилия должностного лица должны быть направлены на установление такого психологического контакта, результатом которого будет понимание подростком должного профессионализма следователя. Установление психологического контакта с несовершеннолетним подозреваемым является одной из приоритетных задач следователя, реализация которой определяет эффективность следственного действия не только на вступительной, но и на последующих стадиях допроса.

Особое значение на вступительной стадии допроса приобретает достижение следователем тактико-криминалистической задачи, заключающейся в разрушении представлений несовершеннолетнего подозреваемого о его дружеских отношениях внутри преступной группы. Несовершеннолетний часто неправильно понимает и оценивает сложившиеся взаимоотношения со взрослыми лицами, которые выступают для него в качестве авторитета и наделяет их положительными качествами, которые им не присущи, такими как – взаимовыручка, товарищество, справедливость и т.д. Следователь для достижения вышеуказанной тактико-криминалистической задачи должен суметь показать несовершеннолетнему подозреваемому истинные взаимоотношения внутри преступной группы, что он-несовершеннолетний для взрослых участников является лишь средством совершения преступления и достижения своих преступных целей, что их поведение по отношению к нему скрывает душевную простоту, жестокость и алчность.

На стадии свободного рассказа главной тактико-криминалистической задачей является определение следователем следственной ситуации. В основу определения следственной ситуации должна быть положена оценка эмоционального состояния (проявляется в жестикуляции, мимике, особенностях изложения показаний) несовершеннолетнего подозреваемого, которая поможет следователю сделать вывод о наличии или отсутствии конфликтной или бесконфликтной следственной ситуации данного следственного действия. Например, если несовершеннолетний подозреваемый в ходе допроса путается в показаниях при изложении обстоятельств совершения преступления, наблюдаются частые смены позы и непонимание смысла вопросов, задаваемых следователем, его речь взволнованная и прерывистая, такое поведение в ряде случаев является проявлением психологических симптомов возбужденного эмоционального состояния несовершеннолетнего. Данная ситуация характеризуется наличием более или менее ярко выраженных предпосылок к бесконфликтной следственной ситуации. Напротив, если несовершеннолетний подозреваемый дает продуманные ответы, его речь спокойная и неторопливая, расслабленная и неизменяемая поза, голос уверенный, такое поведение – проявление эмоциональной сдержанности. Данная ситуация является неоднозначной, так как сложно сделать выводы о готовности несовершеннолетнего подозреваемого содействовать

или препятствовать следствию в установлении обстоятельств, имеющих значение для дела, и требует от следователя проявления педагогических и психологических навыков либо участие педагога или психолога. Таким образом, анализ двигательной активности несовершеннолетнего подозреваемого во время допроса дает возможность прогнозировать следователю возможную позицию, которой будет придерживаться подросток в ходе расследования уголовного дела.

На вопросно-ответной стадии допроса использование информации о личностных свойствах несовершеннолетнего подозреваемого приобретает большое значение особенно в условиях конфликтной следственной ситуации, когда подросток отказывается содействовать следствию. При такой сложившейся следственной ситуации усложняется применение тактико-криминалистических приемов допроса, поэтому следователь на вопросно-ответной стадии допроса должен использовать такой тактический прием как постановка конкретных вопросов с целью вызвать проговорку допрашиваемого несовершеннолетнего подозреваемого. Однако использование данного тактического приема имеет ряд особенностей. К таким особенностям относится, в частности, учет личностных качеств несовершеннолетнего. Например, эмоциональный по характеру несовершеннолетний подозреваемый может быстрее проговориться о фактах и обстоятельствах расследуемого события, чем более эмоционально-сдержанный. Для более эффективного использования данного тактико-криминалистического приема необходимо обеспечить темп задаваемых вопросов, он должен быть быстрым, вопросы четкими.

В то же время, для эффективного использования тактико-криминалистических методов допроса несовершеннолетнего подозреваемого необходимо учитывать процессуально-тактические требования допроса, которые регламентированы ст. 425 УПК РФ [3]. Несовершеннолетние характеризуются повышенной утомляемостью, в условиях которой значительно снижается концентрация внимания, препятствующая правильному пониманию несовершеннолетним подозреваемым вопросов, задаваемых следователем на допросе, что в свою очередь может привести к искажению несовершеннолетним собственных показаний либо к отказу от дачи показаний. Такие возрастные особенности обусловили необходимость установления законодателем временного регламента допроса несовершеннолетних подозреваемых.

Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации даны разъяснения ч. 3 ст. 425 УПК РФ, где обращено внимание на обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в возрасте от 14 до 16 лет, а в возрасте от 16 до 18 лет – при условии, что он страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии. Показания такого подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, полученные без участия педагога или психолога, в силу ч. 2 ст. 75 УПК РФ являются недопустимыми доказательствами [4]. Недопустимость доказательств означает, что они получены с нарушением требований УПК РФ, а значит не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ [3].

Учитывая изложенное, допрос несовершеннолетнего подозреваемого является одним из самых сложных следственных действий и требует от следователя предварительной подготовки. Для эффективного производства данного следственного действия следователю необходимо изучить личностные особенности несовершеннолетнего подозреваемого (возраст, уровень интеллектуального развития, черты характера и т. д). Необходимость анализа личностных свойств несовершеннолетнего подозреваемого во многом обусловлена тем, что они ложатся в основу правильного выбора тактико-криминалистических средств, используемых на всех стадиях допроса. Таким образом, достижение целей данного следственного действия, а именно установление обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела, возможно лишь при сочетании тактико-криминалистических

приемов и процессуально-тактических требований, а также учета личностных свойств несовершеннолетнего подозреваемого.

Литература

1. Батыщева И.В. Проведение следственных действий в отношении несовершеннолетних потерпевших и свидетелей / Вестник Воронежского института МВД России, 2016 № 3. 151-154 с.
2. Чернова С.С. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего: процессуальные аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. №2 (48). 92-102 с.
3. ч.ч.1, 3 ст. 425 Федерального закона от 18.12.2001 № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»// [Режим доступа]: справочно-правовая система «Консультант»;
4. п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 г. Москва «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»// [Режим доступа]: справочно-правовая система «Консультант»;
5. Приказ МВД России от 31.12. 2013 N 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации»// [Режим доступа]: справочно-правовая система «Консультант»;
6. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/>.

Кондратюк Сергей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет
(Тольятти, Россия)
Шумаев Дмитрий Геннадиевич,
Донецкий государственный университет,
(г. Донецк, ДНР Россия)

РАССЛЕДОВАНИЕ ХУЛИГАНСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

УДК 343.98

Аннотация. Рассмотрены особенности криминалистической методики расследования хулиганства, с учетом условий новых субъектов Российской Федерации. Практическими примерами продемонстрирована эффективность тактических операций, содержащих комплекс оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Показано значение судебных экспертиз в преодолении противодействия расследованию.

Ключевые слова: новые регионы Российской Федерации, хулиганство, криминалистическая методика, тактическая операция, судебные экспертизы.

Abstract. This paper examines the peculiarities of the criminalistic methodology for investigating hooliganism, taking into account the conditions of the new regions of the Russian Federation. Practical examples demonstrate the effectiveness of tactical operations involving a combination of operational-search measures and investigative actions. The significance of forensic expert examinations in overcoming resistance to the investigation is shown.

Keywords: new regions of the Russian Federation, hooliganism, criminalistic methodology, tactical operation, forensic expert examinations.

На освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации остается высоким количество проявлений хулиганства. В сложившейся общественно-политической обстановке данные проявления приобретают экстремистский характер и совершаются с использованием огнестрельного оружия и взрывных устройств. Это указывает на необходимость совершенствования криминалистической методики расследования хулиганства, применительно к указанным условиям.

Эффективность расследования хулиганства определена полнотой установления его обстоятельств. Они представляют собой систему организационно-тактических ориентиров по разрешению следственных ситуаций. Как правило, следственные ситуации складываются в условиях противодействия расследованию. Субъектом противодействия выступает сам подозреваемый, а также его соучастники и покровители. Противодействие выражается в отказе от дачи показаний, давлении на свидетелей, в уничтожении примененного оружия и иных вещественных доказательств. Заметим, что расследование хулиганских проявлений

опирается, как правило, на показания свидетелей. Поэтому показания, как доказательства преступления, наиболее часто подвергаются негативному воздействию в ходе противодействия расследованию хулиганских проявлений.

Из текущей следственной практики новых субъектов Российской Федерации отмечаем случаи отказа свидетелей от ранее данных показаний, по мотивам сочувствия хулиганствующим элементам. Данная региональная особенность нами объясняется наличием нерешённых социальных проблем на освобождённой территории и укоренением идей экстремизма в социуме. Также отмечаем высокий уровень миграции населения, что препятствует повторному допросу свидетелей. В качестве меры по преодолению указанных негативных факторов рекомендуем применять видеозапись при допросе фигурантов по делу о хулиганстве. Тогда, в случае отказа от данных показаний, либо при невозможности повторного допроса, такая видеозапись подвергается исследованию в рамках судебной психологической экспертизы по вопросам искренности показаний и личностного отношения допрошенного к предмету допроса.

Эффективность расследования зависит от качества его организации. Научная организация работы следователя требует постоянного совершенствования. Данное требование обосновано внедрением в следственную практику современных научных методов и средств [1, с. 78]. По нашим наблюдениям, в современную следственно-судебную практику внедряются автоматизированные методы организации и планирования следственной работы и судебной деятельности. При этом используются компьютеризированные средства технической поддержки. Применение в планировании расследования находят миварные технологии и другие средства искусственного интеллекта. Постоянно обновляется программно-техническое обеспечение работы следователя. В следственной практике действуют многочисленные профессиональные системы поддержки решения. На основе информационного подхода внедряются рекомендации по построению версий и планированию расследования. Процесс расследования автоматизируется на основе семантических алгоритмов поиска по массиву уголовных дел. Рассматривается техническая возможность обработки больших массивов следственной практики. Разрабатываются и внедряются системы АРМ (автоматизированное рабочее место) следователя. АРМ следователя сопрягается по информационным каналам с АРМ эксперта, АРМ суда. Открывается возможность с помощью собственной АРМ следователю получать доступ к массиву успешно завершённых аналогичных уголовных дел. Все изложенное актуализирует вопрос научной организации работы следователя на основе систем автоматизации и искусственного интеллекта.

В условиях противодействия расследованию значение для следствия приобретают тактические операции. В содержание тактической операции входят, в комплексе, следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые объединены общей целью и списком исполнителей [2, с. 27]. При расследовании хулиганства значение приобретает тактическая операция розыска по горячим следам. Она проводится по итогам осмотра места происшествия и допроса свидетелей. Очевидно, что указанные следственные действия необходимо проводить незамедлительно. Данная тактическая операция применяется и с целью преодоления противодействия расследованию.

Так, при расследовании хулиганства подлежат установлению следующие обстоятельства:

1. Действительно ли были совершены хулиганские действия. и в чем они заключались. Хулиганские действия выражаются в оскорбительном приставании к гражданам, провоцированием драки или дебоша. По нашим наблюдениям, распространенным хулиганским действием является нецензурная брань в общественном месте. Нередко в качестве хулиганских отмечаются непристойные действия, оскорбляющие честь и достоинство окружающих. Из хулиганских побуждений осуществляется срыв общественного мероприятия, грубое нарушение нормальных условий работы и отдыха граждан. Хулиганство сопряжено с вандализмом в случае надругательства над памятниками культуры,

над могилами, над государственными символами. В ходе установления реальности хулиганских действий рекомендовано выяснить, не было ли в процессе правонарушения совершено других преступлений. Так, нередко хулиганские проявления сопряжены с неповиновением законным требованиям власти. Хулиганствующее лицо оказывает сопротивление представителям общественности, предпринимающим меры пресечения хулиганских действий. В плане установления факта хулиганства также важно установить факт применения оружия холодного или огнестрельного. Устанавливаются также попытки использования других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений в ходе хулиганских проявлений [3, с. 36].

2. Время совершения хулиганских действий (день и час, период, их характеристика). В связи с установлением временных параметров хулиганства, в ходе расследования важно установить, в выходной или в будний день произошло расследуемое событие. Также значение приобретает период времени, относительно продолжительности рабочего дня и светлого времени суток. Параметры места совершения хулиганских действий приобретают значение в плане закрытого помещения или открытой площадки. Как правило, это общественное место площади, улицы, парка. Установлению в ходе расследования подлежит обстановка места преступления: условия массового мероприятия или обыденная обстановка, массовое гуляние или публичная лекция, концерт. Особое значение в условиях хулиганского преступления имеет присутствие при этом малолетних детей, а также несовершеннолетних граждан и женщин.

3. Относительно личности виновного, как элемента предмета доказывания, перед следствием стоит задача установить виновное лицо. Для задач следственно-судебной профилактики значение приобретают возраст подозреваемого, наличие / отсутствие судимости, состояние опьянения алкогольного / наркотического. Расследованию обстоятельств формирования личности способствуют полученные сведения о его трудовой деятельности или учебе, характеристики с места работы и учебы. Также обстоятельства профилактического содержания устанавливаются условиями формирования личности хулигана (его ближайшее окружение, семья, взаимоотношения с близкими родственниками, социальный статус). Установлению подлежит вменяемость и уровень интеллектуального развития лица, совершившего хулиганские действия. Личность виновного приобретает значение как организатора или другого соучастника хулиганских проявлений. При расследовании группового хулиганства устанавливается степень соучастия каждого из подозреваемых лиц. Доказыванию подлежит предварительный сговор. Выясняются подготовительные действия, предпринятые соучастниками преступления.

4. Согласно уголовному законодательству, хулиганство совершается по прямому умыслу. Следственным путем устанавливается вина и форма вины лица, подозреваемого в совершении хулиганских действий, в полной ли мере подозреваемый руководствовался хулиганским мотивом, направленность умысла на грубое нарушение общественного порядка, побуждения и побудительные мотивы к совершению хулиганских действий. Заметим, что в установлении данных обстоятельств содействие следователю оказывает судебная психологическая экспертиза. Так, судебная психологическая экспертиза определяет степень искренности показаний подозреваемого (обвиняемого). Также экспертизой данного вида устанавливается тип хулиганствующей личности.

5. Установлению и доказыванию, в плане ст. 73 УПК РФ [4], подлежат обстоятельства, влияющие на степень и характер уголовной ответственности обвиняемого.

6. В расследовании преступлений рассматриваемого вида установлению подлежат преступные последствия. Определяется вред физический, моральный, имущественный, причиненный потерпевшему. По факту нанесения телесных повреждений потерпевшему назначаются судебно-медицинские экспертизы. С их помощью устанавливается степень тяжести телесных повреждений, какие необходимы затраты на лечение. По определению морального вреда назначаются судебно-психологическая экспертиза. Размер материального

ущерба потерпевшему устанавливается по результатам проведенных судебных товароведческих экспертиз.

7. Согласно ч. 2 ст. 73 УПК РФ, следствием устанавливаются причины и условия, способствовавшие конкретному хулиганскому проявлению. При этом следственным путем исследуются условия формирования личности подозреваемого, определяется влияние окружения и преступной среды, в которой находился подозреваемый. Заметим, что значительное воздействие на личность преступника оказывает криминальная субкультура. Традиции и правила криминальной субкультуры оправдывают противопоставление криминальной личности обществу. Криминальная субкультура поощряет проявления хулиганства, вплоть до экстремизма, поэтому она целенаправленно распространяется в обществе криминальными авторитетами. Обстоятельства влияния на личность преступника исследует судебная культуроведческая экспертиза. Влияние преступной среды на формирование личности подозреваемого в совершении хулиганских действий исследуется в рамках судебной криминологической экспертизы. Экстремистская направленность личности подозреваемого устанавливается судебной психологической экспертизой. В расследовании хулиганства результативность продемонстрировала судебная профилактическая экспертиза [5]. Также, в плане установления профилактических факторов, расследуются пути приобретения оружия хулиганствующими элементами.

Относительно установленных соучастников определяется вид соучастия в хулиганстве. Незамедлительно, в рамках одной тактической операции, производится личный обыск и допрос установленных лиц, причастных к хулиганским проявлениям.

Установление оперативным путем оружия или других предметов, применённых в ходе хулиганских действий, требует незамедлительного следственного осмотра данных объектов. По результатам произведённого осмотра оружие и сходные с ним предметы приобщаются к материалам дела в качестве вещественных доказательств. Незамедлительно осуществляется назначение судебных экспертиз по исследованию холодного и огнестрельного оружия. Предметы оружия предъявляются для опознания свидетелям и потерпевшим.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий, входящих в состав тактической операции, производится обнаружение ориентирующей информации в социальных сетях. По результатам такой оперативной работы следствие осуществляет выемку указанных материалов от Интернет-провайдера. Назначаются судебные компьютерные экспертизы. Судебной видео- фоноскопической экспертизой проводится идентификация лиц по голосу и по изображениям [6].

Особенности региона при расследовании преступлений данного вида проявляются в общественно-политическом контексте хулиганских проявлений. В силу сложившихся условий, рекомендовано выявлять признаки преступлений экстремистской и террористической направленности.

В обобщение можем сказать, что обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования проявлений хулиганства, основываются на элементах состава преступления и предмете доказывания [7-8]. Перед следователем ставится задача уточнить и дополнить перечень обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, в соответствии с особенностями расследуемого преступления.

Подведем итоги. Региональные особенности расследования хулиганства определены экстремистским содержанием данного преступления, что связано с применением огнестрельного оружия и взрывных устройств. Особенности противодействия расследованию связаны с затруднениями при производстве следственных действий в условиях сложившейся военно-политической обстановки. Уголовное дело о хулиганстве возбуждается незамедлительно, при получении достаточной ориентирующей информации. Предмет доказывания в данном случае уточнен за счет общественного и политического резонанса расследуемого события. Преодоление негативных факторов регионального характера предлагаем назначением экспертиз судебно-психологической, культурологической, криминологической, криминологико-профилактической.

Литература

1. Фомина И.А. Организация работы следователя / И.А. Фомина // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 78-84.
2. Комаров И.М. Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций: монография / И.М. Комаров, М.Ю. Лакомская. М.: Юрлитинформ, 2021. 140 с.
3. Кузнецов А.А. Особенности расследования группового хулиганства: учебное пособие / А.А. Кузнецов. Омск: Ом. юрид. ин-т МВД России, 1998. 71 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 09.11.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г. № 52. Ст. 4921.
5. Кондратюк С.В. Антикриминальная политика государства: блок криминологической профилактики / С.В. Кондратюк, А.М. Моисеев, Т.Н. Иванова, И.В. Цветкова // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12. № 2 (43). С. 87-95.
6. Ардавов М.М. Тактические особенности производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений по «горячим следам» / М.М. Ардавов, М.В. Бозиев // Право и управление. 2022. № 11. С. 125-128.
7. Рудакова Г.И. Разграничение хулиганства в уголовном и административном праве / Г.И. Рудакова, А.О. Поддубный, М.З. Абесалашвили // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 4-1. С. 474-480.
8. Савельева О.Ю. Хулиганство как преступление и административное правонарушение / О.Ю. Савельева, С.В. Кондратюк // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 4(29). С. 382-385.

Миликова Анна Владимировна
ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
(Волгоград, Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗНАНИЙ ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТАХ

УДК 343.10

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с определением исторических этапов становления представлений о документировании в уголовном процессе. Важным элементом правоприменительной деятельности является составление уголовно-процессуальных актов. Для определения их правовой природы предпринимается попытка выделения четырех основных этапов в развитии знаний об уголовно-процессуальных актах.

Ключевые слова: уголовный процесс, история, этапы, уголовно-процессуальный акт, уголовно-процессуальное решение, документ в уголовном процессе.

Abstract: This article discusses issues related to the definition of the historical stages of the formation of ideas about documentation in criminal proceedings. An important element of law enforcement is the compilation of criminal procedure acts. To determine their legal nature, an attempt is made to highlight four main stages in the development of knowledge about criminal procedure acts.

Keywords: criminal process, history, stages, criminal procedural act, criminal procedural decision, document in criminal proceedings.

В науке уголовного процесса в последние годы происходят изменения, связанные с тем, что в современных условиях трансформации принципов функционирования органов государственной власти, коренного изменения подходов к правоприменению, появления новых современных информационных технологий, в корне меняются и механизмы осуществления государственного управления, в частности, выработки управленческих решений и их оформления. Таким образом, изменяется и реализация процессуальной деятельности в уголовном судопроизводстве. Ясно выявляются проблемы, накопленные за десятилетия, которые требуют решения для повышения эффективности этой деятельности. Проведение научных исследований, а также изучение роли и значения уголовно-процессуальных актов, их исторического возникновения и формирования представляется

крайне важным направлением, особенно в контексте решения конкретных вопросов правоприменения.

Для развития российского уголовного судопроизводства, выявления его специфики, и оценки правосознания, важно помнить исторические традиции русского права. Необходимо констатировать, что система действующего российского законодательства, с ее особенностями, является результатом многолетних изменений. Для определения причин оптимизации и ее направлений необходимо концептуально определить векторы теоретико-методологического исследования, которое, несомненно, должно начинаться с изучения истоков его формирования. Только подобным образом возможно проследить, путем анализа причин и условий возможных ошибок, недочетов причины той ситуации, которую мы можем наблюдать в настоящем, и, несомненно, благодаря использованию прошлого опыта, появляется возможность предложить новые пути реализации деятельности в области уголовного судопроизводства.

Становление общества и государства, а также этапы их развития неразрывно связаны с эффективностью правовой системы и теми средствами и механизмами, которые применяют должностные лица правоохранительных и судебных органов. Изменение устройства правоотношений влечет необходимость переосмысления имеющихся устоявшихся взглядов на исследование вопросов их формальной определенности, их внешней природы, так называемого документального сопровождения.

Следует отметить, что изучению вопросов об истоках формирования уголовно-процессуальных актов учеными до настоящего времени должного внимания не уделялось. Тем не менее, исследование исторических периодов, их определение помогают видеть историю становления знаний об уголовно-процессуальных актах в качестве целостной картины, для понимания закономерностей и связей изучаемого явления, определения направления развития.

А.Ю. Чурилов отмечает, что появление первых документов связано с возникновением письменности, а делопроизводство на Руси развивалось вместе с российской государственностью и выделил следующие этапы формирования делопроизводства: развитие делопроизводства как самостоятельной профессиональной сферы деятельности в период с X по XV века; в XV-XVII веках преобладала приказная система делопроизводства, характеризовавшаяся столбцовым оформлением документов; с XVII по XIX век господствующей стала коллегиальная система делопроизводства; в XIX-XX веках сформировалась министерская (исполнительная) система делопроизводства [1, с. 9].

Представляется верным, с целью формирования общих представлений об историческом развитии знаний об уголовно-процессуальных актах, выделение исторических этапов. Важно понимать, что развитие уголовно-процессуальных актов неразрывно связано, в первую очередь, с развитием уголовного процесса, а оно перекликается с наиболее значимыми законодательными актами, которые и легли в основу выделения предлагаемых этапов.

1. **Первоначальный дореформенный этап** (15-17 века). В данный период формируется приказное делопроизводство, издаются Судебники 1497 года и 1550 года, Соборное уложение 1649 года. Уже в то время в нормативных актах содержались положения, касающиеся судопроизводства, в частности, порядок выдачи судебных актов; доказательственная сила документов, представляемых в суде; порядок оформления протокола судебного заседания и другие как делопроизводственные, так и процессуальные вопросы [2, с. 9-10]. В XVII столетии, на протяжении действия Соборного Уложения, письменные акты, в частности крепостные, согласно нормам Уложения, приобретали статус решающего доказательства. Оспорить их можно было лишь в рамках уголовного дела о подделке документа той стороной, которая его представила [3, с. 677].

В курсе уголовного судопроизводства И.Я. Фойницкий отмечал особенности дореформенного периода, отмечая смену принципов рассмотрения дел: от гласности и устности в сыске к негласности и письменности. При этом высший судебный орган, разбойный приказ, осуществлял правосудие исключительно на основании письменных материалов. В

царствование Екатерины II произошли изменения, в результате которых порядок сыска с принципами негласности и письменности распространился на все уголовные дела. Недостатки данного периода стали следствием смешения властей, чрезмерной роли канцелярии, многочисленности инстанций, письменных процедур, негласности и инквизиционного характера [4, с. 33, 36].

2. Второй этап связан с действием уголовного судопроизводства Российской Империи после судебной реформы 1864 года (Устав уголовного судопроизводства 1864 года).

О данном периоде И.Я. Фойницкий писал, что законодательство предъявляет строгие требования к документальному оформлению предварительного следствия. Все его действия должны быть зафиксированы в протоколах с максимальной детализацией. Письменная форма процесса исключает устные допросы свидетелей и разъяснения сторон. В устной форме представляется лишь заключение прокуратуры. В то же время, судебное разбирательство, напротив, характеризуется преобладанием устного общения. Замена устных процедур письменными переписками со сторонами или свидетелями, а также проведение полицейского дознания без устного допроса, рассматривается как существенное нарушение процессуального порядка, служащее основанием для отмены судебного решения [5, с. 98-99].

Как указывал М.В. Духовской, принципы непосредственности, состязательности и гласности судебного разбирательства диктовали необходимость устного рассмотрения дела в противовес письменной форме, превалировавшей в дореформенный период. Возможность личного допроса свидетеля судьей, по мнению автора, позволяет глубже понять его показания, чем при чтении протокола допроса, составленного следователем. Последний, будучи субъективным и односторонним, отражает личность, взгляды и методы работы следователя [6, с. 149].

С.И. Викторский отмечал, что в ходе уголовного процесса письменные акты и документы могут выполнять различные функции. В силу принципов устности и непосредственности, предъявление письменных доказательств в суде строго ограничено. В связи с этим, уставы уголовного судопроизводства не содержали специальных положений, посвященных письменным доказательствам [7, с. 296-297].

3. Уголовно-процессуальные акты в период Советского уголовного процесса (Положение о судостроительстве РСФСР, УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 годов). Особенностью данного периода является то, что законодатель ввел в УПК РСФСР 1923 года упоминания о «вещественных доказательствах и письменных документах», например, в статьях 58, 59, 66, 299 УПК РСФСР 1923 года, порождая новое толкование и понимание процессуальных документов, и их значение.

С.С. Алексеев в своих исследованиях подчеркивал, что акты применения представляют собой самостоятельную задачу для социалистического правоправедения. Их изучение имеет не только важное теоретическое, но и значительное практическое значение. В частности, в области уголовно-процессуального права особый интерес вызывали различные виды актов применения, вопросы юридической техники, их учет и систематизация, а также процесс толкования [8, с. 670-671].

М.А. Чельцов выделил процессуальные акты и протоколы как особый вид письменных доказательств, создаваемых судебно-следственными органами [9, с. 327]. А.Я. Вышинский подчеркивал, что письменные документы могут выступать как вещественными, так и письменными доказательствами [10, с. 123]. М.С. Строгович определил понятие процессуального акта, указав, что любое действие участника процесса, оформленное в соответствии с процессуальной формой и зафиксированное в процессуальном документе, называется процессуальным актом [11, с. 200]. Эти, а также другие исследования, послужили основой для современного понимания уголовно-процессуальных актов.

4. Современный этап начинается с принятием действующего в настоящее время УПК РФ 2002 года. Несмотря на выделенные исторические этапы и длительный период развития уголовно-процессуальной науки, до настоящего времени все еще нет единого подхода к пониманию уголовно-процессуальных актов. Примечательно, что иногда их все еще

отождествляют с любыми документами так или иначе имеющими отношение к расследуемому преступлению. Или, что тоже встречается достаточно часто, с процессуальными решениями. Причины кроются в схожей правовой природе рассматриваемых явлений.

В сущности, наблюдается смешение понимания процессуального решения в уголовном процессе с уголовно-процессуальным актом. Н.С. Манова и Е.В. Пантелеева утверждают, что понятие «решение» в законодательстве и специализированной литературе выступает в качестве общего термина, охватывающего различные виды процессуальных актов [12, с. 102]. С данным утверждением сложно согласиться, ведь решение куда более широкое понятие, несмотря на то, что обязательным признаком уголовно-процессуальных актов является решение. Принимая во внимание различные подходы, мы разделяем мнение П.А. Лупинской при определении и рассмотрении вопросов об уголовно-процессуальных актах, ведь они, как мы уже отмечали, имеют схожую правовую природу с процессуальными решениями, в том числе в качестве одного из признаков уголовно-процессуальных актов выступает резолютивность [13, с. 39].

Проведя анализ имеющихся исследований, мы приходим к выводу, что исторические исследования необходимы для понимания причин и условий сложившихся взаимосвязей, возникающих проблем и очерчивания условий, позволяющих находить новые векторы развития в различных областях исследования. Систематический анализ исторических этапов развития знаний об уголовно-процессуальных актах, ранее не рассматривавшийся в науке уголовного процесса, выявил закономерности эволюции их внешней формы выражения. Очевидны исторические преобразования, связанные с изменениями в законодательстве, историческими этапами, которые привели к преломлению представлений об уголовном процессе как исключительно письменном, вводя представления об устности и гласности. Формирование исторических этапов возможно по разным основаниям, мы соотносим их с наиболее значимыми законодательными актами, которые легли в основу выделения предлагаемых этапов: 1) первоначальный дореформенный этап (15-17 века); 2) второй этап связан с действием уголовного судопроизводства Российской Империи после судебной реформы 1864 года; 3) уголовно-процессуальные акты в период Советского уголовного процесса; 4) современный этап (принятие УПК РФ 2002 года и до настоящего времени).

Литература:

1. Чурилов А.Ю. Юридическое делопроизводство : учебное пособие для вузов / А. Ю. Чурилов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 338 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19382-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/556395/p.9> (дата обращения: 14.03.2025).
2. Чурилов А.Ю. Юридическое делопроизводство : учебное пособие для вузов / А. Ю. Чурилов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 338 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19382-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт] URL: <https://urait.ru/bcode/556395/p.9> (дата обращения: 14.03.2025).
3. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. — СПб.: Равена, Альфа, 1995. — 846с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 4-е. - С-Пб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. — 566 с.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I. Изд. 4-е. - С-Пб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. — 566 с.
6. Духовской М.В. Русский уголовный процесс – Склад издания в книжном складе В. Клюкина. Москва. 1910. — 448с.
7. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. Издание второе. Изд. А.А. Карцева. Москва, типография Императорского Московского университета. 1912.- 425 с.
8. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. — М.: Статут, 2010. — 781 с.
9. Чельцов М.А. Уголовный процесс. Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. Москва 1948. — 624 с.
10. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. Юридическое издательство НАРКОМЮСТА РСФСР. Москва, 1927. -222 с.

11. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. I / Строгович М.С. - М.: Наука, 1968. - 470 с.

12. Манова Н.С. О сущности процессуальных решений в уголовном судопроизводстве / Н.С. Манова, Е.В. Пантелеева // Право: история и современность. – 2020. – № 2(11). – С. 100-111.

13. Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия / А.В. Миликова, С.Б. Россинский. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2021. – 160 с.

Моисеев Александр Михайлович,
доктор юридических наук, профессор
Севастопольский государственный университет
(г. Севастополь, Россия)

Панько Нина Анатольевна,
Донецкий государственный университет
(г. Донецк, ДНР Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.98

Аннотация. Рассмотрены негативные факторы производства обыска в условиях новых субъектов Российской Федерации. Выделены организационные особенности производства обыска в указанных условиях. Исследованы организационные и правовые проблемы производства обыска. Обращено внимание на особенности применения технико-криминалистических средств фиксации. Предложены тактико-криминалистические и процессуальные решения выявленных проблем.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, обыск, участники, технические средства, экспертизы.

Abstract. This paper examines the negative factors involved in conducting a search under the conditions of the new regions of the Russian Federation. It highlights the organisational features of conducting a search under these conditions. The organisational and legal issues related to conducting a search are investigated. Special attention is given to the use of technical and criminalistic means for documentation. Tactical, criminalistic and procedural solutions to the identified problems are proposed.

Keywords: criminalistic tactics, search, participants, technical means, expert examinations.

На освобождённой территории новых субъектов Российской Федерации производству расследования препятствует боевая обстановка. Угрозу составляют артиллерийские налеты; также трудности в расследовании вызваны невозможностью производства следственных действий на оккупированной противником территории. Применение криминалистических средств в особых условиях новых регионов еще остается проблемным. Наблюдаются трудности в организации взаимодействия правоохранительных органов со специалистами. Актуализирована проблема эффективного взаимодействия следователя с сотрудниками оперативно-розыскных подразделений. Остается открытым вопрос привлечения современных наукоёмких приборов и оборудования сторонних организаций и учреждений. Встает вопрос участия технического персонала, обслуживающего такое оборудование в ходе обыска. Указанное определяет актуальность проведенного исследования.

Целью настоящего исследования определяем выявление тактико-криминалистических проблем производства обыска и разработку предложений по их решению. Исследование проведено на материалах текущей следственно-судебной практики.

Как утверждают современные авторы, помимо появления новых видов преступности, проблемы в деятельности по расследованию преступлений и осуществлению правосудия определены состоянием многолетней военной агрессии со стороны государства Украины на территории новых субъектов Российской Федерации. Состояние вооруженного конфликта и проведения СВО определяет особые условия расследования. Затруднения связаны с угрозой жизни участвующих в нем лиц. Становится практически невозможным проведение обыска на местности с применением фотосъемки с верхнего ракурса, с применением коптера-дрона [1; 2]. Практически мгновенно оператор дистанционного управления дроном подвергается обстрелу со стороны противника. Также угрозой составляет насыщенность

преступности огнестрельным оружием и взрывными устройствами. Отечественными учеными-криминологами отмечено смещение преступности в направлении экстремизма, терроризма, захвата заложников, разбоя, насильственных преступлений. Такой характер преступности требует от следственных органов перестройки подготовительного этапа при производстве обыска.

Отечественные ученые – криминалисты и процессуалисты указывают на проблему подбора понятых для участия в обыске. Лицо, соглашаясь на участие в качестве понятого в следственном действии, должно осознавать, что ему необходимо сопровождать должностных лиц правоохранительных органов до окончания обыска. Однако, на практике возникают затруднения, ввиду значительной длительности производства данного следственного действия. Например, согласно описанию случая из практики, в процессе проведения обыска один из понятых изъявил намерение покинуть место проведения обыска. В данном случае следователь имеет право настоять на необходимости присутствия при производстве обыска, ссылаясь на гражданский долг лица, привлеченного к производству данного следственного действия. Однако современный отечественный уголовный процесс выстраивается на защите прав и свобод человека и гражданина, на обеспечении свободы передвижения. Поэтому следователь не может ставить интересы следственного действия и интересы следствия превыше интересов и права свободы воли лица, привлеченного к производству обыска.

Между тем, данный вопрос встречается в научной уголовно-процессуальной и криминалистической литературе множество спорных позиций. Так, современный отечественный ученый-процессуалист и криминалист А.В. Варданян в одном из исследований указывает на трудности в поиске понятых и обеспечении достаточного их количества в условиях обширной территории или множественности объектов, расположенных на месте проведения обыска [3, с. 212]. Данный автор выступает за устранение института понятых из уголовного судопроизводства. Другие авторы продолжают настаивать на действенности института понятых как средства контроля со стороны общества за законностью проводимого обыска.

По мнению С.Я. Казанцева, главное, на что стоит обратить внимание в определении проблематики обыска, это безотлагательное получение следователем судебного решения о разрешении на проведение обыска [4, с. 123]. Стоит заметить, что требования по содержанию судебного решения, санкционирующего обыск, регламентировано законодательством и подзаконными актами. Решение суда становится основным документом, предоставляющим право проникнуть в жилище или иное частное владение лица, но только один раз. Однако на практике нередко отмечены случаи, когда правоохранительные органы выезжают на место проведения обыска без вышеуказанного судебного решения, ссылаясь на особые условия расследования. Однако, такие действия граничат со служебной халатностью, а нередко и с другими составами служебных преступлений. По нашему мнению, подобные проявления подлежат безусловному исключению на подготовительном этапе обыска.

Проблемой остается процедура составления протокола обыска. Согласно процессуальным требованиям, такой протокол оформляется в присутствии всех участников следственного действия и зачитывается вслух следователем. Данная процедура направлена на обеспечение законности, прозрачности и понятности для всех присутствовавших при обыске лиц хода и результатов следственного действия. Однако, как нам стало известно из обзора следственной практики, затруднение при восприятии текста вызывает оформление протокола. Материал, иллюстрирующий протокол не всегда соответствует тексту описания. Речь идет о прилагаемых к протоколу фототаблицах, а также схемах места обыска. К иллюстрирующему материалу относится и видеозапись, изготовленная в процессе производства обыска. Роль иллюстрирующего материала определена задачей облегчения восприятия протокола обыска лицами, не владеющими специальными знаниями. По нашим наблюдениям, нечеткий характер фотоснимков в прилагаемых к протоколу обыска фототаблицах становится поводом для заявления ходатайств сторон относительно

соблюдения процессуальной процедуры и доказательственного значения полученных в ходе обыска доказательств.

Нам встретились ситуации, когда в протоколе указываются неточные или неактуальные биографические данные (ФИО лица, дата его рождения, место рождения, место постоянной регистрации и т.п.). В других случаях вообще случаются казусы, когда на двух разных объектах, как участники следственного действия, были указаны те же самые понятия. Причем время проведения обыска свидетельствует о том, что понятия находились на двух обысках одновременно. Результаты таких обысков не могут быть приобщены к материалам уголовного производства, в силу своей логической противоречивости. Здесь наблюдается, по нашему мнению, халатное отношение следователя к своим обязанностям, невыполнение уголовно-процессуальных требований по обеспечению незаинтересованности понятых. Данный факт был выявлен стороной защиты и стал поводом для заявления ходатайств по поводу процессуальной процедуры производства обыска. Безусловно, по данному случаю суд признает подобные протоколы недопустимыми доказательствами [5, с. 64].

Поддерживая целесообразность видеозаписи в ходе производства обыска, обратим внимание на неоправданное дублирование фиксирования и с помощью звукозаписывающих, и с помощью видеозаписывающих технических средств, поскольку возможности видеозаписи включают в себя запись звука. Следственно-судебная практика выявила проблематику, которая касается детальной регламентации проведения видеозаписи во время проведения обыска [6]. Однако, до сих пор непонятно, должны ли быть в кадре понятые, должна ли камера фиксировать факт изъятия отысканного объекта, нужно ли запечатлеть перечень изъятых объектов, возможны ли перерывы в видеозаписи? Отметим в качестве противоречивого вопроса и то, что в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации не регламентируется действующее на практике в ходе обыска требование к проведению видеозаписи в непрерывном режиме, на одном кадре.

Соответственно, требование полноты видеофиксации хода и результатов обыска, как нам представляется, свидетельствует о необходимости именно непрерывного, сплошного фиксирования процесса рассматриваемого следственного действия, в том числе обыска, на что следует обращать внимание при оказании консультативной помощи в уголовном судопроизводстве. При производстве обыска невозможны перерывы или закрытые действия в процессе его производства. Соответственно, видеозапись хода проведения обыска не может прерываться. Если по техническим причинам запись необходимо прервать, например, для перезарядки видеокамеры или смены флэш-карты, то об этом, как нам представляется, необходимо сделать отметку в протоколе обыска. Целесообразным будет указать момент остановки видеозаписи, продолжительность перерыва, момент возобновления видеозаписи, а также причину прерывания видеозаписи [7, с. 89]. Тогда, по крайней мере предположительно, могут быть восстановлены моменты, в которых осуществлялись действия, нарушающие процессуальный порядок производства обыска. При таких, предлагаемых нами условиях, прерывание видеозаписи, необходимое в ходе видеофиксации процесса обыска, принимает обоснованный характер.

Технические средства фиксации процесса обыска приобретают все большее значение не только как иллюстрирующий материал, но и как самостоятельный источник доказательств. Действительно, видеозапись, полученная в ходе обыска, и на которой зафиксированы действия участвующих в этом лиц, может использоваться как объект судебной экспертизы (видеотехнической, фоноскопической, психологической и др.) обстоятельств данного следственного действия.

Укажем на другие проблемные вопросы, которые сейчас стоят перед следственными органами в особых условиях производства расследования. К группе трудностей при проведении обыска относим факторы, оказывающие влияние:

1) на качество и полноту обыска и сбора доказательственной информации. Факторы указанных особых условий расследования оказывают негативное воздействие на условия

работы следователя, специалиста, оперативных сотрудников, входящих в следственно-оперативную группу;

2) на проблему организации обыска, связанную с приглашением понятых для участия в рассматриваемом следственном действии, на проблему обеспечения их безопасности на протяжении всего времени проведения данного следственного действия;

3) проблемой следует признать угрозу неправомерного поведения участников обыска, чтобы исключить возможные дальнейшие обвинения в недопустимости полученных результатов обыска [8, с. 160].

Проанализировав проблемы, возникающие при проведении обыска, указываем на необходимость внесения дополнений в отечественное уголовно-процессуальное законодательство, определяющих обязательность проведения непрерывной звуко- и видеозаписи производства обыска. Вместе с этим целесообразно более детально регламентировать действия всех участвующих в нем лиц. Назрела необходимость усовершенствовать права и обязанности понятых и условия освобождения их от участия в следственном действии в неотложных случаях.

Конечно, комплекс указанных проблем требует дальнейшей научной проработки. Представляется, что проблему проведения обыска в особых условиях расследования следует решать совместными усилиями законодательных, правоохранительных и судебных органов, для чего обобщить практику проведения обыска, судебные решения по уголовным производствам, расследование по которым было завершено в текущий период. В совокупности, изложенное формирует основную проблематику организации и проведения обыска на современном этапе в особых условиях на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации.

Литература

1. Дронова, О. Б. Нагрузка беспилотных летательных аппаратов как средства криминалистической техники: основные понятия и виды / О. Б. Дронова, Е. С. Килинкарлова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – № 3 (66). – С. 93-102.
2. Шумаев Д. Г. Современные возможности фотофиксации места происшествия по факту взрыва / Д. Г. Шумаев, С. В. Швец // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 11. – С. 75-79.
3. Варданян, А. В. Обыск и проблемы участия понятых в его производстве / А. В. Варданян // Общество и право. – 2008. – № 2 (20). – С. 212-214.
4. Казанцев, С. Я. К вопросу о производстве обыска в современных условиях / С. Я. Казанцев // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 2. – С. 123-126.
5. Кощеева, К. И. К вопросу о качестве составления протоколов следственных действий / К. И. Кощеева // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2021. – № 1 (54). – С. 64-69.
6. Глушков, М. Р. О доказательственном значении видеозаписи следственных действий / М. Р. Глушков // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3. – № 4 (9). – С. 157-160.
7. Пономаренко, Ю. В. О допустимости выборочной видеозаписи следственного действия / Ю. В. Пономаренко, А. А. Куприянова // Право.ру. – 2017. – № 2 (46). – С. 89-94.
8. Воробей, С. В. Проблемные вопросы производства обыска в уголовном процессе / С. В. Воробей // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 3. – С. 160-162.

Мокровский Андрей Викторович
ФГБОУ ВО «Ульяновский
государственный университет»,
аспирант
(Ульяновск, Россия)

ОТНОСИМЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ПРЕЗУМПЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.

УДК 343.140.02

Аннотация: В уголовном судопроизводстве относимые доказательства и презумпции играют ключевую роль в установлении истины. Относимые доказательства должны иметь связь с делом, а презумпции (например, презумпция о разумном сроке уголовного судопроизводства) определяют время разрешения

уголовного дела по существу. Их правильное совместное применение обеспечивает справедливость и эффективность судебного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, относимые доказательства, предмет доказывания, эффективность уголовного процесса, справедливый приговор, презумпции.

Abstract: In criminal proceedings, relevant evidence and presumptions play a key role in establishing the truth. Relevant evidence must be connected to the case, while presumptions (e.g., the presumption of a reasonable time for criminal proceedings) determine the timeframe for resolving a criminal case on its merits. Their proper joint application ensures fairness and efficiency in the judicial process.

Keywords: criminal procedure, evidence, relevant evidence, subject of proof, efficiency of criminal proceedings, fair verdict, presumptions.

Наше убеждение (естественные доказательства) в существовании или несуществовании фактов основывается либо на наших собственных восприятиях и интеллектуальных способностях, либо на свидетельствах других людей, выраженных через их слова или поведение. Особое внимание уделяется важности доказательств, получаемых от внешних источников информации, в судебной практике и других сферах, так как это требует тщательного анализа оснований для доверия к таким показаниям и осторожности при их использовании. Поскольку знания, наблюдения и опыт людей различаются в самых невероятных пределах, можно было бы ожидать, что их представления о возможности и вероятности будут различаться. И мы постоянно сталкиваемся с тем, что не только формируются самые противоположные суждения о достоверности предполагаемых фактов, но и что факт, который один человек считает возможным и вероятным, другой считает физически невозможным [1, с.6.]. Этот вывод можно подтвердить следующим примером : правдоподобная, но ошибочная цепочка предположений указывает на то, что А. совершил преступление в городе Б. Его вина может казаться вероятной для В., но Д., Е. и Ф. знают, что это невозможно, потому что в момент совершения преступления они были в городе Г. и видели там А. Из приведенного примера мы видим, как люди могут приходиться к разным выводам на основе доступной им информации, и как ошибки в рассуждениях могут привести к неверным убеждениям:

- Человек В. считает, что А. совершил преступление в месте Б., основываясь на правдоподобной, но ошибочной цепочке предположений.

- Однако Д., Е. и Ф. знают, что А. не мог совершить преступление, потому что в момент преступления они были с ним в месте Г. и могут подтвердить его алиби.

- В. делает вывод, опираясь на ограниченную информацию, которая кажется логичной, но не учитывает всех фактов.

- Д., Е. и Ф. обладают более полной информацией (алиби А.), которая опровергает предположения В.

- В. считает вину А. вероятной, а Д., Е. и Ф. знают, что это невозможно.

Этот пример показывает, как важно учитывать всю доступную информацию и избегать поспешных выводов, основанных на неполных или ошибочных данных. Он также подчеркивает, что разные люди могут иметь разные убеждения в зависимости от того, какой информацией они обладают.

Такой сугубо субъективный подход к оценке доказательств в уголовном судопроизводстве конечно же не приемлем, так как на кону стоит свобода и доброе имя конкретного человека, потому что в уголовной юстиции оценку собранным доказательствам по делу суд выносит на основании закона и совести - ст.17 УПК РФ.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что судебные доказательства — это сведения, которые суды используют для подтверждения или опровержения фактов, имеющих значение для рассмотрения дела. Под фактами понимаются обстоятельства, связанные с предметом доказывания по делу, которые после установления подлежат применению закона [2, с. 302]. При этом существование или отсутствие правовых норм, хотя и является вопросом факта с логической точки зрения, редко рассматривается правоведами как таковое. Под «правилом» здесь понимается общий закон страны, который суды обязаны

знать без дополнительных доказательств, в отличие от местных обычаев или законов других стран, существование которых требует доказательств как факта [3, с.8-9].

Судебное доказательство, как уже отмечалось, является разновидностью рода «доказательство» и по большей части представляет собой не что иное, как естественное доказательство, ограниченное или изменённое правилами позитивного права в судебном заседании – «*Probatio est ostensio rei dubife per legitimos modos judici facienda, in causis apud ipsura judicem controversis*», перевод : "Доказательство — это представление сомнительного факта законными способами в судебных разбирательствах перед самим судьей в спорных делах" [4 , с.4]. С развитием обществ и возникновением отношений власти возникла необходимость в позитивном праве. Совершенное правосудие, требующее всеведения и безупречности, недостижимо для человека. Поэтому люди пришли к идее создания общих законов, которые, хотя и не идеальны в каждом отдельном случае, обеспечивают наибольшее благо для большинства. Эти законы и составляют позитивное право. Обязанность законодателя выходит за рамки создания основных законов и судопроизводства. Он должен разработать правила, которые помогут судам разбирать сложные и неоднозначные случаи, в тех случаях, когда установление истины в деле затруднено. [5, с.147].

В судебной практике всю систему доказательств можно свести к трем основным разделам:

-Очевидность (внутренняя или внешняя), которая служит основой для судебной определенности.

-Вывод, который позволяет отделить известное от неизвестного.

-Индукция, основанная на наблюдении законов физической или моральной природы, что приводит к предположениям или презумпциям [6, с.17].

Доказательства могут быть как прямыми (например, свидетельские показания, письменные документы), так и косвенными (сведения, основанные на уликах). Судебные доказательства могут быть взаимосвязаны и дополнять друг друга, но их сила уменьшается по мере удаления от первоисточника. Законодательство классифицирует доказательства по их практической значимости, отдавая приоритет письменным доказательствам и свидетельским показаниям, в то время как доказательства доказательств (копии документа, показания не прямого свидетеля и т.п.) и признания сторон считаются менее надежными, но важными в определенных случаях. Презумпция — это вывод о неизвестном факте на основе известного, когда связь между ними неочевидна и требует логических предположений. Прямые доказательства (например, показания свидетеля очевидца) сразу подтверждают факт, а презумпции — это умозаключения, основанные на косвенных данных (например, следы на месте преступления). Чем слабее связь между фактами, тем больше сомнений в выводе, и тогда это называют презумпцией.

В развитых правовых системах эта проблема решается через установление презумпций, правил доказывания и пределов доказывания, которые обеспечивают стабильность и справедливость, даже если истина не может быть установлена абсолютно. Законодатель руководствуется общественными интересами, а не только абстрактной истиной, чтобы поддерживать порядок и безопасность в обществе.

Как совершенно верно пишет У.Бэст, что законы доказывания балансируют между теоретической возможностью установления абсолютной истины (через детальное и длительное исследование всех обстоятельств) и практической необходимостью принимать решения в разумные сроки. В идеале, чтобы достичь полной ясности, потребовались бы неограниченные время и ресурсы, но в реальности такой подход невозможен, поэтому законы ориентируются на практически осуществимые и разумные выводы [7, с.26].

Согласно толковому словарю «презумпция» — это предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное [8, с.583]. Она используется для упрощения судебного процесса и распределения бремени доказывания между сторонами. Презумпции могут быть закреплены в законодательстве или вытекать из правоприменительной практики.

Наиболее известными презумпциями в уголовном судопроизводстве являются: презумпция невиновности; презумпция, подтверждающая решения судов компетентной юрисдикции; никто не должен дважды наказываться за одно преступление; незнание закона не освобождает от ответственности; намерение убить или причинить тяжкие телесные повреждения, подразумеваемое при употреблении яда, использовании смертоносного оружия и т. д.

В научной литературе учеными-процессуалистами предлагаются разные подходы к классификации рассматриваемых презумпций. Наиболее традиционным в теории уголовного процесса является деление презумпций на презумпции права и презумпции факта, которые могут быть опровергнуты [9, с.321].

Одной из наиболее важных презумпций уголовного судопроизводства заключается в важности принципа окончательности судебного решения (*res judicata*- дело решенное) для обеспечения стабильности, справедливости и порядка в обществе. Если бы стороны могли бесконечно оспаривать судебные решения на основании предполагаемых ошибок или новых доказательств, это привело бы к хаосу, злоупотреблениям и несправедливости.

Принцип окончательности судебного решения защищает права граждан, обеспечивая, что однажды разрешенное дело больше не может быть пересмотрено без веских оснований. Это позволяет людям чувствовать себя в безопасности, зная, что их жизнь, свобода и имущество защищены от бесконечных судебных разбирательств - ст. 6.1 УПК РФ.

Таким образом, принцип «*res judicata*» является фундаментальным для правовой системы, обеспечивая её эффективность и справедливость.

Как уже было сказано выше, чтобы разрешить уголовное дело в разумный срок необходимо четко ограничить пределы доказывания в уголовном судопроизводстве. Этот вывод является очевидным, потому что если бы человек жил тысячу лет, то наверное было бы совершенно приемлемо искать доказательства его вины в совершенном правонарушении многие годы и десятилетия, но по факту жизнь человека длится шестьдесят-семьдесят лет и провести всю жизнь в ожидании решения суда для гражданского общества не допустимо.

Оценка доказательств в суде подлежит в соответствии с установленным законом согласно ст.88 УПК РФ. Главным свойством доказательств, которое позволит ограничить пределы доказывания, является свойство относимости доказательства к предмету доказывания по уголовному делу [10, с.1].

Необходимо отметить, что многие авторы в своих исследованиях приходят к мнению, что относимые доказательства понимаются, как доказательства, связанные с уголовным делом и пригодные установить предмет доказывания по уголовному делу [11, с.195].

Теперь необходимо рассмотреть способы получения знаний судом в рассмотрении подготовленных заранее предварительным следствием доказательств по уголовному делу. Бесспорно, что все эти средства основаны либо на дедукции, либо на индукции. В уголовном судопроизводстве дедукция важна для логического вывода фактов из правовой нормы материального закона, но для установления фактов используется индукция — метод, основанный на анализе известных данных и выявлении закономерностей. Дедукция помогает систематизировать и ограничить пределы доказывания по уголовному делу, но факты доказываются через индукцию, так как они требуют анализа свидетельств, а не чистой логики [12, с.20-21].

Эти различные способы доказывания иногда могут опираться друг на друга: это когда необходимо пройти через несколько промежуточных этапов, прежде чем прийти к факту, который должен установить истину, и, следовательно, само доказательство должно быть доказано.

Таким образом можно сделать следующий вывод: при осуществлении эффективного и справедливого уголовного судопроизводства необходимо сначала при помощи дедукции установить предмет доказывания по уголовному делу, общие положения предела доказывания будут соответствовать статье материального закона, какой нарушен в конкретном случае. Далее основываясь на индуктивном методе, необходимо установить

факты, произошедшего события преступления и иные сведения в соответствии с УПК РФ ст.73/ Каждый, установленный факт нужно проверить на его связь с общими положениями предмета доказывания. Исключить все сведения и факты не находящиеся в причинно-следственной связи с предметом доказывания по уголовному делу. В конечном итоге получится идеальная совокупность доказательств достаточных для рассмотрения уголовного дела по существу.

Если сторона обвинения или защиты представляет неотносимые доказательства, это может: затягивать процесс из-за необходимости их исследования; создавать избыточную нагрузку на суд; нарушать разумный срок судопроизводства. Правильная оценка относимости доказательств — один из инструментов соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства. Следовательно, можно утверждать, что получение совокупности относимых к предмету доказывания доказательств является презумпцией уголовного судопроизводства.

Исследование доктринальных и нормативных положений позволяет прийти к выводу, что относимость доказательств в уголовном процессе напрямую связана с презумпцией УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства; доказательства, рассматриваемые в уголовном судопроизводстве, должны иметь четкие границы, чтобы защитить права участников судопроизводства, повысить эффективность рассмотрения дел и обеспечить справедливое правосудие. В настоящее время необходима научно обоснованная модель оценки доказательств, гарантирующая баланс между справедливостью и процессуальной экономией.

Литература:

1. W. M. Best The principles of the law of evidence with elementary rules for conducting the examination and cross-examination of witnesses. London, 1902. - 615 p.
2. Joannis Voet Commentariorum ad Pandectas. Venetiis : Sumptibus Petri Milesi edit, 1827. - 309 p.
3. И.Бентам О судебных доказательствах. Перевод с французского И.Гронович, Киев, 1876, - 421с.
4. Joannis Voet Commentariorum ad Pandectas. Venetiis : Sumptibus Petri Milesi edit, 1827. - 309 p.
5. Случевский В.К. Критика и библиография: А.Владимиров. Профес-сор харьковского университета. Учение о доказательствах. Книги 1 и 2. Журнал гражданского и уголовного права, год пятнадцатый, 1885, книга вторая, февраль, С-Петербург, 1885. - с.123-148.
6. Bonnier Edouard Traité théorique et pratique des preuves en droit civil et en droit criminal. Paris, E. Plon, Nourrit et cie [etc.].1888.- 559 p.
7. W. M. Best The principles of the law of evidence with elementary rules for conducting the examination and cross-examination of witnesses. London, 1902. – 615 p.
8. С.И.Ожегов и Н.Ю.Шведова Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологиче-ских выражений /Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградо-ва. - 4-е изд.,дополненное. - М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 939 с.
9. Панько, К. К. Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и классификация / К. К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 1(14). – с. 311-326. – EDN QRVZYL.
10. Стефановский Д.Н. О пределах исследования в уголовном процессе. Ярославль.1894г. – 112 с.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 2, издание третье, С.-Петрбург, 1910г. – 573 с.
12. Bonnier Edouard Traité théorique et pratique des preuves en droit civil et en droit criminal. Paris, E. Plon, Nourrit et cie [etc.].1888. – 559 p.

Нехаев Илья Николаевич
Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова
(Орёл, Россия)

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА СОСТОЯНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ВРЕДА

Аннотация: Автором осуществлен анализ законодательного урегулирования проблем, связанных с возмещением преступного вреда потерпевшим от преступлений в странах, относящихся к различным правовым системам. Для получения объективных сведений, изучались международные акты, зарубежное законодательство, в частности, для определения эффективности действующих за рубежом, новых для отечественной правовой системы механизмов компенсации и возмещения вреда. Сделан вывод о гарантии восстановления нарушенных прав отдельной личности, в призма отдельно взятого механизма.

Ключевые слова: преступный ущерб, правовая система, правовая ответственность, возмещение вреда, жертва преступления, совершенствование законодательства, институт возмещения вреда.

Abstract: The author analyzes the legislative regulation of problems related to the compensation of criminal damage to victims of crimes in countries belonging to different legal systems. In order to obtain objective information, international acts and foreign legislation were studied, in particular, to determine the effectiveness of compensation and compensation mechanisms operating abroad that are new to the domestic legal system. The conclusion is made about the guarantee of restoration of rights of an individual, in the prism of a single mechanism.

Keywords: Keywords: criminal damage, legal system, legal liability, compensation for harm, victim of crime, improvement of legislation, institute of compensation for harm.

Современный мир требует от экономически развитых стран не только защиты от преступлений, но и создания действенной системы поддержки для тех, кто стал их жертвой [1, с. 805]. Вопросы возмещения преступного вреда перестают быть исключительно статистической формальностью и становятся предметом пристального внимания ученых и практиков как в нашей стране, так и во всем мире. Об этом свидетельствуют многочисленные сравнительно-правовые исследования, анализирующие уголовное судопроизводство различных стран. Поэтому, изучение многогранного зарубежного опыта, охватывающего различные правовые системы, представляется не просто актуальным, но и принципиально необходимым шагом. Целью такого исследования является выявление наиболее эффективных моделей, которые могли бы лечь в основу модернизации отечественных норм и обеспечить действенную защиту лиц потерпевших от преступлений, с учетом существующих негативных детерминантов и менталитету, характерных социуму.

При расследовании преступлений, органы предварительного расследования, устанавливая обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, зачастую могут столкнуться с определенными сложностями при отсутствии у названного участника уголовного производства какого-либо имущества. Причин этого может быть несколько. Например, лицо действительно в силу жизненных обстоятельств и социального статуса не имеет имущества в собственности. Другой пример, если лицо имея имущество, умышленно осуществляет регистрацию де-факто принадлежащего ему имущества, де-юре на имя иного лица, в интересах совершения преступлений и минимизации возможностей наложения на это имущество ареста и обращения его в доход государства.

В настоящее время в уголовно-правовой системе Российской Федерации не существует механизма, посредством использования которого, представителям органов исполнительной власти возможно было бы быстро и качественно противодействовать таким действиям лиц, совершивших преступления, что затрудняет возмещение причиненного потерпевшему вреда. Это в свою очередь, заставляет обратить внимание на необходимость использования положительного опыта зарубежных стран в вопросах восстановления имущественных прав пострадавшего лица.

В этой связи, мы предлагаем обратить внимание на следующих стран-представительниц англосаксонской (Великобритания), романо-германской (Германия), смешанной (Китай) и, так называемой «религиозной правовой системы», в частности мусульманское государство – Королевство Саудовская Аравия.

Законодательство Великобритании представляет собой англосаксонскую правовую систему, которая содержала и вплоть до настоящего времени содержит в себе целую структуру, предусматривающую механизмы компенсации преступного вреда, которая представляет собой совокупность различных правовых инструментов, которые представлены:

- 1) иском о взыскании вреда, причиненного специальным деликтом – действием, нарушающим конкретные правовые обязательства;
- 2) собственно гражданским иском;
- 3) компенсацией вреда, причиненного преступлением из специализированных публичных фондов;

Кратко остановимся на каждом из них. 1) специальный деликт – это действие, нарушающее конкретные правовые обязательства. Согласно данным британских научных работ, этот механизм восходит к ранним формам общего права, расцвет которого пришелся на XIII-XIV века, однако, учитывая присущий консерватизм, такой способ обязать виновного возместить вред доступен в такой правовой системе и сегодня. Представлен побоями, угрозой нападения; незаконным ограничением свободы. 2) гражданский иск – отличается от представленного выше механизма неограниченным спектром притязаний. В частности, отличается и от следующего представленного механизма, большей суммой потенциальной принадлежащей к взысканию, по соотношению к сумме подлежащей компенсации. 3) компенсация из специализированных публичных фондов – главная отличительная особенность и востребованность такой конструкции, это отсутствие связи между раскрытием преступления и компенсацией вреда от него полученного. Единственным требованием к ее получению, соответствие условиям «достойного потерпевшего». Таковым считается лицо, которое в момент совершения в отношении него преступления не находилось в состоянии алкогольного/токсического/наркотического опьянения, ранее не судимое и не спровоцировавшее преступление в отношении себя, а кроме этого, оказывавшее содействие в отыскании виновного лица. Возможность обращения за компенсационной выплатой сохраняется за таким лицом в течение 2 лет [2, с. 151].

Законодательство Германии, представляет собой романо-германскую правовую систему, которая содержит, как и законодательство Англии ряд механизмов, которые включают в себя, например, возмещение преступного вреда в гражданском судопроизводстве. Разрешение такой ситуации осуществлялось обособленно от уголовного дела, то есть, посредством деликтного права [3, с. 33]. Кроме этого, законодательство Федеративной республики Германия, по аналогии с Российским судопроизводством, предусматривает разрешение вопроса о возмещении вреда, посредством гражданского иска в уголовном деле. Однако, остановимся на тех механизмах, которые наполнены духом новаторства и применяются лишь в Германии. Речь идет о такой юридической конструкции, которая предусматривает временный отказ от возбуждения публичного обвинения (уголовного дела). Суть его сведена к тому, что прокурор, по согласованию с судом и с согласия обвиняемого вправе временно отказаться от возбуждения обвинения (по общему правилу до 6 месяцев), предоставив обвиняемому возможность исполнить на выбор одну из обязанностей для возмещения причиненного преступного вреда. Закон также предусматривает за виновным право выбора ряда таких обязательств (компенсаций): возместить вред; выполнить работу, направленную на заглаживание вреда; взять на себя бремя содержания потерпевшего, выплачивая утвержденную сумму; внести денежные средства в пользу государственного, общественно-полезного учреждения; выполнить общественно значимую работу. Выполнение принятой таким лицом обязанности приводит к отказу в публичном обвинении, не выполнении к возбуждению такового.

Законодательство Китайской народной республики представляет собой смешанную правовую систему, которая до начала XXI была представлена в сильно ограниченном виде из-за традиционно-консервативного подхода к процессу и результатам компенсации вреда, причиненного преступлениями, в частности, лишь гражданским иском. [4, с. 284]. С течением времени, правовая система КНР трансформировалась, в следствие чего в законодательстве появилось несколько механизмов возмещения вреда: соглашение о порядке и размере компенсации, которое заключают между собой подозреваемый и потерпевший, для прекращения уголовного дела и, соответственно, уголовного преследования. Так же, предусмотрена совместная или средняя ответственность, которая применяется в случаях

невозможности определения точного размера вреда, причиненного отдельно взятым субъектом преступления [5, с. 303].

Рассматривая религиозную правовую систему, в частности базирующуюся на исламской вере, стоит заметить, что такая правовая система, как и иные, обозначенные выше представлены не одним лишь государством. Известно, что ислам как религия оказывает колоссальное влияние на все сферы жизнедеятельности, что неизменно оказывает влияние и приводит к доминированию религиозных норм над правовыми. Правовой обычай у мусульман, считает Н.М. Михайленко, содержит в себе характерные отличительные черты, например, спонтанность, повторяемость, обязательность. При этом, обычай выступает и социальной нормой, нарушать которую запрещено. Ее обязательность определена обществом, в последующем санкционирована законодательными и судебными органами [6, с. 185].

Нами, в качестве примера, выбрано Королевство Саудовская Аравия, как самый перспективный представитель, способный к изменению законодательства и имплементации новых норм, а также уже имеющий в отличие от иных государств с аналогичной правовой системой законодательные новшества, не свойственные такой правовой группе. Например, уголовно-процессуальный кодекс Королевства Саудовской Аравии (далее – УПК КСА) [7] устанавливает, что публичное и частное уголовное преследование прекращается в первом случае при помиловании от Короля, во втором случае, помилования от жертвы преступления или ее наследников. Также, в УПК КСА предусмотрен круг лиц, которые могут подать гражданский иск на возмещение вреда, причиненного преступлением. В соответствии со ст. 148 УПК КСА потерпевший и его родственники (дети, супруг, родители и т.д.) вправе заявить иск в суд в любое время в ходе судебного разбирательства, направленный на защиту частных прав в независимости от размера претензий, даже если такое заявление уже было отклонено ранее в ходе расследования уголовного дела. В Федеральном законе «Об освобождении от ответственности» Объединенных Арабских Эмиратов в ст. 7 закреплено, что, если осужденный выполнит все финансовые обязательства, назначенные ему приговором, которые он имеет перед государством или конкретными лицами, то он может быть освобожден от уголовной ответственности [8].

Краткий анализ практики зарубежных стран относительно возмещения вреда, причиненного преступлением, показывает, что гарантией восстановления нарушенных гражданских прав отдельной личности, являющейся потерпевшей от совершения в отношении нее преступления, является выплата компенсаций, осуществляемая государством, либо иными организациями, заинтересованными в восстановлении таких прав. Основываясь на этом, возможно заключить, что в странах со смешанной и религиозной правовыми системами уделяется меньшее количество внимания правовой защите жертв преступлений, чем в странах, использующих англосаксонскую и романо-германскую правовые системы, из-за отсутствия механизмов бескомпромиссно гарантирующих возмещение вреда, несмотря на наличие в законодательстве различных восстановительных процедур, а также, в случае с религиозными странами – невозможности имплементации новых механизмов, в связи с главенством теократических норм основанных на священном писании.

Литература:

1. Кобец, П.Н. Генезис института возмещения вреда, причиненного преступлением: от карательных мер к стимулирующим // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 800-813. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.800-813>.
2. David Meiers Offender and state compensation for victims of crime: Two decades of development and change // *International Review of Victimology* 2014, Vol 20. P. 145-168.
3. Дубровин, В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству Федеративной Республики Германия / В.В. Дубровин // *Международное уголовное право и международная юстиция*, 2009, № 4. С. 31-35
4. 10. Винг-Чонг Чан. Поддержка жертв преступлений в Азии / Лондон: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. – 432 с. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203944936>.

5. Ши, Ю. О восстановительном правосудии, практикуемом в Китае. Фронт. Закон Китая 3, 294–323 (2008). <https://doi.org/10.1007/s11463-008-0014-8>.

6. Михайленко, Н. М. Трансформация национальных правовых систем в условиях глобализации (проблемы теории) / Н. М. Михайленко // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 3-2. – С. 183-187. – EDN TIYOLD.

7. LAW OF CRIMINAL PROCEDURE Royal Decree No. (M/39) 28 Rajab 1422 – 16 October 2001 Published in Umm al – Qura Gazette No. (3867) 17 sha'ban 1422 – 3 November 2001.

8. Federal Law No. 5 Issued on 13/12/2022 Corresponding to 19/Jumada Al-Awwal/1444 H. ON EXONERATION.

Новокионов Дмитрий Вячеславович

*Военная ордена Жукова академия
войск национальной гвардии Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Санкт-Петербург, Россия)*

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ И В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

УДК 343.2

Аннотация. В статье рассматривается эволюцию взглядов уголовной политики государства в период военного положения и в военное время. Она должна включать ужесточения норм уголовного, уголовно-процессуального законодательства элементы общегосударственной политики в сфере борьбы с преступностью, принципиальные позиции субъектов гражданского общества по проблемам правопорядка, законности и безопасности, а также нормы закона и практику его применения, специальные меры по профилактике преступности, борьбе с ней и ресоциализации преступников.

Ключевые слова: уголовная политика, военная служба, военное время, военное положение, военнослужащие, причины преступности, предупреждение преступлений.

Annotation. The article examines the evolution of the views of the criminal policy of the state during the period of martial law and in wartime. It should include stricter norms of criminal and criminal procedure legislation, elements of national policy in the field of combating crime, the principled positions of civil society actors on issues of law and order, legality and security, as well as the norms of the law and the practice of its application, special measures to prevent crime, combat it and the re-socialization of criminals.

Keywords: criminal policy, military service, wartime, martial law, military personnel, causes of crime, crime prevention.

В контексте реализации положений заявления Президента России Владимира Путина о военной спецоперации на Украине и объявленной частичной мобилизации (от 21 сентября 2022 г.) по нашему мнению назрела необходимость корректировки уголовной политики.

Первое важное решение на этом направлении президент России Владимир Путин принял 24 сентября 2022 года, подписав закон, которым ввел в Уголовный кодекс Российской Федерации понятия «мобилизация», «военное положение», «военное время». Теперь в тексте документа слова «в условиях вооруженного конфликта или военных действий» заменяются словами: «в период мобилизации или военного положения, военное время или в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий».

Кроме того, 14 июля 2022 г. президент России подписал закон о приравнивании перехода на сторону противника к госизмене. Так, за участие россиян в вооруженном конфликте или в военных действиях за рубежом против интересов России может грозить до 20 лет лишения свободы со штрафом до 500 тысяч рублей.

Также Федеральным закон от 2.10.2024 № 340-ФЗ внесены изменения в уголовно-процессуальный кодекс РФ, на основании которых суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого производство по уголовному делу было приостановлено. Основанием прекращения уголовного дела является мотивированное

ходатайство командования воинской части со дня награждения военнослужащего государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы или увольнение с военной службы по предельному возрасту и состоянию здоровья [1, с. 65].

Эти шаги необходимы, но учитывая развитие ситуации, российская уголовная политика должна быть готова адекватно реагировать и на возможность объявления военного положения в отдельных регионах или в целом в стране.

Российское уголовное право располагает значительным историческим опытом регламентирования общественных отношений, возникающих и реализующихся в условиях военного времени, особенно это касается периода Великой Отечественной войны.

В настоящее время на фоне кардинального изменения формы государственного устройства, формы правления и политико-правового режима в целом, обновления правовой системы российского государства, эволюции геополитического положения России, появления принципиально новых реалий политико-правовой действительности, проблемы правового обеспечения военного времени приобрели принципиальное новое очертание.

Военное положение, как потенциально возможный правовой режим получил закрепление в Конституции Российской Федерации и в Федеральном конституционном законе «О военном положении» от 30.01.2002 г.

Государственное обеспечение военного положения включает в себя комплекс экономических, политических, административных, военных и правовых мер, направленных на создание условий для отражения или предотвращения агрессии.

Самостоятельное направление имеют меры уголовно-правового, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного обеспечения военного положения.

По смыслу статьи 20 ФКЗ «О военном положении» уголовная и иная юридическая ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о военном положении наступает в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Фактически данная норма является бланкетной и отсылает к иным нормативным правовым актам, прежде всего к уголовному, уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному кодексам и федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако степень разработанности и обоснованности правового обеспечения в период военного положения сегодня едва ли можно признать достаточной. Действующие нормативные акты не обеспечивают в полном объеме адекватную уголовную политику в период режима военного времени.

Еще в 2009 г. российскими юристами В.И. Боевым, М.А. Кочубей и А.П. Новиковым в монографии «Война и уголовный закон» выдвинуто предложение о разработке специального уголовного закона военного времени, нормы которого бы действовали исключительно в период объявленного в Российской Федерации на всей территории или отдельных территориях военного положения [2, с. 112].

Нормы данного акта, по мнению названных ученых, могут быть кодифицированы в Уголовном кодексе Российской Федерации или применяться самостоятельно по усмотрению законодательного органа. Речь идёт о том, что данный нормативный акт может стать своеобразной «матрицей» для последующих изменений и дополнений или применяться самостоятельно по усмотрению законодательного органа.

Поддерживаю позицию тех российских правоведов, которые считают, что в матричный Уголовный кодекс военного времени обязательно должна быть включена смертная казнь за особо тяжкие преступления. Проведенные в разные годы опросы показывают, что более 90 % сотрудников правоохранительных органов убеждены в том, что в период военного положения смертная казнь необходима [3, с. 56].

Причем речь идет не, только об особо тяжких преступлениях, совершенных военнослужащими. Смертная казнь в период военного положения должна касаться таких преступлений как бандитизм, терроризм, убийств с отягчающими обстоятельствами. Например, за совершение таких преступлений как покушение на жизнь военкома в Иркутске

и расстрел детей и учителей в Ижевске, которые совершены 26 сентября 2022 г., в период военного положения смертная казнь, безусловно необходима.

На наш взгляд, такие матричные законы должны быть приняты и в рамках судебного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного обеспечения военного положения.

В ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 г. в статье 4 в систему судов следует добавить военные трибуналы, которые обеспечивали неотвратимость наказания в годы Великой Отечественной войны. В специальном законе должно быть сказано, что они создаются с момента объявления военного положения.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на жёсткость в применении репрессий в условиях военного времени военные трибуналы широко применяли отсрочку исполнения приговора с определением в штрафные части, что основывало вероятность достижения цели наказания с разумным использованием человеческого контингента Красной Армией и Военно-Морским Флотом.

В матричном УПК РФ военного времени ключевым является вопрос обеспечения оперативности рассмотрения уголовных дел, что особенно важно в условиях быстро меняющейся боевой обстановки, требующей немедленного на нее реагирования, рассмотрение дел без участия сторон, в закрытых судебных заседаниях, сокращения сроков судопроизводства и отсутствия кассационного обжалования приговоров [4, с. 34].

Матричный Уголовно-исполнительный кодекс РФ периода военного положения также должен учитывать опыт Великой Отечественной войны. В этот период перед учреждением ГУЛАГ в НКВД СССР были поставлены задачи комплектования важнейших оборонных строителей и предприятий, рабочей силы из заключенных, сохранение в этих целях физического состояния заключенных и их полное трудовое использование, всемерное усиление производства боеприпасов и другой оборонной продукции, расширения собственной продовольственной базы, а так же реалии сегодняшнего дня в условиях проведения специальной военной операции.

Всеобщая милитаризация всех сфер общественной жизни страны, естественно, не могла не отразиться на деятельности уголовно-исполнительных учреждений, особенно организации условий содержания заключенных. В первые дни войны был изменен режим отбывания наказания, как в лагерях, так и в колониях. Независимо от характера совершенных преступлений для всех заключенных устанавливался единый режим отбывания наказания – строгий, максимально сокращалось число лиц, пользовавшихся до этого правом передвижения без конвоя, что позволило не допустить увеличение числа побегов из мест заключения.

В Приказе НКВД СССР 792-к, принятом в 1941 году, предлагалось принять меры по коренному улучшению жилищно-бытовых условий для заключенных, в особенности для положительно характеризующихся на производстве, упорядочению питания за счет выдачи дополнительных пайков, улучшение работы пищеблоков, доставки горячей пищи заключенным в обеденный перерыв. В 1943 году специальным приказом НКВД СССР устанавливался трехдневный отдых в месяц и обязательное предоставление 8-часового ежедневного отдыха для сна, обязательное ежедневное трехкратное питание заключенных, обеспечение заключенных своевременной лечебной/медицинской помощью и полной госпитализации всех заболевших, требующих коечного лечения.

Одной из особенностей военного времени стало направление значительного числа заключенных в Красную Армию. В соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 года из мест лишения свободы были досрочно освобождены некоторые категории заключенных, отбывавших наказания за малозначительные преступления. Только в 1941 году на фронт было отправлено 480 тысяч человек, что составило 25% от общего числа заключенных. В последующие месяцы появилась необходимость в освобождении других категорий осужденных [5, с. 181].

По специальным постановлениям Государственного Комитета Обороны в течение 1942-1943 года были досрочно освобождены по целевым разнарядкам с направлением в ряды Красной Армии ещё 157 тысяч человек, что составило свыше 10 процентов от общего числа лиц, лишенных свободы. Всего за первые три года войны передано на укомплектование Красной Армии 975 тысяч человек. Кроме того, из числа трудопоселенцев, бывших кулаков, только в 1942 году было мобилизовано в действующие части и соединения около 100 тысяч человек.

Впоследствии изменился порядок участия бывших заключенных в боевых действиях. Если в 1941 году из них формировали штрафные роты, батальоны, то с начала 1942 года начали создаваться ударные разведывательные части.

В современных условиях вопросы направления осужденных в вооруженные силы или в ЧВК должны быть обязательно регламентированы одновременно нормами и Уголовного кодекса, и Уголовно-процессуального кодекса, и Уголовно-исполнительного кодекса.

Некоторые шаги государством уже сделаны в этом направлении в связи с принятием Федерального закона от 24 июня 2023 года №269-ФЗ. Так осужденный, призванный на военную службу, либо заключивший контракт о прохождении военной службы с Вооруженными Силами РФ в период мобилизации или в военное время и отправившийся в зону проведения специальной военной операции, освобождается от отбывания уголовного наказания, при условии поступления в органы исполняющие наказание, соответствующего обращения командования воинской части либо личного обращения военнослужащего.

Безусловно, необходим и матричный закон военного времени об оперативно-розыскной деятельности. Здесь главное – это освобождение оперативно-розыскных подразделений субъектов ОРД от нагромождения условий по обязательному уведомлению судей о проведении оперативно-розыскных мероприятий [6, с. 111].

Кроме того, давно стоит необходимость отнесения военной полиции к субъектам оперативно-розыскной деятельности. Без этого уже сейчас сложно решать вопросы оперативно-розыскного обеспечения работы следователей по делам, относящимся в воинской службе.

Разработка мер судебного, уголовно-правового, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, оперативно-розыскного обеспечения военного положения требуют межведомственных усилий, создания рабочих групп из специалистов различных правоохранительных органов и судебной системы.

Литература

1. Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, поступивших на военную службу по мобилизации или в военное время (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 2 октября 2024 года № 340-ФЗ) / Я. Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 2(331). – С. 65-70. – EDN XRHBEW.
2. Боев В.И., Кочубей М.А., Новиков А.П. Война и уголовный закон / - Москва: Норма, 2009. – С. 112.
3. Третьяков И.Л. Уголовная политика России: общетеоретические и прикладные проблемы: Дисс... докт. юрид. наук. СПб., 2006, С. 56.
4. Новокшенов, Д. В. Особенности признаков субъектов воинских преступлений / Д. В. Новокшенов, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 8(253). – С. 33-41. – EDN XWCRGH.
5. Новокшенов, Д. В. Особенности уголовной ответственности военнослужащих за преступления, совершенные в период проведения специальной военной операции / Д.В. Новокшенов // Военное право. – 2024. – № 3(85). – С. 180-183. – EDN FBNNXU.
6. Закомолдин Р.В. О реформировании военно-уголовного законодательства в условиях проведения специальной военной операции / Р.В. Закомолдин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 12(329). – С. 111-116. – EDN GPFRIB.

Петухова Жанна Петровна
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО 1918 ГОДА

УДК 343.13

Аннотация: Статья посвящена одной из недостаточно освещенных в уголовно-процессуальном законодательстве и дискуссионных тем в области уголовно-процессуального законодательства России – приостановление предварительного следствия. Основная мысль статьи заключается в том, что законодательство о приостановлении предварительного следствия нуждается в дальнейшей систематизации и совершенствовании, чтобы обеспечить более сбалансированное правоприменение и защиту прав субъектов уголовного процесса.

Ключевые слова: следователь, уголовное дело, судопроизводство, суд, расследование, следственные действия.

Abstract: The article is devoted to one of the insufficiently covered in criminal procedure legislation and controversial topics in the field of criminal procedure legislation of Russia - suspension of preliminary investigation. The main idea of the article is that the legislation on suspension of preliminary investigation needs further systematization and improvement in order to ensure more balanced law enforcement and protection of the rights of subjects of criminal proceedings.

Keywords: investigator, criminal case, legal proceedings, court, investigation, investigative actions.

Впервые термин «приостановление предварительного следствия» появился в дореволюционный период в Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи от 20 ноября 1864 года [1]. В нем были отражены основания для приостановления предварительного следствия [2].

Так, например, И. Я. Фойницкий подчеркивал, что данный институт играет важную роль в уголовном судопроизводстве и происходит в различных ситуациях, таких как временная невозможность осуществления следственных действий и приостановление может быть необходимым шагом. Ученый акцентирует внимание на том, что приостановление не должно рассматриваться как противоречащее основным принципам уголовного процесса, а, наоборот, должно способствовать более тщательному и обоснованному расследованию [3].

М. С. Строгович, обращаясь к актуальным вопросам приостановления предварительного следствия, отмечал, что рассматриваемый институт играет ключевую роль в уголовном процессе, который позволяет органам предварительного следствия не только оптимизировать ресурсы, но и обеспечить соблюдение прав потерпевших, подозреваемых, обвиняемых. Однако подчеркнул, что данная мера не должна превращаться в способ затягивания дел, и должна использоваться с осторожностью и только в тех случаях, когда это действительно оправдано [4].

Ф. Ю. Бердический, Н. А. Якубович акцентируют внимание на необходимость прозрачности регулирования процессов, связанных с приостановлением следствия. Они предлагают внедрение более жестких стандартов оценки оснований для приостановления, что, по их мнению, могло бы значительно повысить эффективность и справедливость уголовного правосудия [5].

В. М. Быков акцентирует внимание, что приостановление предварительного следствия не означает его прекращение. Это временная мера, которая дает органам предварительного следствия собрать дополнительные материалы для возможности его возобновления. Кроме того, автор подчеркивает, что приостановление должно проходить под строгим контролем с целью предотвращения нарушения прав участников уголовного процесса [6].

Предмет рассматриваемого института всегда находился в центре внимания и продолжает вдохновлять на новые исследования и открывая горизонты для дальнейших дискуссий.

На протяжении длительного периода времени ученые погружались не только в истоки рассматриваемого института, но и в его глубины, стремясь понять его правовую природу и оценить его непосредственное влияние на весь процесс уголовного судопроизводства [7].

Его многогранная природа раскрывается в историческом аспекте как в дореволюционный период, так и в советское время, а также в современных анализах, и выводах, что делает тему особо значимой для уголовного судопроизводства.

После Октябрьской революции 1917 года в Декрете № 1 «О Суде» от 24 октября 1917 года Совет Народных Комиссаров постановил:

«1) Упразднить донныне существующие общие судебные установления... О порядке дальнейшего направления и движения неоконченных дел будет издан особый декрет. Течение всех сроков приостанавливается, считая с 25 октября сего года впредь до особого декрета» [8].

В Декрете Совет Народных Комиссаров постановил взамен существующих судебных инстанций создать новые органы народной юстиции, направленные на устранение классовых различий и создание доступного правосудия для трудящихся. Процесс создания новой судебной системы в Советской России был сложным и многогранным.

И только лишь Декретом Совета Народных Комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) № 3, опубликованным в газете «Известия» от 20 июля 1918 года, было отражено, что с 1 августа 1918 г. течение всех сроков, приостановленных ранее, возобновляется [9].

Впервые в советский период вопросы, регулирующие приостановление предварительного следствия, затронуты в Положении о военных следователях, которое было утверждено Приказом Революционного Военного Совета Республики № 1595 от 30 сентября 1919 года [10].

В соответствии с УУС следствие прекращалось, а в дореволюционный период следствие приостанавливалось судом. Суд, приостанавливая следствие, стремился обеспечить правовые гарантии для обвиняемого и к состоянию его здоровья, что становилось важным аспектом обоснования решений судебных инстанций.

Анализируя нормативные акты, прослеживается, что законодатели не делали четких разграничений между приостановлением и прекращением предварительного следствия [11]. Отсутствие ясного разграничения между этими понятиями не только затрудняло работу следователей, но и отражалось на защищенности прав обвиняемых.

С точки зрения правоприменительной практики. Анализ рассматриваемого института показывает, что достаточно часто возникают случаи неоправданного приостановления следствия, что негативно сказывается на репутации правоохранительных органов и доверии общества к правоохранительной системе [12].

Таким образом, исследование института приостановления предварительного следствия является актуальным и важным, поскольку оно затрагивает фундаментальные аспекты правовой системы и права человека.

Реформа, таким образом, становится важным этапом на пути к модернизации уголовного процесса в России.

Проведенные исследования охватывали как теоритические, так и практические аспекты влияния института приостановления предварительного следствия на российское уголовное судопроизводство.

Литература:

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / Отв. ред. Б.В. Виленский. – Т. 8. Судебная реформа. – Москва: Юрид. лит., 1991. – 496 с.
2. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. – Москва, 1997. – 364 с.
3. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – Т. 2. – Санкт-Петербург. Изд. «Альфа». 1996. – 607 с.
4. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. – Москва : Наука, 1970. – Т. 2. – 516 с.
5. Бердичевский Ф.Ю., Якубович Н.А. Приостановление предварительного следствия. – Москва, 1974. – 80 с.
6. Быков В.М. Деятельность следователя по приостановленным делам (криминалистическое и уголовно-процессуальное исследования) : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. – 301с.
7. Петухова, Ж.П. Возникновение и становление института приостановления предварительного

следствия // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2024, – С. 279-282.

8. Декрет СНК РСФСР «О Суде» от 24 октября 1917 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917 – 1954 г.г. Сб. документов. Под ред. С. А. Голунского. – Москва, 1955. – 635 с.

9. Декрет № 3 – О Суде: Декрет ВЦИК РСФСР от 20 июня 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. № 52. Ст. 589.

10. Положение о военных следователях // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917 – 1954 г.г. Сб. документов. Под ред. С. А. Голунского. – Москва, 1955. 635 с.

11. Лекции по истории уголовного процесса России / науч. ред. И. В. Смолькова; отв. ред. Р. В. Мазюк. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – 263 с.

12. Смолькова, И.В. Розыск и задержание подозреваемого, скрывшегося от предварительного расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 2(97). – С. 129-138.

Процевский Виктор Александрович

ФГАОУ ВО "Севастопольский Государственный университет"

Доктор юридических наук, профессор

(Севастополь, Россия)

Моисеенко Максим Александрович

ФГАОУ ВО "Севастопольский Государственный университет"

Студент

(Севастополь, Россия)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ГАРАНТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЁМОМ НА РАБОТУ И УВОЛЬНЕНИЕМ

УДК 343.3.7

Аннотация. Целью настоящей научной статьи являются правовые нормы, обеспечивающие закрепление юридических гарантий, направленных на защиту определенных категорий работников, связанных необоснованным отказом в приеме на работу, а также незаконным увольнением. Приводятся примеры из судебной практики, связанные с восстановлением на работе несовершеннолетних работников

Авторы приходят к выводу о необходимости дополнительной защиты такой категории работников включением в Уголовный Кодекс (далее УК) РФ дополнительного правового предписания, предусматривающего уголовную ответственность за нарушение законных прав несовершеннолетнего работника.

Ключевые слова: уголовная ответственность, необоснованный отказ, необоснованное увольнение, дополнительные гарантии, несовершеннолетний работник.

Annotation. In the scientific article the legal norms aimed at fixing legal guarantees for certain categories of workers related to unreasonable refusal to hire and termination of the labour contract are considered. Examples from court practice related to the reinstatement of underage workers at work are given

The authors come to the conclusion about the necessity of additional protection of such category of workers by inclusion in the Criminal Code (hereinafter referred to as CC) of the Russian Federation of an additional legal provision providing for criminal liability for violation of legal rights of a minor worker.

Keywords: criminal liability, unjustified refusal, unjustified dismissal, additional guarantees, minor worker.

Правовое регулирование исследуемой проблемы имеет более чем столетнюю историю. В Кодексе законов о труде (далее КЗоТ) РСФСР 1918 года данная проблема не регламентировалась по причине наличия Всеобщей трудовой повинности населения республики [1]. Однако то уже в следующем КЗоТе РСФСР 1922 года, она получила следующую регламентацию: в пункте «в» статьи 8 КЗоТа РСФСР было указано, что наниматель несёт ответственность за незаконный отказ от приема рабочей силы для последующего трудоустройства.

Порядок трудоустройства производился в следующем порядке:

1. Гражданин регистрировался в НКТ РСФСР в качестве безработного.

2. Администрация предприятия, учреждения или отдельный наниматель направляли запрос на рабочую силу в НКТ РСФСР.

3. В случае соответствия заявленным требованиям, НКТ РСФСР выдавало соответствующее направление на работу.

4. О приеме на работу лиц, которые были направлены от НКТ РСФСР, наниматели обязаны известить последнего [2].

В наше время подобную функцию выполняет Центр Занятости (далее Центр) населения.

Порядок трудоустройства через Центр:

1. Гражданин регистрируется в качестве безработного

2. Работодатели направляют запрос на поиск работников в Центр

3. Центр предлагает гражданину список вакансий. В случае соответствия, гражданину выдается направление на работу.

4. При получении направления гражданин должен обратиться к работодателю, заключить трудовой договор или оформить обоснованный отказ.

Следует отметить, что в РФ существуют и другие формы трудоустройства, такие как самостоятельный поиск работы, так и через частные агентства занятости.

Таким образом КЗоТ РСФСР 1922 года защищал работника от необоснованного отказа, однако не раскрывал понятия обоснованного.

Следующий КЗоТ РСФСР был принят в 1971 году, в котором статья 16 запрещала неправомерный отказ в приеме на работу, который распространялся в том числе и на время фактического допуска работника к работе [3].

На основе статьи 19 Конституции РФ ныне действующий Трудовой кодекс (далее ТК) РФ урегулировал эту гарантию в статье 64, запрещающей необоснованный отказ, который возможен при заключении трудового договора [4]. На наш взгляд, эта гарантия не охватывает также и фактический допуск к работе, без его заключения, предусмотренный частью второй 67 статьи ТК РФ, которая обязывает не позже трех рабочих дней оформить трудовой договор в письменной форме [5]. Можно сделать вывод о недостаточно четком регулировании таких отношений. Отдельные ученые в своих работах обращались к данной проблеме. Так, вопрос об отсутствии четкого регулирования соответствующих отношений, поднимался в работах Процевского В.А. [6], Дубовиченко С. В., Карлова В. П. [7], Паршиной И.М. [8] и других.

Судебная практика рассматривает критерии разграничения понятий «необоснованный» и «обоснованный» отказ, имеющий место при заключении трудового договора. Последний является таковым отказом, который базируется исключительно на деловых качествах работника. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ даётся такое определение: способность физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально- квалификационных качеств [9].

И наоборот, необоснованным отказом понимается является такой, который не опирается на конкретные деловые качества работника. Мотивами для таких действий работодателя могут послужить: нежелание создавать необходимые условия для некоторых категорий работников (инвалидов, беременных женщин и работников до 18 лет), личная неприязнь к возможному работнику, возраст соискателя и иные причины.

Часть 2 статьи 64 ТК РФ устанавливает правило, в соответствии с которым работодателю при приеме на работу запрещено устанавливать какие-либо ограничения или преимущества, не связанные с профессиональной характеристикой качеств работников. Однако довольно часто работодатели нарушают положения статьи 64 ТК РФ и отказывают в силу несовершеннолетнего возраста соискателя работы.

Также дополнительные гарантии для несовершеннолетних предусмотрены в случае расторжения с ним трудового договора (статья 269), которая предусматривает специальный порядок увольнения таких работников.

Граждане с целью восстановления своих нарушенных прав обращаются в суды. На основании рассмотрения таких дел Пленум Верховного Суда РФ издал соответствующие разъяснения, помещённые в Постановлении №1 от 28 января 2014 года «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» [10].

УК РФ уже предусматривает уголовную ответственность за такие преступления, однако только в отношении нарушения законных трудовых прав лиц, достигших предпенсионного возраста, а также беременных женщин или имеющих детей до 3 лет [11].

Осталась неохваченная уголовно-правовой защитой такая категория работников как несовершеннолетние. На наш взгляд, необходимо установить уголовную ответственность, которая была бы направлена на защиту этой категории лиц от необоснованного отказа при приёме на работу, а также увольнения лица не достигшего возраста совершеннолетия. Предлагаем дополнить УК РФ статьёй 144.2, устанавливающей уголовную ответственность за такие преступления, что повлекло бы сокращение нарушений законных трудовых прав этой категории работников.

Литература:

1. Кодекс законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 [Электронный ресурс] URL:https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm -Режим доступа-открытый (дата обращения: 27.03.2025).
2. Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года - [Электронный ресурс]- URL - https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm - Режим доступа- открытый (дата обращения: 27.03.2025).
3. Кодекс законов о труде РСФСР 1971 года-[Электронный ресурс]- URL - <https://base.garant.ru/3961942/> -Режим доступа: открытый (дата обращения: 27.03.2025).
4. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)//СПС Консультант Плюс URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.03.2025).
5. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс] URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ – Режим доступа-открытый.
6. Процевский, В. А. Особенности надзорной деятельности прокуратуры по защите трудовых прав граждан / В. А. Процевский, Е. В. Горлов, С. А. Запорожец // Крымские юридические чтения. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации и меры противодействия проявлениям экстремизма и фальсификации исторического прошлого : Сборник материалов студенческого круглого стола Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 02–10 июня 2022 года / Под общей редакцией Н.Н. Колоки, сост. С.В. Герасимовский, А.П. Сергеева. Том I. – Саратов: Общество с ограниченной ответственностью "Амирит", 2022. – С. 334-337. – EDN KBIPPR.
7. Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста: комментарий и критический анализ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т. 2. – №. 4. – С. 160-169.
8. Паршина И.М. Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста: некоторые проблемы правоприменения // Проблемы формирования правового социального государства в современной России. – 2018. – С. 156-158.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 24.11.2015) "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации" [Электронный ресурс] URL-https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/- Режим доступа- открытый. (дата обращения: 27.03.2025).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 N 1 "О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних"[Электронный ресурс] URL- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158272/- Режим доступа- открытый. (дата обращения: 27.03.2025).
11. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025)"[Электронный ресурс]URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ - Режим доступа- открытый. (дата обращения: 27.03.2025).

*Резепкин Александр Михайлович
Оренбургский институт (филиал)*

ПОНЯТИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 319.07

Аннотация: В данной статье раскрыта социальная и правовая природа понятия противодействия в уголовном процессе, его признаки, динамичный, системообразующий и прикладной характер в досудебном и судебном производстве.

Ключевые слова: Противодействие, признаки, противоположность процессуальных интересов, состязательность, досудебные и судебные стадии.

Abstract: This article reveals the social and legal nature of the concept of counteraction in criminal proceedings, its signs, dynamic, system-forming and applied nature in pre-trial and judicial proceedings.

Keywords: Opposition, attributes, opposing procedural interests, adversarial, pre-trial and trial stages.

Противодействие в отечественной юриспруденции является относительно новым понятием, которое большинством авторов рассматривается преимущественно в рамках стадии предварительного расследования. Между тем, мы глубоко убеждены в том, что в нем необходимо усматривать фундаментальную концепцию модернизации, построения требований и гарантий участников процессуальных отношений, в условиях действия элементов состязательности, не только в досудебных, но и судебных стадиях. Тем самым, подчеркивается демократическая направленность содержания уголовно-процессуального законодательства РФ, где определяющую процессуальную роль играют участники уголовного судопроизводства со стороны защиты, которые, используя законные средства и способы, защищают свои права, свободы, интересы, вступая в противоборство с участниками со стороны обвинения. Однако в юридической литературе до сих пор не достигнуто единства мнений по таким важным вопросам, как определение понятия противодействия уголовному преследованию, не говоря уже о формах взаимоотношений участников уголовного процесса и актах реагирования. Заметим, что от правильного употребления термина зависит назначение, процессуальная природа взаимоотношений всех участников досудебного и судебного производства по уголовному делу.

Противодействие, как лексическая единица русского языка в словаре непререкаемого авторитета русской словесности В.И. Даля означает следующее: «Противодействовать чему, кому – перечить, идти противу, наперекор, мешать и стараться уничтожить другое действие. Противодействователь, – деятель м. – противник чему и кому-либо на деле» [1, с. 868].

С.И. Ожегов раскрывает обозначенный термин как «действие, препятствующее другому действию, где действие равно противодействию» [2, с. 1176]. Словарь русского языка характеризует его как «действие, препятствующее другому действию; сопротивление» [3, с. 534]. Большая советская энциклопедия указывает на «действие, служащее препятствием к проявлению, развитию другого действия, сопротивление» [4, с. 640]. Т.Ф. Ефремова понимает его, как «действие, препятствующее другому действию, направленное против него» [5, с. 1877]. Примерно аналогичное толкование дается Д.Н. Ушаковым и С.А. Кузнецовым [6, с. 959, с. 1534]. Примечательно, что все представленные виды толкования термина характеризуют, главным образом, два основных признака. Первый указывает на действие, подразумевая активную форму его проявления, а второй представляет собой наличие противоположных интересов (противоборство) во взаимоотношениях участников определенной деятельности. Интересно, что в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона противодействие классифицируется на политическое, спортивное и юридическое. Последнее распадается по субъекту деяния на общее (со стороны всех граждан) и особенное (со стороны служащих); по

способу действия – на пассивное (неповиновение, слушание) и активное (сопротивление, восстание, принуждение) [7, с. 787], что, как нам представляется, заслуживает особого внимания, ибо предыдущие характеристики анализируемого термина подобного не учитывали. Хотя, с точки зрения тактики и методики осуществления соответствующего процессуального действия заинтересованными участниками уголовного судопроизводства, это является важной составляющей, поскольку активности следователя (дознателя) может корреспондировать пассивность подозреваемого (обвиняемого), его защитника-адвоката и рассматриваться в качестве приема, тактики законной защитительной деятельности, что, в свою очередь, соответствует назначению уголовного судопроизводства и состязательности сторон. В свете чего, следует полагать, что противодействие в уголовно-процессуальном смысле представляет собой законное процессуальное действие, а равно бездействие, указывающее на противоположность интересов участников взаимоотношений и их назначение в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на свою лаконичность, представленное определение позволяет выделить следующие признаки, которым должно соответствовать противодействие уголовному преследованию в условиях развития современного уголовно-процессуального законодательства РФ, а именно: нормативность, этичность, логичность, состязательность, устойчивость и исключительность обеспечения защиты прав и свобод личности.

Нормативность указывает на упорядоченность процессуальных действий, их законность, а этичность на недопустимость унижения чести и достоинства, создания условий, представляющих опасность для жизни и здоровья, запрет насилия, пыток. Логичность свидетельствует о связи противодействия с общими условиями предварительного расследования и общими условиями судебного разбирательства, а главное, принципами уголовного судопроизводства, где определяющая роль должна отводиться состязательности сторон по причине полярности процессуальных интересов участников уголовно-правового спора в доказывании. Устойчивость подтверждает востребованность противодействия уголовному преследованию наукой, а главное, практикой, его внутреннюю потенциальную возможность длительного существования и совершенствования в угоду трансформирующейся уголовно-процессуальной деятельности не только в досудебных, но и судебных стадиях. Исключительность обеспечения защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве определяет соответствие противодействия уголовному преследованию задачам и целям уголовного судопроизводства.

Обозначенные признаки не являются случайными, а выступают результатом осознанного, длительного анализа следственной, судебной и адвокатской практики различных субъектов РФ, которые позволяют посредством изучения гарантий прав и обязанностей защитника в доказывании проникнуться его заведомо неравным по отношению к следователю (дознателю) процессуальным положением, что провоцирует разработать систему мер, средств противодействия, определив концептуальную основу, направленную на обеспечение эффективной защиты прав личности в досудебном и судебном производстве по уголовному делу.

Рассмотрев социальную и правовую природу противодействия, уместно сделать следующие выводы:

1. Противодействие в уголовно-процессуальном смысле представляет собой законное процессуальное действие, а равно бездействие, указывающее на противоположность интересов участников взаимоотношений и их назначение в уголовном судопроизводстве.

2. Признаками противодействия в уголовно-процессуальном смысле являются: нормативность, этичность, логичность, состязательность, устойчивость и исключительность обеспечения защиты прав и свобод личности.

3. В основе противодействия лежит противоположность процессуальных интересов, состязательный характер, назначение уголовного судопроизводства.

4. Существование противодействия уголовному преследованию оправдано не только теорией, но и следственно-судебной, адвокатской практикой и свидетельствует о его прикладном характере.

5. Противодействие уголовному преследованию является динамичным и системообразующим понятием, что подчеркивает его востребованность во всех стадиях процесса.

Литература:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т. Т.3 / В.И. Даль. М.: АСТ: Астрель: Граниткнига, 2006. с. 868.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 100 000 слов. / С.И. Ожегов. М.: Мир и образование, 2018. с. 1176.
3. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований / под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. М.: Русский язык. М.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. П–Р. с. 534.
4. Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 21. / глав. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. М., 1969–1978. с. 640.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: В 2 т. Т. 2 / Т.Ф. Ефремова. М. : Рус. яз., 2000.с. 1877.
6. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д.Н. Ушаков. М., 2008. с. 959. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. –М., 2008. с. 1534.
7. Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Репр. изд. СПб.: ПОЛРАДИС, 1993. с. 787.

*Сильнов Михаил Александрович,
кандидат юридических наук, доцент
(Москва, Россия)*

МЕСТО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ПРОКУРОРСКОГО РАБОТНИКА В СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ ДИСЦИПЛИНЫ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС»

УДК: 343.163

Аннотация: нравственные (этические) основы участия прокурора в уголовном производстве проявляются во всем диапазоне обвинительной, надзорной, правозащитной, координационной деятельности. Соблюдение нравственно-этических стандартов – неотъемлемая внутренняя составляющая участия прокурора в уголовном судопроизводстве.

В рамках улучшения подготовки специалистов для работы в органах прокуратуры и методического обеспечения процесса обучения автор предлагает вернуться к опыту советского периода и включить вопросы, связанные с изучением этических основ участия прокурора в программу высшей школы по дисциплине «Уголовный процесс», поскольку упомянутые выше нравственные и этические требования к прокурору как участнику уголовного судопроизводства весьма обширны и специфичны.

Ключевые слова: этика прокурора; преподавание профессиональной этики

Abstract: moral (ethical) principles of prosecutor's participation in criminal proceedings are manifested in the entire range of accusatory, supervisory, human rights, coordination activities. Compliance with moral and ethical standards is an integral internal component of prosecutor's participation in criminal proceedings.

In the context of improving the training of specialists for work in the prosecutor's office and methodological support of the training process, the author proposes to return to the experience of the Soviet period and include issues related to the study of the ethical principles of prosecutor's participation in the program of the discipline "Criminal Procedure", since the above-mentioned moral and ethical requirements for the prosecutor as a participant in criminal proceedings are very extensive and specific.

Keywords: prosecutor's ethics; teaching professional ethics

Вопросами этического содержания уголовно-процессуальной деятельности в разное время занимались Агутин А.В., Божьев В.П., Бойков А.Д., Горский Г.Ф., Кони А.Ф., Карпец И.И., Кобликов А. С., Кокорев Л.Д. Корневский Ю.В., Строгович М. С. и др. видные ученые.

Рассуждая о формировании нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве, мы должны понимать, что речь идет о сложном взаимодействии норм права и морали, правового и нравственного сознания.

В литературе, касающейся вопросов этики уголовного процесса, данное взаимодействие обычно освещалось через описание нравственной природы процессуального закона и принципов процессуального регулирования [14, с. 39-44; 5, с. 25-56].

Авторы курса «Советский уголовный процесс» под редакцией А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца, изданного в 1989г., посвятили Главу VII курса «Уголовное судопроизводство и судебная этика» вопросам взаимодействия права и морали, характеристике нравственных требований, предъявляемых к профессиональным участникам уголовного судопроизводства. При этом они справедливо подчеркивали, «что взаимодействие права и морали в уголовном судопроизводстве может исследоваться не только путем использования моральных критериев оценки правовых норм и институтов, но и *на уровне генетическом* — воздействие морали на развитие и совершенствование правового регулирования; *понятийном* — использование в правовой норме категорий этики; *функциональном* — взаимодополнение права и морали в регулировании одних и тех же общественных отношений» [10, с. 161].

Понятия «этика», «мораль», «нравственность», «право» тесно взаимосвязаны и переплетены. Их интерпретациям даже в последние десятилетия посвящено немало работ.

Так, в юридической литературе можно встретить термины «судебная этика» и «судейская этика». А. А. Гусейнов исходит из тезиса о неразрывности данных феноменов [6].

В.Н.Назаров справедливо отмечает, что «среди специалистов в прикладной этике нет единого мнения о ее предмете, методе, структуре и содержании, не существует также общепринятых представлений о соотношении прикладной и профессиональной этики» [13, с. 9].

Иванова Л.А. не без оснований утверждает, что «судебная этика как разновидность прикладной этики занимается общезначимыми проблемами этики судопроизводства и рассматривает конкретные моральные ситуации, возникающие в процессе работы суда, а судейская этика как разновидность этики профессиональной занимается профессиональным поведением судей и рассматривает нормы права, регулирующие поведение представителей судейского сообщества как в процессе осуществления ими профессиональной деятельности, так и в личной жизни» [7, с. 59-62].

По мысли Строговича М.С. «судебная этика — это наука о применении общих норм морали, нравственности в специфических условиях деятельности судей, прокуроров, следователей, адвокатов; об осуществлении нравственных принципов и требований в расследовании и разрешении подведомственных суду уголовных дел» [16, с. 13].

В книге Кобликова А.С. «Юридическая этика» понятия и категории юридической этики рассматриваются как вид профессиональной этики [8, с. 4]. С этих позиций предмет юридической этики представляется более широким, чем этики судебной.

Вместе с тем и «Судебная этика» и «Юридическая этика» традиционно рассматривают прокурора в основном как государственного обвинителя, оставляя за скобками широкий спектр его иной уголовно-процессуальной деятельности.

Обратимся далее к характеристике указанных понятий и категорий¹³ [1, с. 5-12] применительно к деятельности прокурора как участника уголовного судопроизводства. Оговоримся, при этом, что термины *профессиональная этика* и *нравственные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве*, в данной, статье мы рассматриваем в качестве синонимов.

¹³ *Понятие* - результат длительного обобщения наиболее существенных свойств и признаков познаваемого объекта. *Категория* - обобщающая единица мышления, образующая классы и рубрики понятий.

За три столетия своего существования¹⁴ прокуратура России убедительно доказала своё главное предназначение – «обеспечить верховенство закона, верой и правдой служить Отечеству и своему народу. Благодаря неразрывной связи поколений за это время у прокуроров сформировался особый характер, которому присущи твёрдость, честность, принципиальность и профессиональное отношение к делу» [20, с. 3-8].

Органы прокуратуры занимают уникальное место в механизме правового регулирования¹⁵ общественных отношений [15]. Это обстоятельство связано с осуществлением ими особой вневедомственной функции [17, с. 12] – *надзора за соблюдением Конституции и законов Российской Федерации*, что в свою очередь обуславливает ключевое значение прокуратуры в нравственном обеспечении уголовного судопроизводства, поскольку подразумевает обеспечение *уголовно-процессуальных функций*, а также реализацию принципов уголовного процесса, в первую очередь законности.

Известно, что основной функцией прокурора как участника уголовного судопроизводства в современном нам уголовном процессе является *деятельность, связанная с уголовным преследованием* (ч.1 ст.37 УПК), которая своими корнями уходит вглубь российской истории.

Уголовное преследование широкая смысловая категория, предполагающая процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п.55 ст.5 УПК).

Еще на рубеже XIX-XX веков Н.В. Муравьев писал, что «прокуратура как судебное уголовное учреждение, облечена обвинительной властью, которая проявляется вообще в уголовном преследовании и, в частности, в обвинении на суде» [11].

Н.А. Буцковский, Н.В. Муравьев, И.Г. Щегловитов, а также другие видные деятели царской прокуратуры развивали это понятие как ключевое для теории организации и деятельности прокуратуры в условиях пореформенного процесса [4; 12 ;19].

В наши дни *функция уголовного преследования* осуществляется прокурорами через участие в рассмотрении дел судами (ст.ст. 37, 246, 237, 292, 317-6, 328 УПК и др.) включая обжалование противоречащих закону решений, приговоров, определений и постановлений судов (ст.ст. 389-12, 401-2, 412-1 УПК и др.). Осуществляя уголовное преследование, прокурор в суде выступает в качестве государственного обвинителя (ст.246 УПК).

Уголовно-процессуальная деятельность¹⁶ прокурора помимо уголовного преследования, включает в себя, осуществление *надзора процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия* (ст.37 ч.1 УПК).

Кроме того, уголовно-процессуальный характер носит *деятельность прокурора по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина* (ст.11 УПК), *надзору за исполнением законов органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания (при решении уголовно-процессуальных вопросов исполнения приговора* — ст.ст.400 ч.3, 401 УПК РФ), медицинскими организациями, оказывающими психиатрическую помощь в стационарных условиях (при производстве стационарной судебно-психиатрической

¹⁴ Прокуратура в России была создана по указу 12 января 1722 года в соответствии с Именным Высочайшим Указом Петра I Правительствующему Сенату.

¹⁵ *Механизм правового регулирования* - это организационное воздействие правовых средств, позволяющее в той или иной степени достигать поставленных целей, т.е. результативности, эффективности».

¹⁶ При характеристике участия прокурора в уголовном судопроизводстве как деятельности, включающей уголовное преследование, различные направления надзорной деятельности мы исходим из дефиниций, заложенных в УПК самим законодателем. Так определяя «уголовное преследование», законодатель использует слово «деятельность» п.55 ч.1 ст.5 УПК РФ.

экспертизы, при решении уголовно процессуальных вопросов применения принудительных мер медицинского характера ч.1 ст. 435, 441 УПК РФ и др.), рассмотрению ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (п.5-2, ч.2 ст.37, ст. 317-1 УПК РФ и др.) и некоторые другие.

Существует уголовно-процессуальный компонент надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу (Гл. 4 Закона о прокуратуре Российской Федерации), который проявляется при участии прокурора в разрешении вопросов о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора (п. 15 ст. 397 УПК РФ), рассмотрении судом ходатайств о рассрочке уплаты штрафа (ч. 2 ст. 398 УПК РФ) в порядке, установленном статьей 399 УПК РФ с учетом мнения прокурора и др.¹⁷.

В соответствии со ст.8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 30.09.2024) Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры *координируют деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью*. Уголовно-процессуальный компонент этой деятельности может проявляться в создании следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений, издании совместных приказов, указаний, подготовке информационных писем и иных организационно-распорядительных документов¹⁸.

Проблема нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности, в том числе участия прокурора по поддержанию обвинения в суде, была и остается актуальной, теоретически и практически значимой [18].

Этический аспект обвинительной деятельности прокурора в суде предстает в виде системы категорий, принципов и норм морально-нравственного характера, «используемых в законодательной трактовке соответствующих правовых положений, либо непосредственно выступающих в качестве составных их элементов, а также формулируемых в теоретико-правовых конструкциях, отражающих данное направление уголовно-процессуальной деятельности и практику ее осуществления» [3, с. 113-115].

Важнейшей задачей государственного обвинителя на этапе выступления с обвинительной речью, заключаются в том, чтобы осуществить «предупредительное (воспитательное) влияние на самого подсудимого (подсудимых), присутствующих в зале суда, всех лиц, которые слушают его выступление по радио или телевидению» [9, с. 104-108].

Указанные разнообразные направления уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры, позволяют считать гарантом *принципа нравственности* [2, с. 70-74]¹⁹ в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, нравственные (этические) основы участия прокурора в уголовном производстве проявляются во всем диапазоне обвинительной, надзорной, правозащитной, координационной деятельности. Соблюдение нравственно-этических стандартов –

¹⁷ Подробнее см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 N 21 (ред. от 18.12.2018) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

¹⁸ Указ Президента РФ от 18.04.1996 N 567 (ред. от 31.12.2019) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью».

¹⁹ Под *принципами нравственности* понимаются основные моральные законы, которые признают все этические учения.

неотъемлемая внутренняя составляющая участия прокурора в уголовном судопроизводстве²⁰.

Вместе с тем, вынуждены заметить, что несмотря на ведущую роль прокурора в обеспечении назначения уголовного судопроизводства (ст.6 УПК), гарантировании конституционных прав граждан, попавших в орбиту уголовного судопроизводства, решении им задач уголовного преследования, можно говорить о недостаточном учебно-методическом обеспечении соответствующего этой деятельности спектра знаний.

Изучение *нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве* в высшей школе сегодня осуществляется в рамках действующих федеральных стандартов в рамках дисциплин «Профессиональная этика», «Этика», «Судебная этика».

Не ставя под сомнение важность и необходимость существования названных дисциплин, предлагаем вернуться к опыту советского периода [10] и включить вопросы, связанные с углубленным изучением профессиональной этики прокурора в программу дисциплины «Уголовный процесс», поскольку упомянутые выше нравственные и этические требования к прокурору как участнику уголовного судопроизводства весьма обширны и специфичны, ибо охватывают характеристику нравственных основ надзорной деятельности, участия в судах, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и др., а социальный запрос на подготовку прокуроров с высокими моральными качествами, развитым чувством долга, справедливости и гуманности весьма высок.

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. Концепт - понятие - категория в свете современной лингвокогнитивистики // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Выпуск 7. С.5-12.
2. Баранецкий И.И., Мыськова Н.И. Современные тенденции развития технологий нравственного воспитания современные тенденции развития науки и технологий // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород. – 2016 – № 1-8. – С.70-74.
3. Боровков А.В., Улесов Н.И. Этические аспекты обвинительной речи в суде // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 18. – С.113-115.
4. Буцковский, Н.А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года : С портр. авт. / Соч. сенатора Н. Буцковского. – Санкт-Петербург: тип. Скарятина, 1874. – [6], VI, – 616 с.
5. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. – 271 с.
6. Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике // Ведомости НИИПЭ. Вып. 25: Общепрофессиональная этика /ред. В. И. Бакштановский, Н. Н. Карнаухов. – Тюмень, 2004. – С. 159.
7. Иванова Л. А. К понятиям «судебная этика» и «судейская этика»: история и современность// Сибирский юридический вестник. – №2 (69). 2015. – С. 59-62.
8. Кобликов А. С. Юридическая этика. Учебник для вузов. – М., Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1999. – 168 с.
9. Колоколов Е. А. Цели и задачи выступления государственного обвинителя в прениях // Интеграция науки, общества, производства и промышленности: сборник статей Международной научно-практической конференции, Казань, 2018. – С. 104–108.
10. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Алексеев В.Б., Алексеева Л.Б., Божьев В.П., Бойков А.Д., и др.; Под ред.: Бойкова А.Д., Карпеца И.И. – М.: Юрид. лит., 1989. – 640 с.
11. Муравьев П. В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора. Т. 1. СПб., 1900. С. 534.
12. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : Пособие для прокурор. службы / [Соч.] Н.В. Муравьева, прокурора Моск. судеб. палаты. Т. 1. - Москва : Унив. тип., 1889. – 1 т.; 26. Прокуратура на Западе и в России. - 1889. - [4], VIII, 552, II с.;
13. Назаров В. Н. Прикладная этика: учеб. - Москва : Гардарики, 2005. – 302 с.
14. Настольная книга судьи: (Рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции) / Ред. коллегия: А. Ф. Горкин [и др.] ; Верховный Суд СССР. Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. – Москва : Юрид. лит., 1972.— 741 с.

²⁰ Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации утверждён приказом Генпрокуратуры России от 17.03.2010 №114 (в редакции от 21.07.2023).

15. Пиголкин, А. С. Теория государства и права: учебник для вузов / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев ; под редакцией А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 516 с.
16. Проблемы судебной этики / Под ред. М. С. Строговича. — М. 1974, — С. 13.
17. Прокурорский надзор : краткий курс лекций / М. П. Поляков, А. В. Федулов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2014. — 171 с.
18. Скворцов К.Ф. Проблемы эффективности прокурорского надзора. — М., 1977. — 115 с.
19. Щегловитов, И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных уставов 20 ноября 1864 года / И.Г. Щегловитов. — Петроград : Т-во И.Д. Сытина, 1915. — 70 с.
20. Яковлев, Н. М. Морально-правственные качества прокурора государственного обвинителя (начало часть 1) / Н. М. Яковлев // Юридический факт. — 2019. — № 45. — С. 3-8.

Суюнова Дильбар Жолдасбаевна,
доктор юридических наук, профессор
кафедры «Уголовно-процессуальное право»
Ташкентского государственного юридического университета
(Ташкент, Узбекистан)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ НА СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

УДК 343.13(045)(575.1)

Аннотация. В статье проанализированы вопросы соблюдения сроков содержания под стражей лица при утверждении прокурором обвинительного заключения и передачи дела в суд. Автор подробно останавливается на таких важных моментах досудебного и судебного разбирательства, как избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, сроки такого заключения, законодательная регламентация вопросов продления сроков содержания под стражей. В ходе исследования установлено, что несмотря на достаточно строгое регламентирование содержания под стражей лица на досудебной стадии, нахождение его под стражей в период передачи уголовного дела в суд, назначения дела к судебному разбирательству, рассмотрения дела в установленные законом сроки, а иногда и свыше указанных сроков, не обеспечивает реальное право на свободу лиц, в отношении которых уголовное дело рассматривается в суде. Выводы автора изложены касательно вопросов длительности нахождения под стражей лица, в отношении которого дело назначено к слушанию, предлагаются конкретные эффективные меры для решения назревших проблем в судебно-следственной практике в целях гарантирования прав и свобод человека. Автор считает, что следует указать в законе нормы, которые урегулировали бы некоторые проблемы, связанные с нахождением лица под стражей в ходе подготовки дела к судебному разбирательству и рассмотрению его в суде.

Ключевые слова: права человека, суд, санкция на арест, продление сроков содержания под стражей, прокурор, судебный контроль.

Abstract. The article analyzes the issues of the terms of detention of a person when the prosecutor approves the indictment and the transfer of the case to the court. The author dwells in detail on such important points of pre-trial and judicial proceedings as the election of a preventive measure in the form of detention, the terms of such detention, legislative regulation of the issues of extending the terms of detention. The study found that despite the fairly strict regulation of the detention of a person at the pre-trial stage, his detention during the transfer of a criminal case to court, the appointment of the case to trial, the consideration of the case within the time limits established by law, and sometimes above the specified time limits, does not provide a real right to freedom of persons, in particular in respect of which a criminal case is being considered in court. The author's conclusions are set out regarding the issues of the duration of detention of the person in respect of whom the case is scheduled for hearing, concrete effective measures are proposed to solve urgent problems in judicial and investigative practice in order to guarantee human rights and freedoms. It is necessary to specify in the law the norms that would regulate some of the problems associated with the detention of a person during the preparation of a case for trial and its consideration in court.

Keywords: human rights, court, arrest warrant, extension of detention, prosecutor, judicial control.

Введение

С принятием новой редакции Конституции Республики Узбекистан вопросы, связанные с ограничением прав и свобод граждан и в первую очередь с применением меры пресечения в виде заключения под стражу, привлекают всё большее внимание учёных-юристов и практических работников. Обновлённая Конституция ещё раз доказала приверженность государства к безусловному обеспечению законности, справедливости, гарантий прав и интересов граждан.

Безусловно, основной задачей проводимых реформ является создание необходимых условий для благополучной жизни граждан посредством построения демократического общества, нацеленного на обеспечение прав и свобод человека. В целях реализации принципа «Новый Узбекистан - социальное государство», который предложил Президент Ш.М.Мирзиёев, в обновленной Конституции разработаны нормы, которые в первую очередь будут служить дальнейшему расширению конституционных прав граждан нашей страны.

Анализ положений процессуального закона, касающихся меры пресечения в виде заключения под стражу и научных подходов по этим вопросам свидетельствует о наличии отдельных правовых проблем в этой области процессуального закона, возникающих преимущественно на стадии судебного разбирательства.

Материалы и методы

При анализе проблем избрания мер пресечения в стадии судебного разбирательства использованы исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы научного познания.

Результаты исследований

Всем известно, что реализация основных положений института «Хабеас корпус» закрепила в отечественном процессуальном законодательстве нормы, гарантирующие лицу судебную защиту при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Согласно изменениям, внесённым в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (далее – УПК), с 2008 года судам передано право выдачи санкции на заключение под стражу, что явилось одним из важнейших факторов обеспечения защиты прав человека. С этого момента процессуальный механизм применения данной меры пресечения фундаментально изменился в пользу граждан, теперь для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу прокурор обязан обращаться с ходатайством в суд в установленные законом сроки [1, 34], а суд в свою очередь решает вопрос об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении внесённого прокурором ходатайства.

Важным аспектом новых положений закона, касающихся передачи судам право выдачи санкции на заключение под стражу, являются беспрецедентные сроки, установленные для решения вопроса о заключении по стражу лица. Так, прокурор обязан не позднее чем за восемь часов до истечения срока задержания лица предоставить в суд ходатайство и материалы об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 243 УПК), а суд должен рассмотреть это ходатайство в течение восьми часов с момента поступления материала, но не позднее предельных сроков задержания, предусмотренных частью первой статьи 226 УПК. Категоричные сроки установлены законом и для продления срока содержания под стражей. Так, согласно статье 247 УПК не менее чем за шесть суток до истечения установленного срока содержания обвиняемого под стражей прокурор выносит постановление о возбуждении ходатайства о продлении срока содержания под стражей, которое направляется в суд. Такое ходатайство рассматривается судом в течение 72 часов с момента поступления материалов. Как видно законодатель довольно отчётливо подчеркнул значимость ценнейшего состояния человека – свободы, установив предельные границы времени для его содержания под стражей.

В соответствии со статьёй 245 УПК срок содержания под стражей²¹ при расследовании преступлений составляет не более трёх месяцев, продление этого срока допускается максимально до семи месяцев, если предварительное следствие не закончено и при отсутствии оснований для изменения указанной меры пресечения. Дальнейшее продление срока не допускается. Исключение составляет истечение предельного срока пребывания под стражей лица, выданного Республике Узбекистан иностранным государством. В таком

²¹ Здесь и далее не указывается словосочетание «или домашнего ареста», которое имеется в данной норме, поскольку в настоящей статье основным предметом обсуждения является мера пресечения именно в виде заключения под стражу.

случае суд по ходатайству Генерального прокурора Республики Узбекистан или его заместителей вправе установить дополнительный срок содержания под стражей, но не более трёх месяцев с момента помещения лица в изолятор временного содержания на территории Республики Узбекистан.

Следует отметить, что предусмотренные законом сроки содержания под стражей (ст. 245 УПК) приравнены к общим срокам предварительного следствия (ст. 351 УПК) с той лишь разницей, которая предопределяет месячный срок при возвращении дела для производства дополнительного расследования. По смыслу указанной нормы (ч. 8 ст. 351 УПК) можно предположить, к примеру, что, если уголовное дело после продления Генеральным прокурором до семи месяцев срока предварительного следствия возвращено прокурором для производства дополнительного расследования, у следователя есть ещё один (восьмой!) месяц для предварительного следствия. Однако в статье 245 УПК какие-либо положения по продлению срока содержания лица под стражей при указанных обстоятельствах не регламентированы. Из изложенного следует, что в данном случае, окончательный восьмой месяц предварительного следствия будет производиться после изменения меры пресечения в виде содержания под стражей на другую меру пресечения.

После составления и подписания обвинительного заключения уголовное дело направляется прокурору, который обязан в срок не более пяти суток рассмотреть уголовное дело и принять соответствующее решение (ст. 385 УПК). Если обратиться к вышеуказанному примеру касательно предельного семимесячного срока предварительного следствия, возникает вопрос: имеется ли правовое основание задержания лица под стражей ещё на пять суток при изучении уголовного дела прокурором? Есть ли законодательная регламентация продления максимального срока содержания под стражей на данном этапе? Очевидно, решение данного вопроса следует отнести к компетенции прокурора, который в соответствии со статьёй 386 УПК вправе своим постановлением отменить, изменить или избрать иную меру пресечения, если она ранее не была избрана. Также полагаемся на рациональное мышление сотрудников следственных органов, которые, по всей вероятности, заблаговременно направят уголовное дело прокурору для утверждения обвинительного заключения.

Последующее движение уголовного дела представляет особый интерес с точки зрения соблюдения прав человека на его свободу. Всем известно, что после «утверждения обвинительного заключения дело направляется в суд по правилам подсудности», однако законом не установлена продолжительность времени, в течение которого дело должно быть доставлено к месту назначения и, соответственно, отсутствует законодательная регламентация правового положения лица, находящегося под стражей. Принимая во внимание требования статьи 388 УПК о неотложных мероприятиях, связанных с направлением дела в суд, по нашему мнению, следовало бы установить конкретные сроки уведомления об этом участников процесса как со стороны прокуратуры, так и со стороны администрации места содержания под стражей.

Полагаем, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу возлагает ответственность на органы предварительного следствия на данном этапе по *своевременному* оформлению необходимых процессуальных документов и сведений для передачи дела в суд в целях соблюдения процессуальных сроков содержания под стражей. По смыслу процессуального закона и исходя из содержания статьи 33 УПК, на этой стадии особая роль отводится прокурору, который осуществляет надзор за исполнением законов в ходе дознания и предварительного следствия.

Как известно, дальше уголовное дело поступает в распоряжение суда, где обсуждение вопроса о правильности избранной меры пресечения в виде заключения под стражу регламентировано лишь статьёй 397 УПК касательно определения о назначении уголовного дела к судебному разбирательству. Но установленные в статьях 405-405¹ УПК сроки судебного разбирательства касаются уголовного дела, в котором не возникает проблем по

таким вопросам, как подсудность, объединение нескольких уголовных дел, наличие недостатков технического характера, влекущих передачу дела прокурору и др.

На практике решение вопроса о длительности лица, содержащегося под стражей, при появлении названных задач решается по-разному, поскольку законодатель конкретно не прописал, на какой орган возлагаются полномочия по продлению срока содержания под стражей лица, чьё дело находится в производстве *суда первой инстанции*. Более того, не урегулированы вопросы, когда судья на стадии подготовки дела к судебному разбирательству внезапно заболел тяжёлой болезнью, либо истекли сроки его полномочий в качестве судьи данного суда. Естественно, при таких обстоятельствах (без каких-либо обосновывающих процессуальных оснований) дело передаётся другому судье, для которого сроки, установленные в статьях 405-405¹ УПК исчисляются *заново*. Однако длительность содержания лица под стражей в такой ситуации никем не контролируется.

Заранее хотелось бы высказать мнение на некоторые суждения относительно того, что суд при постановлении приговора засчитывает время пребывания под стражей в счёт назначенного наказания либо осуществляет перерасчёт отбытого срока под стражей на основании статьи 62 Уголовного кодекса Республики Узбекистан (далее – УК) и это обстоятельство решает все вопросы, связанные с нахождением лица под стражей в ходе судебного разбирательства. Отнюдь нет! В 2005–2008 годы мы проделали большую работу, что обеспечить имплементацию института «Хабеас корпус», достигли того, что *судебный контроль* на стадии досудебного производства [2, 91], законодательная почасовая, весьма конкретная, регламентация механизма предоставления судом санкции на арест и продления срока содержания под стражей в достаточной мере контролирует деятельность органов следствия и прокурора по обеспечению конституционных гарантий граждан на свободу [3, 11].

Но получается, как только состоялась передача дела в суд, такой контроль сходит на нет, заключённый под стражу человек может находиться без соответствующей судебной санкции продолжительное время (иногда многие месяцы) [4, 11] пока решаются такие вопросы, к примеру, как подсудность уголовного дела, объединение нескольких дел, передача дела в другой по территориальности суд, болезнь судьи либо прекращение его должностных полномочий. Уместно отметить, что решение о мере пресечения подсудимого при назначении уголовного дела к судебному разбирательству не является *правовым основанием* его задержания, поскольку оно выносится *единолично* судьёй без участия подсудимого и сторон по уголовному делу. Полагаем, вопрос о нахождении лица под стражей при назначении дела к судебному разбирательству необходимо решать после «исследования представленных сторонами обвинения и защиты доказательств» [5 65], подтверждающих наличие или отсутствие необходимых аргументов для применения данной меры пресечения [6, 32], а это значит с *обязательным участием* стороны обвинения и защиты.

Анализ результатов исследования

Можно сделать вывод о том, что несовершенство правового регулирования длительности содержания под стражей лица в стадии подготовки дела к судебному разбирательству, отсутствие контроля по обеспечению конституционных прав и гарантий свободы **подсудимых**, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу в досудебной стадии, в некоторой степени не гарантируют предоставленные Конституцией права и свободы гражданина.

Исследование судебной практики показывает, что судьи по-разному относятся к такому диссонансу. В качестве примера приведём уголовное дело в отношении А.Д., возбуждённого 20 июля n-го года по признакам преступления, предусмотренного пунктом «а» части третьей статьи 168 УК. В ходе предварительного следствия обвиняемой А.Д. 1 августа судом применена мера пресечения в виде заключения под стражу, после утверждения обвинительного заключения 10 сентября дело передано в суд, на основании статьи 397 УПК

судья определением от 15 сентября о назначении дела к судебному разбирательству оставил указанную меру пресечения без изменения.

Позже, 25 сентября, судья по данному делу, не успевший начать судебное разбирательство, получил назначение в вышестоящий суд, и уголовное дело передано другому судье, который лишь 12 октября вынес определение о назначении уголовного дела к слушанию и об оставлении раннее избранной меры пресечения без изменения. Но в назначенный день, 20 октября, судебное заседание не состоялось ввиду болезни судьи.

Впоследствии, лишь 15 ноября, уголовное дело передано в другой по территориальности суд, где судебное заседание было назначено на 25 ноября. Однако по заявленному потерпевшими отводу рассмотрение уголовного дела вновь было отложено, а вопрос отвода решался вышестоящим судом. Окончательно уголовное дело поступило на рассмотрение очередному судье, который назначил судебное разбирательство на 18 декабря. Судебное разбирательство продолжалось около двух месяцев, приговор по уголовному делу состоялся 16 февраля нового года, подсудимой А.Д. ввиду погашения ущерба суд применил наказание, не связанное с лишением свободы²².

Анализ продолжительности пребывания подсудимой А.Д. под стражей с 1 августа до 16 февраля, в течение 6,5 месяца, показывает, что, несмотря на вынесенные судом определения о назначении дела к слушанию и зачёт времени содержания под стражей при назначении окончательного наказания, официально мера пресечения в виде заключения под стражу не была продлена судом с участием сторон, поскольку длительность нахождения А.Д. под стражей никем не контролировалась, а определения о назначении дела к судебному разбирательству, где якобы решался вопрос о мере пресечения, выносились без участия подсудимой, её защитника и прокурора. Указанные обстоятельства явились следствием фактического увеличения срока действия меры пресечения, избранной в ходе досудебного производства сверх установленного законом для конкретного лица. Однако следует особо подчеркнуть, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе предварительного следствия, которое осуществляется под строгим судебным контролем, не даёт правовых оснований суду задерживать лицо помимо установленных законных сроков при назначении дела к слушанию.

Интересна, на наш взгляд, практика некоторых зарубежных стран по обсуждаемому вопросу.

В Австрии заключение под стражу и продление срока содержания санкционирует следственный судья («судебный контроль») [7,32]. Он обязан рассматривать вопрос о продлении срока предварительного заключения через первые две недели, далее через месяц, а потом через каждые два месяца после ареста. Занимательно, что продолжительность нахождения лица под стражей контролируется и в случае передачи дела в суд [8, 67].

В Италии вопрос о продлении сверх установленных законом сроков содержания под стражей рассматривают специальные коллегии судей («трибуналы свободы») [9, 211].

В Польше суммарное время применения заключения под стражу до момента вынесения приговора судом первой инстанции не должно превышать двух лет, куда входит срок содержания под стражей во время следствия [10, 87].

В США арест санкционирует суд, каждые две недели прокурор подаёт в суд отчёт о лицах, содержащихся под стражей более десяти (!) дней, с объяснением причин задержки сроков (Акт о скором суде 1974 г.) [11, 91].

Во Франции продление следственным судьёй срока содержания под стражей производится специальным мотивированным постановлением следственного судьи, а также на основании требования прокурора республики [12, 121].

Выводы

Высказанное позволяет сделать следующие выводы.

²² Архив суда Ташкентской области.

Полагаем, сложившаяся судебная практика по вопросу избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на судебной стадии рассмотрения уголовного дела указывает на необходимость более широкого использования созданного института предварительного слушания [13, 52], а потому требует соответствующей законодательной регламентации.

Институт предварительного слушания более детально бы регулировал процессуальный порядок рассмотрения вопроса об избрании, продлении, изменении меры пресечения. Следует, как нам видится, в перечень оснований для проведения предварительного слушания (статья 405³ УПК) внести вопрос о мере пресечения, рассмотрение которого на основании статьи 405⁶ УПК будет осуществляться с участием сторон. При такой регламентации судебный контроль по обеспечению конституционных прав и свобод граждан, безусловно, будет гарантирован [13, 31].

Обновлённая Конституция предоставляет гражданам нашей страны обеспечение прав на свободу, является основополагающим стержнем соблюдения законности. Несомненно, это свидетельствует о повышенном внимании к этим острым вопросам не только правоохранительных органов, но и всех ветвей власти и общества нашего государства.

Настоящее исследование показало, что необходимо принять более эффективные меры, чтобы коренным образом изменить сложившуюся практику, касающуюся длительности содержания лица под стражей на стадии утверждения обвинительного заключения и передачи дела в суд, а также подготовки уголовного дела к судебному разбирательству.

Литература

1. Караваев И. В. Задержание и заключение под стражу: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 3. — С. 145—153. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.145-153. [1. Karavaev I. V. Detention and detention: comparative legal analysis // Actual problems of Russian law]
2. Joldasbaevna, S. D. (2022). REPEATED CRIMES: LEGAL ASPECTS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY. *World Bulletin of Management and Law*, 17, 80-83.
3. Седелников, П.В., Коробков, Э.Е. & Бескембиров, Р.А. (2019) Полномочия прокурора по обращению в суд с ходатайством о продлении срока избранной в отношении обвиняемого меры пресечения Законность. 1. С. 49–53. [3. Sedelnikov, P.V., Korobkov, E.E. & Beskembirova, R.A. (2019) The powers of the prosecutor to apply to the court with a petition to extend the term of the preventive measure chosen against the accused].
4. Saab, A. (2007). The Nullity of the Criminal Judgment. *Al Halabi Rights Publications, Beirut*, 297.
5. Ретюнских И. А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2016. — № 1. — С. 18—21. [5. Retyunskikh I. A. On the grounds of detention of a person suspected of committing a crime // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.]
6. Шестак В. А. О совершенствовании процессуальных норм, регламентирующих сроки содержания под стражей и порядок их продления // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2018. — № 1 (36). — С. 114—117. [9. Shestak V. A. On the improvement of procedural norms regulating the terms of detention and the procedure for their extension // Library of Criminalist. Scientific journal]
7. Amal Abuanzeh. The rationale for detention in the Jordanian Code of criminal procedure: A comparative study with French law. *Volume 8, Issue 10, October 2022*, e11164.
8. Moa Lidén. Emotions and Cognition in International Criminal Justice: An Exploration from Cognitive Biases to Emotional Intelligence. *Forensic Science International: Mind and Law. Volume 1, November 2020*, 100037
9. Ebrahim J. Kermani M.D. The U.S. Supreme Court on victimized children: The constitutional rights of the defendant versus the best interests of the child. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. Volume 30, Issue 5, September 1991*, Pages 839-844
10. Using social network analysis to study crime: Navigating the challenges of criminal justice records David Bright a, *, Russell Brewer, Carlo Morselli *Social Networks. Volume 66, July 2021*, Pages 50-64
11. Базарова, Д. (2023). Предубеждение и его влияние на исход уголовного дела: опыт США. Современные проблемы развития уголовно-процессуального права, 1(1), 28–35. извлечено от <https://inlibrary.uz/index.php/criminal-procedure-law/article/view/17146> [Bazarova, D. (2023). Prejudice and its impact on the outcome of a criminal case: the US experience. *Modern problems of the development of criminal procedure law*,]
12. Samuel J. Spiegel. Climate injustice, criminalisation of land protection and anti-colonial solidarity: Courtroom ethnography in an age of fossil fuel violence Author links open overlay panel. *Political Geography. Volume 84, January 2021*, 102298

Тайжанова Екатерина Ерлановна
УО «Alikhan Bokeikhan University»,
магистр права
(г. Семей, Республика Казахстан)

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343.13

Аннотация: в данной статье рассматривается роль искусственного интеллекта и информационных технологий в оптимизации процесса досудебного расследования. Проведен анализ применения искусственного интеллекта и информационных технологий для автоматизации сбора и анализа доказательств. Также рассмотрены вызовы и перспективы применения данных технологий в контексте соблюдения законодательства и защиты приватности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные технологии, закон, досудебное расследование.

Abstract: This article examines the role of artificial intelligence and information technology in optimizing the pre-trial investigation process. It analyses the use of artificial intelligence and information technology to automate the collection and analysis of evidence. It also examines the challenges and prospects for the application of these technologies in the context of law enforcement and privacy protection.

Keywords: artificial intelligence, information technology, law, pre-trial investigation.

Искусственный интеллект – создаваемое с помощью группы смежных технологий программное обеспечение, функционирующее нелинейно, способное к обучению, ограниченному пониманию причинности и выполнению задач интеллектуального, эвристического характера с возможностью обучения, корректировки и уточнения за счет опыта принимаемых решений. Таким образом, в рамках настоящего исследования мы бы будем анализировать только этико-правовые аспекты функционирования интеллектуальных систем, способных к обучению и ситуативной обработке информации, что исключает как традиционные программные комплексы, так и экспертные системы.

Технологии искусственного интеллекта сегодня внедряются почти повсеместно. Автоматизация функционирования любого бизнеса, государственного органа, производственной или торговой структуры, логистики, образовательного и медицинского учреждения и одного человека – все это сферы применения искусственного интеллекта.

Переход от традиционной индустриальной эпохи в эпоху информационных технологий стал закономерным последствием повсеместного оцифрования человеческой жизнедеятельности и тотальной информатизации, и компьютеризации общественных отношений. Указанная тенденция коснулась и криминальной сферы. Значительная часть совершаемых правонарушений прямо или косвенно основывается, как бы несообразно это звучало, на последних разработках науки и техники. На этом фоне остается крайне низкими основные показатели деятельности субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Учитывая сложность противодействия уголовным правонарушениям, совершаемым с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, надеется на ошибки или некомпетентность криминала просто неразумно. Необходима качественно новая система интеллектуального обеспечения оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуальной деятельности, в том числе основанная на возможностях искусственного интеллекта [1].

Значительное число теоретиков и практиков признают перспективность исследования вопроса, связанного с использованием искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Такая необходимость связана не только с развитием цифровых

технологий в различных сферах жизнедеятельности общества, но и со значительным ростом уголовных правонарушений, совершаемых в интернет-пространстве.

Научно-технический прогресс внедряется в жизнь общества «семимильными» шагами. События, связанные с пандемией COVID-19, ускорили процессы развития все новых и новых технологий и соответственно, освоения этих технологий людьми.

Одновременно с ростом информационных технологий в обществе растут темпы преступности, которая совершается посредством интернет-пространства.

На государственном уровне внедрению информационных технологий и развитию искусственного интеллекта уделяется огромное внимание.

Принято считать, что понятие «искусственный интеллект» было впервые сформулировано американским ученым Джоном Маккарти, который является компьютерщиком и ученым-когнитивистом. Он впервые употребил данное понятие в докладе на конференции в Дартмутском университете (штат Нью-Гемпшир, США) в 1956 г. в котором речь шла о технологии создания «интеллектуальных» машин, в частности «интеллектуальных» компьютерных программ [2].

Технологии искусственного интеллекта все чаще используются правоохранительными органами. Наиболее распространённым способом является их применение для охраны общественного порядка. Эффективное обеспечение прав и свобод граждан в информационном обществе невозможно без применения информационных технологий и искусственного интеллекта, которые могут создать комфортную цифровую среду для лиц, пострадавших от уголовных правонарушений, а также незаинтересованных участников процесса, что повысит эффективность досудебных процедур, и увеличит доверие граждан к органам расследования.

Искусственный интеллект и информационные технологии активно применяются в досудебных расследованиях. Алгоритмы машинного обучения могут анализировать большие объемы данных для выявления закономерностей и связей в уголовных делах.

Технологии распознавания лиц и голоса помогают идентифицировать подозреваемых. Анализ текстов и данных из социальных сетей может служить источником важной информации для следствия. Эти инструменты существенно улучшают эффективность расследования и помогают сократить время, необходимое для поиска улик и свидетельств.

Применение искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности широко используется в Соединенных Штатах Америки. При этом, алгоритмом поручаются не только вспомогательные функции, но и принятие юридически значимых решений. Повсеместной практикой является применение алгоритмов для определения возможности повторного совершения уголовного правонарушения. На основании выводов искусственного интеллекта судья назначает более строгое наказание, избирает меру пресечения, связанную с лишением свободы, определяет возможность освобождения под залог [3].

Программа учитывает все возможные статистические факторы, информацию о которых можно получить из дела, и помогает определить, может ли обвиняемый скрыться от суда и представляет ли он опасность для общества. Алгоритм рассматривает 49 характеристик совершенного правонарушения (например, связанных с оружием), и 15 характеристик обвиняемого (например, пол, возраст, предыдущие аресты). Считается, что применение компьютерного алгоритма существенно повышает объективность применяемого решения и исключает человеческую предвзятость [4].

Искусственный интеллект применяется в различных аспектах досудебных расследований. Например, алгоритмы машинного обучения используются для анализа текстовых данных, выявления образцов мошенничества или даже прогнозирования возможных преступлений на основе статистических данных.

Также существуют системы компьютерного зрения, способные анализировать видеозаписи для распознавания лиц или иных ключевых элементов. Технологии анализа больших данных помогают выявлять закономерности и связи между различными событиями.

Эти примеры демонстрируют, как искусственный интеллект может облегчать и ускорять процессы досудебного расследования.

Без преувеличения можно утверждать, что искусственный интеллект вносит радикальные изменения в технологические области, где его внедряют для автоматизации системы, а также повышения ее эффективности и производительности. Достижения данной информационной технологии активно используются в том числе и правоохранными органами в целях предотвращения, раскрытия и расследования уголовных правонарушений.

В отношении криминалистического использования искусственного интеллекта в целях расследования уголовных правонарушений нужно подчеркнуть следующее: сферы применения искусственного интеллекта в алгоритме расследования уголовных правонарушений многообразны: от применения машинного интеллекта для авто заполнения процессуальных документов до прогнозирования криминалистически важных данных и выдвижения наиболее вероятных версий по делу. С определенностью можно сказать, что внедрение искусственного интеллекта способствует обеспечению более качественной и эффективной судебно-экспертной, следственной и оперативно-розыскной деятельности.

Информационные технологии ближайшего будущего будут характеризоваться новыми методиками, что приведет к развитию новых знаний в производственных процессах и социальной сфере.

В.Н. Синельникова и О.В. Ревинский отмечают, что «с точки зрения права искусственный интеллект представляет собой компьютерную программу, человеком и способную формировать новые сведения (информацию) или объективно выраженные результаты своей деятельности в силу заложенных в нее команд» [5].

А.В. Малышкин, указывает на то, что главным признаком является «способность его автономной работы и обмена данными с окружающей средой» [6].

Таким образом, можно сказать, что искусственный интеллект – это определенная компьютерная программа, размещенная в вычислительной системе и адаптированная под обстоятельства окружающей среды, которая способна имитировать интеллектуальную деятельность человека.

С учетом, того что многие уголовные правонарушения совершаются с использованием различных технических устройств, т.е. персональных компьютеров, сотовых телефонов, планшетов, социальных сетей и мессенджеров, а также преступные действия могут быть зафиксированы на различных видеокамерах, следовательно в рамках расследования уголовного дела должен процессуально грамотно зафиксировать информацию в ходе следственного действия, а в дальнейшем ее оценить с точки зрения относимости, допустимости и достаточности. Многочисленные «электронные документы» в виде электронных писем и сообщений, «скриншоты», абонентские соединения, видеозаписи и иная информация, зафиксированная на специальных носителях, давно приобщаются к материалам уголовных дел.

Криминалистический аспект применения информационных технологий может быть разноплановым. Он может касаться как ориентирующей информации и специфических учетов, так и частных криминалистических методик. Учеты и базы данных, созданные при помощи искусственного интеллекта, позволили бы в короткие сроки получить интересующие следственные данные в отношении участников уголовного судопроизводства, например, принадлежность и регистрация транспортного средства, принадлежность собственности и кадастрового номера, фиксация выезда за пределы области (края), за границу на железнодорожном или авиатранспорте и т.д. эта информация наполнена и хранится в соответствующих базах организации и учреждений, однако она не доступна для следователя. Следовательно может получить ее только путем истребования по письменному запросу.

Наряду с развитием тех направлений, которые нами были изложены требует разрешения проблема обеспеченности техническими возможностями и кадровым потенциалом. Для качественного функционирования компьютерных систем, обеспечивающих деятельность следственных подразделений, потребуются

функционирование различных агрегатов, программ и штат персонала (программисты, техники, аналитики), что неизбежно приведет к колоссальным денежным затратам.

Важным вопросом, требующим обязательного разрешения, является безопасность информационных систем. Они напрямую связаны с личными персональными данными граждан, различной служебной информацией и следственной тайной. Соответственно, законодателем и практиком, прибегая к созданию таких мощных информационных систем в правоохранительной деятельности, необходимо в первую очередь обезопасить систему от «утечки» информации [7].

Искусственный интеллект имеет большие возможности для улучшения судебной и правоохранительной деятельности.

Благодаря использованию искусственного интеллекта ускоряется процесс расследования уголовных правонарушений, повышается прозрачность работы судов. Но есть и риски: искусственный интеллект создает новую реальность, в которой данными могут воспользоваться третьи лица.

В Казахстане есть единое электронное окно доступа ко всем судебным услугам. Можно с любого гаджета через мобильное приложение направить в суды более ста электронных обращений. Существует возможность удаленно увидеть регистрацию по нему, узнать статус и получить судебный акт.

Перед современной юриспруденцией, ее отраслями, особенно ориентированными на прикладное использование, всегда стояла задача совершенствования применяемого инструментария, адаптации и развития возможностей для повышения эффективности в постоянно изменяющемся мире. Современная действительность в результате нарастания темпов научно-технического процесса меняется очень быстро, в силу этого перед юристами стоит задача изучения и внедрения новых технологий [8].

Использование искусственного интеллекта и информационных технологий в ходе досудебного расследования имеет потенциал значительно улучшить эффективность и точность процесса. Анализ данных с использованием алгоритмов машинного обучения может помочь выявить скрытые закономерности и связи, ускоряя процесс сбора и анализа доказательств. Технологии компьютерного зрения и обработки изображений могут быть использованы для анализа видео- и фотоматериалов, а также для распознавания лиц и объектов. Это позволяет быстрее и точнее идентифицировать улики и потенциальных подозреваемых. Однако важно помнить о необходимости соблюдения принципов приватности и этичности при использовании подобных технологий, а также о том, что конечное решение всегда принимает человек, а не машина.

Литература

1. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? / Библиотека криминалиста. Научный журнал, 2018. № 3(38).
2. Палиева О.Н., Семенцова И.А. Использование искусственного интеллекта и информационных технологий в ходе расследования уголовных дел // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2021. №2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-i-informatsionnyh-tehnologiy-v-hode-rassledovaniya-ugolovnyh-del> (дата обращения: 03.01.2024).
3. Овчинникова О. В. Перспективы применения искусственного интеллекта в досудебном производстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. №1 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-dosudebno-proizvodstve> (дата обращения: 09.04.2024).
4. Антинуччи М. Этическая хартия ЕС по использованию технологий искусственного интеллекта в судебной системе и законодательство, регулирующее блокчейн, как «тройной конь» борьбы с контрафакцией в глобальной перспективе. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020;(2):36-42. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.66.2.036-042>
5. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности. 2017. № 4. С. 17-27.
6. Малышкин А.В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2019. №3. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/integrirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-obschestvennyu-zhizn-nekotorye-eticheskie-i-pravovye-problemy> (дата обращения: 09.04.2024).

7. Искусственный интеллект: риски и преимущества // электронный ресурс// <https://kazpravda.kz/n/iskusstvennyy-intellekt-riski-i-preimushchestva/> (дата обращения 09.04.2024 г.)

8. Степаненко Д.А., Бахтеев Д.В., Евстратова Ю.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistem-iskusstvennogo-intellekta-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 09.04.2024).

Тайжанова Екатерина Ерлановна

УО «Alikhan Bokeikhan University»,

магистр права

(г. Семей, Республика Казахстан)

Султанова Виктория Ринатовна

УО «Alikhan Bokeikhan University»,

магистр юридических наук

(г. Семей, Республика Казахстан)

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ

УДК 343.11

Аннотация: в данной научной статье исследуются тенденции развития судебной власти в Республике Казахстан с учетом критериев эффективности. Проводится анализ существующих изменений в системе судопроизводства, с учетом влияния различных факторов, таких как законодательные изменения, институциональные реформы и общественные требования. Также обсуждаются вызовы, с которыми сталкивается судебная система при стремлении к повышению эффективности и качества правосудия.

Ключевые слова: судебная система, модернизация, судебная власть, правовое государство.

Abstract: This article examines the trends in the development of the judiciary in the Republic of Kazakhstan, taking into account the criteria of efficiency. It analyses the existing changes in the judicial system, taking into account the impact of various factors such as legislative changes, institutional reforms and public demands. It also discusses the challenges faced by the judiciary in its endeavor to improve the efficiency and quality of justice.

Keywords: judicial system, modernization, judiciary, rule of law.

Судебная власть играет ключевую роль в обеспечении справедливости и законности в любом обществе. За последние годы в Республике Казахстан активно развивается судебная система, стремясь к повышению ее эффективности и независимости. В контексте критериев эффективности судебной системы, таких как доступность, прозрачность, справедливость и профессионализм, этот процесс принимает особое значение. Нами рассмотрены текущие тенденции развития судебной власти в Республике Казахстан и их соответствие указанным критериям, а также выявлены вызовы и перспективы на будущее.

Сильная и независимая судебная власть играет не маловажную роль в построение правового государства, где надежно гарантированы права человека и гражданина, обеспечено верховенство закона, устойчиво функционируют основные демократические институты.

С принятием 16 декабря 1991 года Конституционного закона «О государственной независимости» в нашей стране началось преобразование во многих сферах, в том числе и в сфере правосудия. На основании закона «О государственной независимости» государственная власть в Республике Казахстан стала осуществляться на основе принципа разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Позже эти принципы были закреплены в Конституции Республики 1993 года, утвердившей основные пути организации деятельности судебной власти.

Принятие Конституции Республики Казахстан 1995 года и Указа Президента, имеющего силу конституционного закона «О судах и статусе судей в Республике Казахстан» стало своеобразной точкой отсчета послужившей преобразованиям в судебной сфере. Были

введены принципиально новые положения о правосудии как непосредственной форме осуществления судами государственной власти, независимости судебных органов от законодательных и исполнительных структур. Закон изменил социальную сущность судов, помимо функционального характера. Согласно данному закону впервые был введен термин – «Судебная власть».

Логическим завершением первого этапа преобразований в судебной системе стало принятие в декабре 2000 года Конституционного закона «О судебной системе и статусе судей РК», в котором заложены принципиально новые нормы, определяющие основные элементы судоустройства и порядок работы судов республики [1].

Из этого последовало, что многолетние дискуссии о разделении функций исполнительной и судебной власти, были урегулированы на законодательном уровне. В названном Законе было впервые закреплено положение о применении всеми судами действующего права РК, что открыло новые горизонты право применения в судебной практике с вовлечением в его орбиту таких институтов как уровень правовой ментальности общества, правовые обычаи и спектр морально-правовых понятий.

За годы государственной независимости в республике осуществлена судебно-правовая реформа, главным завоеванием которой стало правосудие, в основном отвечающее требованиям правового государства. Решены базовые вопросы независимости судей. Обеспечены гарантии самостоятельности судов, сформированы органы судейского сообщества.

В последние годы Казахстан проводит стратегические реформы в судебной системе, включая улучшение законодательства, модернизацию инфраструктуры судов и повышение квалификации судей. С целью повышения эффективности и доступности юстиций в стране активно внедряются цифровые технологии, такие как электронное делопроизводство и онлайн-сервисы для граждан. Казахстан предпринимает шаги для укрепления независимости судебной власти, в том числе процедур назначения и карьерного роста судей, а также защиты их от внешнего влияния.

В настоящее время в Казахстане действует единая судебная система, которую составляет Верховный суд и местные суды. К местным судам относятся областные и приравненные к ним суды, а также районные и приравненные к ним суды. В республике могут создаваться специализированные суды (военные, экономические, административные, по делам несовершеннолетних, по рассмотрению уголовных дел и другие).

Верховный суд является высшим судебным органом по гражданским, уголовным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

В целях продолжения работы по обеспечению максимальной открытости и доступности судебной информации для общественности на Web-сайте Верховного Суда размещаются судебные акты за исключением дел, рассмотренных в закрытых заседаниях, составляющих государственную, служебную, коммерческую и банковскую тайну.

Электронный архив на сегодняшний день насчитывает более 110 тысяч судебных актов и в будущем станет одной из составляющих единой автоматизированной информационно-аналитической системы судебных органов. Это уникальный ресурс, вобравший в себя решения по наиболее сложным вопросам материального и процессуального права, доступ к которому имеют не только судьи, но и любой потенциальный пользователь Интернета. А оперативному доступу местных судов к судебной практике вышестоящих инстанций будет реально способствовать проводимая сегодня компьютеризация судов республики, введение современных информационных технологий.

Соблюдению принципа максимальной открытости и прозрачности судебного процесса и принимаемых решений способствуют меры по повсеместному установлению в судах автоматизированного распределения дел, внедрению электронного делопроизводства, непрерывной аудиозаписи, введена система видеоконференцсвязи с участниками процесса,

функционирование официального сайта Верховного Суда и Единой информационно-аналитической базы судебных актов.

Проводится по этапное оснащение залов судебных заседаний системами аудио, видео фиксации.

Введен в опытную эксплуатацию Контакт-центр судебных органов, что позволит обеспечить создание эффективной системы взаимодействия населения с судебными органами, получение оперативной и достоверной информации о принятых судебных актах по рассмотренным делам, о результатах и сроках разрешения жалоб и заявлений, поступающих в суды.

Также использование видеоконференцсвязи удобно в рамках трансграничного сотрудничества.

В целях повышения открытости и прозрачности судов, а также правовой грамотности населения осуществляется целенаправленное взаимодействие со средствами массовой информации.

Республика Казахстан активно сотрудничает с международными организациями и партнерами по вопросам судебной реформы, обмену опытом и передаче лучших практик.

Укрепляется международное сотрудничество Верховного Суда с судебными органами и общественными объединениями судейского и юридического сообщества Франции, Нидерландов, Италии, Германии, Соединенных Штатов Америки, Кореи, Индонезии, Болгарии, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Турции, Китая, Японии, Финляндии и других стран дальнего зарубежья.

В целях изучения судебной практики и обмена опытом в судебно-правовой сфере осуществлялось активное сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе с высшими судебно-правовыми органами государств-участников СНГ, в том числе в рамках участия в ежегодных встречах постоянно действующих межгосударственных органов отраслевого сотрудничества. Представители Верховного Суда участвовали в работе экспертных групп государств-членов ШОС, ЕврАзЭС, Таможенного Союза, Экономического Суда СНГ, Суда ЕврАзЭС.

Хотя нельзя утверждать, что проблемы обеспечения эффективной работы судов полностью решены, дальнейшее развитие казахстанского государства и реальное обеспечение конституционных прав и свобод граждан требуют дальнейшего улучшения судебной системы и решения новых актуальных задач.

Повышение квалификации судей. Программы обучения и повышения квалификации для судей с целью улучшения их профессиональных навыков и знаний в соответствии с международными стандартами правосудия.

Многие проблемы материально-технического обеспечения деятельности судов остаются нерешенными до конца. Эти проблемы требуют законодательного и финансового обеспечения, а также решения вопросов, связанных с модернизацией судебной системы, таких как расширение доступности и прозрачности правосудия, создание новых специализированных судов, упрощение процедур рассмотрения судебных дел и повышение эффективности исполнительного производства.

Судом определены пять ключевых приоритетов работы судов: 1) Обеспечение качественного отправления правосудия; 2) Искоренение волокиты и бюрократизма; 3) Служение народу и государству; 4) Открытость и доступность правосудия; 5) Борьба с коррупцией и правонарушениями в судебной системе.

Укрепление независимости судебной власти, принятие законов и мер, направленных на защиту независимости судов от внешних влияний и обеспечение их независимости в принятии судебных решений.

Реализация обозначенных задач направлена на дальнейшее совершенствование деятельности судебной системы по повышению эффективности отправления правосудия и укреплению доверия граждан к судам.

Повышение доступности юридической помощи, расширение доступа граждан к юридической помощи, включая создание бесплатных или недорогих правовых клиник и центров по поддержке граждан в судебных процессах.

Развитие альтернативных методов разрешения споров, содействие в развитии альтернативных методов разрешения споров, таких как посредничество и арбитраж, для более быстрого и эффективного разрешения конфликтов.

Эти усилия направлены на создание современной, эффективной и независимой судебной системы в Республике Казахстан, способной обеспечить правовую защиту и справедливость для всех граждан.

За последние годы Республика Казахстан предприняла ряд шагов по модернизации судебной системы. Некоторые из ключевых мероприятий в этой области включают в себя цифровизация и автоматизация. То есть происходит внедрение современных технологий в судебные системы для улучшения эффективности и прозрачности процессов, включая использование электронных систем для подачи документов, рассмотрения дел и вынесения решений.

В соответствии с государственными программами, судебные преобразования в Казахстане прошли несколько этапов и направлены на дальнейшее развитие судебной системы в сторону укрепления конституционных гарантий права граждан на судебную защиту и независимости судебной власти. Сегодня можно отметить, что реформы, проводимые для совершенствования судебной системы, нацелены на внедрение лучших практик и соответствие международным стандартам.

Для организации оптимальных условий для судопроизводства по новой модели в судебной системе активно идут процессы модернизации путем внедрения проекта электронного суда.

Большая роль в обеспечении доступности и прозрачности судебной деятельности, упрощении и ускорении судопроизводства принадлежит современным информационным технологиям.

В настоящее время все суды республики обеспечены залами с аудио и видео фиксацией, позволяющими изготавливать протоколы судебных заседаний с использованием указанных технических средств, которые обеспечивают точное фиксирование хода судебного разбирательства.

В Верховном Суде Республики Казахстан работает автоматизированная информационно-аналитическая система «Төрелік», включающая в себя электронный архив судебных документов, Интернет-ресурсы судов, сервис «Судебный кабинет», «Судебная повестка», «Ознакомление с судебными документами» [2].

В целом, говоря о развитии информационных технологий в судебной системе, стоит отметить, что благодаря внедряемым в судебную систему техническим инновациям удалось добиться существенного повышения оперативности и прозрачности судопроизводства, снижения нагрузки в сфере документооборота, доступности и открытости судебной системы.

Сегодня в судебной системе проводится активная работа по совершенствованию законодательных и процессуальных норм деятельности судов, внедрения альтернативных способов разрешения споров, новых технологий, обеспечению максимальной доступности и эффективности судебной системы.

Динамика развития судебной власти тесно связана с историей формирования Казахстана, его суверенитета и государственности. Можно утверждать, что в стране сложилась эффективная судебная система, которая является одной из важнейших основ стабильного развития государства в направлении утверждения демократического, светского, правового и социально-ориентированного государства, где высшими ценностями считаются человек, его жизнь, права и свободы.

В судебной системе регулируются самые насущные задачи в области совершенствования законодательства, реорганизации судоустройства и судопроизводства,

обеспечения независимости судебной власти в соотношении с международными стандартами.

Сегодня развитие судебной системы осуществляется по основным направлениям: обеспечение верховенства закона, совершенствование системы отбора судей, дальнейшая модернизация судоустройства и судопроизводства, развития внесудебных способов разрешения споров. Функционирования правового государства, где гарантированы права человека и гражданина, устойчиво реализуются основные демократические институты, невозможно без создания сильной и независимой судебной власти. Развитие судебной системы Республики Казахстан за годы независимости можно разделить на несколько самостоятельных этапов, характеризующихся всевозрастающим уровнем доступа к правосудию, и как следствие, соответствием судебной системы нашей страны самым высоким мировым стандартам отправления правосудия [3].

В заключение, развитие судебной системы в Республике Казахстан является важным направлением для обеспечения справедливости, правовой стабильности и защиты прав граждан. В рамках проводимых реформ страна стремится к повышению качества работы юстиций, укреплению независимости судов и обеспечению доступности правосудия для всех слоев населения. Однако остаются вызовы, такие как необходимость улучшения процесса исполнения судебных решений и обеспечения доступа к правосудию для всех граждан без исключения. С учетом принятых мер и перспектив дальнейших реформ, судебная система Казахстана является эффективным инструментом защиты прав и свобод граждан, а также важным элементом укрепления правового государства.

Литература

1. Краткий обзор развития судебной системы Республики Казахстан// электронный ресурс// <https://krso.kz/ru/kratkij-obzor-razvitiya> (дата обращения 23.04.2024 г.)
2. Модернизация судебной системы (Л.Агыбаева, Судья Верховного Суда) // электронный ресурс// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35632969&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения 25.04.2024 г.)
3. Судебная власть Казахстана: динамика развития – веление времени (Мұратғали Әкетай, Председатель судебной коллегии по уголовным делам Павлодарского областного суда, кандидат юридических наук, доцент)// электронный ресурс// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32030276 (дата обращения 26.04.2024 г.)

Таршева Мира Николаевна
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры информационных
технологий в деятельности ОВД,
Орловский юридический институт МВД
России имени В. В. Лукьянова
(Орел, Россия)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

УДК 343.1

Аннотация: В статье исследуется влияние религиозного фактора на формирование уголовно-процессуальной политики в России. Рассматриваются теоретические подходы к взаимодействию религии и права, включая процессы политизации религии и теологизации политики. Автор анализирует роль религиозных институтов (в частности, Русской православной церкви) в общественно-политической жизни страны и их возможное воздействие на правовую сферу. Особое внимание уделяется отсутствию прямого влияния религии на уголовно-процессуальную политику в России, что объясняется светским характером государства и текущими приоритетами религиозных организаций.

Ключевые слова: религия и право, уголовно-процессуальная политика, социальный фактор, политизация религии, теологизация политики.

Abstract: The article examines the influence of the religious factor on the formation of criminal procedure policy in Russia. Theoretical approaches to the interaction of religion and law are considered, including the processes of politicization of religion and theologization of politics. The author analyzes the role of religious institutions (in particular, the Russian Orthodox Church) in the socio-political life of the country and their possible impact on the legal sphere. Particular attention is paid to the lack of direct influence of religion on criminal procedure policy in Russia, which is explained by the secular nature of the state and the current priorities of religious organizations.

Keywords: religion and law, criminal procedure policy, social factor, politicization of religion, theologization of politics.

«Религию в самом общем виде можно определить как мировоззрение, мироощущение и миропонимание, основанное на вере в сверхъестественное», – отмечает А. К. Погасий. Она проникает во все области жизни общества и воздействует на них посредством своих учений, а также через духовную и практическую деятельность верующих и религиозных объединений [1, с. 8, 10].

На протяжении веков политика и религия были неразрывно переплетены, однако их соотношение менялось. Если до XVII века религиозные институты легитимировали власть и влияли на вопросы войны и мира, то после Вестфальского мира (1648 г.) и усиления централизованных государств их роль стала ослабевать. Как подчёркивает Джеффри Хайнс, колониальная экспансия окончательно закрепила этот сдвиг: религия утратила прежнее влияние на внутренние и международные процессы²³.

Д. Узланер пишет, что полного разрыва политики и религии не произошло — взаимодействие просто приняло иной характер. Отныне политика и экономика диктовали религии её место, превращая её в инструмент для достижения прагматичных целей. В тех редких случаях, когда религия ещё фигурировала в публичной сфере, её функции сводились к формальному символизму — пустой оболочке светских ритуалов [2].

Обращаясь к трудам ученых, отметим, что существуют различные подходы к освещению вопроса взаимоотношений политики и религии. По мнению некоторых ученых религия, выполняя охранительную функцию (одну из многочисленных социальных функций), оправдывает, как правило, фактически любую государственную власть и служит ее укреплению. Поскольку политика представляет собой деятельность этой государственной власти в той или иной области, то очевидна взаимосвязь политики и религии.

Ряд ученых более глубоко исследует эту взаимосвязь, выделяя целые направления, в которых она осуществляется: политизация религии [3] и теологизация политики [4].

Политизация религии выражается прежде всего в стремлении различных религиозно-политических движений (например, движения «Халистан», различных христианских и исламских политических движений и др.), религиозных политических партий (Мусульманская лига в Пакистане, Партия независимости в Марокко, Исламский фронт национального спасения в Алжире, все партии в Иране, которые ориентированы на ислам, так как неисламские партии запрещены и др.) и просто религиозных организаций, расширить свое влияние на политическую и общественную жизнь, вмешиваясь во все ее сферы, пытаясь быть представленными в государственных институтах, и даже участвовать в определении отдельных вопросов политики, позиционируя себя при этом «духовными учителями» и «нравственными судьями» и т. д.

В контексте данной работы представляет интерес исследование влияния деятельности религиозных организаций как социального фактора на политику, в частности на формирование современной отечественной уголовно-процессуальной политики.

В российской политике можно наблюдать значительное влияние религиозных институтов на формирование общественных ценностей и государственной повестки. Ярким

²³ Цит. по: Узланер Д. Религия и политика: неразрывный симбиоз? Обзор современных тенденций // Россия в глобальной политике : офиц. сайт. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (дата обращения: 31.03.2025).

примером здесь служит деятельность Русской православной церкви (РПЦ), которая активно участвует в разработке и продвижении социально-политических инициатив.

РПЦ позиционирует себя как важный субъект общественной жизни, вносящий вклад в решение ключевых национальных задач: укрепление традиционных ценностей, поддержку семьи и демографической политики, сохранение культурно-исторического наследия. Церковь взаимодействует с государственными структурами, предлагая свои подходы к законодательным инициативам, что отражается, в частности, в вопросах образования, семейной политики и регулирования социальной сферы.

Таким образом, религиозные организации в России выступают не просто как духовные институты, но и как влиятельные участники общественно-политического диалога, чьи позиции учитываются при формировании стратегических решений. Это свидетельствует о возрастающей роли религии в определении ценностных ориентиров и приоритетов государственного развития.

Так РПЦ выступала с инициативами о введении в школьную программу предмета «Основы православной культуры», а в перечень научных специальностей ВАК – теологии, создания института армейских капелланов²⁴, запрета аборт вообще либо не проведении операций по прерыванию беременности в рамках ОМС – есть не что иное, как оказание влияния на государственную политику в вопросах образовательной, научно-технической, военной политики, а также политики в области здравоохранения соответственно.

Что касается такого направления, как теологизация политики, то она заключается в нарочитой демонстрации государственными лицами своей принадлежности к той или иной конфессии (религиозному течению), излишнему почитанию церкви. Возможно, государственные деятели таким образом хотят подчеркнуть, что ими движет не только стремление к власти, но и «возвышенная цель». Тем не менее, теологизация политики является социально опасным явлением, так как подрывает светский характер современного государства.

Говоря о прямой взаимосвязи религии (прежде всего в лице РПЦ как самой многочисленной религиозной организации в РФ) и современной отечественной уголовно-процессуальной политики, то она не выявлена, так как никакие попытки повлиять на уголовно-процессуальную политику со стороны РПЦ не предпринимались, может быть, по причине того, что пока уголовно-процессуальная политика не входит в сферу интересов РПЦ.

Литература:

1. Погасий А. К. Лекции по юридическому религиоведению: учебное пособие. – Казань: КФУ, 2021. – 304 с.
2. Узланер Д. Религия и политика: неразрывный симбиоз? Обзор современных тенденций // Россия в глобальной политике : офиц. сайт. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/> (дата обращения: 31.03.2025).
3. Коваль Т. Современная религиозная ситуация в России: основные тенденции // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики: офиц. сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/science/79396576.html> (дата обращения: 30.03.2025).
4. Мерзенина А. С. Политизация теологии и теологизация политики: диалог Яна Ассмана и Карла Шмитта. *Социология власти*. 2024; 36(1):78-117. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-78-117>

Харашкин Кирилл Александрович
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
аспирант кафедры уголовно-процессуального права
имени П.А. Лупинской

²⁴ Патриарх Кирилл выступает за введение в армии института капелланов. URL: <https://ria.ru/20090323/165763778.html?ysclid=m8wpfy3yez523246483> (дата обращения: 30.03.2025).

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ В УГОЛОВНОМ РАССЛЕДОВАНИИ: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДИСБАЛАНСОВ

УДК 343.1

Аннотация:

В докладе анализируются процессуальные гарантии объективности предварительного расследования, имплементированные в различные институты уголовно-процессуального права России. Автор рассматривает системный характер нормативного регулирования объективности, включающий комплекс превентивных, корректирующих и стимулирующих механизмов: от института отводов и правил производства следственных действий до возложения на сторону обвинения бремени опровержения доводов защиты. Выявлена ключевая проблема – отсутствие четких процессуальных последствий игнорирования стороной обвинения доводов защиты, что подтверждается статистическими данными о низкой эффективности судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ. На основе проведенного анализа предложены меры по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на повышение объективности предварительного расследования через установление конкретных процессуальных санкций и усиление механизмов судебного контроля.

Ключевые слова:

Объективность расследования, процессуальные гарантии, бремя опровержения доводов защиты, предварительное расследование, институт отводов, судебный контроль, всесторонность, беспристрастность, доказывание, состязательность.

Abstract:

The report analyzes the procedural guarantees of objectivity in preliminary investigation implemented in various institutions of Russian criminal procedure law. The author examines the systemic nature of regulatory framework for objectivity, which includes a complex of preventive, corrective, and stimulating mechanisms: from the institution of recusals and rules for conducting investigative actions to imposing on the prosecution the burden of refuting defense arguments. The key problem identified is the absence of clear procedural consequences for the prosecution's ignoring of defense arguments, which is confirmed by statistical data on the low effectiveness of judicial control under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the analysis conducted, measures are proposed to improve criminal procedure legislation aimed at enhancing the objectivity of preliminary investigation through establishing specific procedural sanctions and strengthening judicial control mechanisms.

Keywords:

Investigation objectivity, procedural guarantees, burden of refuting defense arguments, preliminary investigation, recusal institution, judicial control, comprehensiveness, impartiality, evidence, adversarial principle.

Объективность участников уголовного процесса является фундаментальным условием реализации назначения судопроизводства, поскольку только непредвзятый подход обеспечивает защиту прав всех заинтересованных лиц, включая потерпевших и лиц, привлекаемых к ответственности. Значимость беспристрастности в ходе расследования определяется её влиянием на справедливость всего последующего судебного разбирательства.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ отсутствует легальное определение категории «объективность расследования», однако данный принцип имплементирован в процессуальную ткань кодекса через конкретные нормативные положения. Так, ст. 33 УПК РФ предусматривает критерий всесторонности и объективности при решении вопроса о подсудности дел о нескольких преступлениях судам разного уровня. Норма ст. 35 УПК РФ устанавливает возможность изменения территориальной подсудности при наличии обстоятельств, ставящих под сомнение объективность судебного разбирательства. Законодатель в ст. 152 УПК РФ допускает гибкость в определении места предварительного расследования для обеспечения его объективности. Статьи 154, 239.1 и 325 УПК РФ содержат единый критерий для выделения уголовного дела в отдельное производство – отсутствие негативного влияния на объективность расследования и разрешения дела. Статья 340 УПК РФ предоставляет сторонам право возражать против напутственного слова председательствующего при нарушении принципа объективности и

беспристрастности. Таким образом, несмотря на отсутствие закрепления объективности в качестве самостоятельного принципа, данное требование пронизывает ключевые институты уголовного судопроизводства.

Центральную роль в обеспечении объективности играет следователь (дознатель), наделённый значительной процессуальной самостоятельностью (ч.3 ст. 38 УПК РФ). Для минимизации субъективизма закон устанавливает детальную регламентацию следственных действий (ст. 164 УПК РФ), что служит гарантией надлежащего формирования доказательственной базы.

Нормативная система обеспечения объективности включает комплекс процессуальных механизмов: запрет незаконных методов ведения следствия (ст. 164), требования к протоколированию (ст. 166), привлечение специалистов (ст. 168) и понятых (ст. 170), запрет наводящих вопросов при допросе (ст. 189), особые правила при участии несовершеннолетних (ст. 191), строгую процедуру опознания (ст. 193), гарантии при назначении экспертизы (ст. 195, 198) и право ознакомления с материалами законченного расследования (ст. 215). Институт отводов (глава 9 УПК РФ) служит эффективным инструментом устранения заинтересованных субъектов из процесса. Базовое положение ст. 61 УПК РФ о недопустимости участия лиц, имеющих личную заинтересованность, дополняется процедурными гарантиями рассмотрения отвода следователя руководителем следственного органа (ст. 67), запретом повторного участия в производстве (ст. 62) и унифицированными критериями отвода для различных субъектов (ст. 71).

Статья 73 УПК РФ, определяющая предмет доказывания, является ключевой гарантией всесторонности расследования, предписывая установление как обвинительных, так и оправдательных обстоятельств. Конституционный Суд РФ подчеркнул обязанность должностных лиц принимать меры к получению доказательств как виновности, так и невиновности обвиняемого, что обусловлено публичным характером их деятельности [1].

Следует согласиться с Масленниковой Л.Н. что, «все должностные лица, осуществляющие властные полномочия в уголовном судопроизводстве, обязаны действовать строго в рамках закона, в том числе обеспечивать правильное применение уголовного закона. Невозможно правильно применить норму уголовного права, не установив всех юридически значимых фактических оснований, влияющих на выбор и применение данной нормы. Уже в силу этого следователь не может сформулировать утверждение об обвинении, не принимая во внимание обстоятельств, свидетельствующих о невиновности, о меньшей степени виновности, о непричастности или недостаточности доказательств причастности конкретного лица к совершению данного преступления и т.п. В любом из этих случаев он формулирует заведомо незаконное обвинение» [2].

Особое значение имеет возложение на сторону обвинения бремени опровержения доводов защиты. Данный механизм, вытекающий из презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), стимулирует органы расследования к проверке всех версий и компенсирует процессуальное неравенство сторон. На практике это реализуется через ограничение возможности отказа в удовлетворении ходатайств защиты (ст. 159) и требование включать в обвинительное заключение доказательства, на которые ссылается защита (ст. 220).

Система процессуальных гарантий объективности имеет комплексный характер, сочетая превентивные (отводы), корректирующие (правила следственных действий) и стимулирующие (бремя опровержения) механизмы. Эффективность обеспечивается комбинацией различных подходов: привлечением независимых участников, установлением формализованных процедур, распределением процессуальных обязанностей и внешним контролем.

Однако анализ законодательства выявляет существенный недостаток: отсутствие чётких процессуальных последствий игнорирования стороной обвинения доводов защиты. Действующие механизмы реагирования ориентированы преимущественно на проверку формальной законности действий следователя, а не на оценку полноты исследования версий

защиты. Отсутствие эффективных санкций создаёт дисбаланс, позволяющий обвинению безнаказанно пренебрегать обязанностью опровергать доводы защиты.

Судебный контроль за отказами в удовлетворении ходатайств через механизм ст. 125 УПК РФ малоэффективен из-за формального подхода судов, которые часто не вдаются в оценку обоснованности отказа, по существу. Об этом свидетельствует анализ статистических показателей Судебного Департамента при Верховном Суде РФ наглядно иллюстрирует проблему эффективности судебного контроля на досудебных стадиях. В частности, из 103 051 жалоб, поданных в порядке статьи 125 УПК РФ в 2022 году, положительное решение было принято лишь по 4 588 обращениям (4,5%), тогда как 19 371 жалоба (18,8%) получила отказ, а 78 992 материала (76,7%) не были рассмотрены по существу ввиду прекращения производства, отзыва заявителем, возврата либо передачи по подсудности. Статистика 2023 года свидетельствует о сохранении негативной динамики — при увеличении общего числа жалоб до 111 637 произошло снижение удовлетворенных обращений до 4 242 (3,8%), количество отказов составило 19 411 (17,4%), а доля материалов, не получивших содержательного рассмотрения, возросла до 87 883 (78,8%)[3].

Имеющиеся в законе механизмы реагирования (обжалование действий следователя руководителю следственного органа, прокурору) ориентированы преимущественно на проверку формальной законности действий следователя, а не на оценку полноты проверки доводов защиты, по существу. Возвращение уголовного дела прокурором следователю для производства дополнительного расследования по мотивам неполноты проверки версий защиты также не является обязательным и зависит от субъективного усмотрения прокурора, который зачастую разделяет обвинительный подход следователя. Наконец, УПК РФ не предусматривает дисциплинарной или иной ответственности следователя за необоснованное игнорирование доводов защиты, что позволяет следователям руководствоваться ведомственными интересами в ущерб объективному расследованию.

Для совершенствования системы гарантий объективности представляется необходимым законодательное закрепление конкретных процессуальных последствий неопровержения существенных доводов защиты, включая ограничение использования противоречащих им доказательств и введение судебного контроля за полнотой исследования версий защиты, на этапе окончания предварительного расследования закрепить в УПК РФ норму, согласно которой доводы защиты, заявленные на стадии предварительного расследования, должны быть проверены до направления дела в суд.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы".

2. гл. 4, § 3, "Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография" (2-е издание, переработанное и дополненное) (отв. ред. Л.Н. Масленникова) ("НОРМА", "ИНФРА-М", 2022) СПС КонсультантПлюс // (дата обращения 13.03.2025).

3. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 13.03.2025).

Хлус Александр Михайлович
Белорусский государственный университет,
кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Беларусь)

ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.98

Аннотация: Основываясь на анализе современного состояния борьбы с преступностью, учитывая появление новых способов совершения преступлений, автор пришел к выводу о необходимости

совершенствования криминалистических методик их расследования и раскрытия. Учитывая имеющиеся теоретико-прикладные проблемы криминалистической характеристики преступлений, предлагается при разработке их частных методик расследования основываться на рассмотрении элементов материальной структуры деяния.

Ключевые слова: преступление, криминалистика, методика расследования, криминалистическая характеристика, материальная структура.

Abstrakt: Based on the analysis of the current state of the fight against crime, taking into account the emergence of new methods of committing crimes, the author came to the conclusion about the need to improve forensic methods of their investigation and disclosure. Taking into account the existing theoretical and applied problems of forensic characteristics of crimes, it is proposed to base the development of their private methods of investigation on the consideration of the elements of the material structure of the act.

Keywords: crime, forensics, investigation methods, forensic characteristics, material structure.

Для современного времени характерно появление новых способов совершения традиционных видов преступлений. Это обстоятельство определяет потребность в совершенствовании имеющихся методик расследования, сформированных на основе положений криминалистической характеристики преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой совокупность криминалистически значимых сведений о типичных признаках вида или группы однородных преступлений.

В некоторых источниках говорится о постоянстве информации, содержащейся в криминалистической характеристике [1], с чем трудно согласиться. Дело в том, что преступность подобно любому виду человеческой деятельности находится в состоянии изменений и развития, привнося в окружающую действительность все новые и новые способы своих негативных проявлений. Это характерно всем видам преступлений, что, соответственно, должно повлечь за собой внесение изменений в описание элементов, составляющих их криминалистическую характеристику.

Криминалистическая характеристика сохраняет свою актуальность в течение определенного времени, но в дальнейшем возникает потребность в обновлении информации, относящейся к её элементам.

Теоретическую проблему составляет различие в понимании криминалистической характеристики преступлений, количества составляющих её структурных элементов. Нет единства мнений о видах элементов криминалистических характеристик традиционных преступлений, давно разработанных, таких, например, как убийство. Авторы научных статей, посвященных криминалистической характеристике убийств, в одном случае в качестве её элементов называют предмет преступного посягательства (жизнь человека), место и время совершения преступления, информацию о способе убийства и способе его сокрытия, сведения о типичных личностных особенностях убийцы и потерпевшего, цели и мотивы совершения убийства, сведения о характере и размерах ущерба, причиненного преступлением [2, с. 160–161]. В другом исследовании в качестве элементов криминалистической характеристики убийства авторы рассматривают способы и обстановку его совершения, социально-психологические данные о личности преступника и потерпевшего, место и время совершения преступления [3, с. 96]. В приведенных примерах очевидно различие взглядов на элементный состав криминалистической характеристики убийства.

В учебниках и пособиях по криминалистике подчеркивается значимость криминалистической характеристики преступлений, но описанию её элементов все же уделяется мало внимания. Например, в учебном пособии по криминалистике под редакцией В. Б. Шабанова и В. Л. Григоровича на двух страницах текста содержится криминалистическая характеристика убийств, которая «состоит из описаний типичных способов и обстановки их совершения, а также личности преступника» [4, с. 201].

Вызывает сомнение объективность подхода к описанию элементов структуры криминалистической характеристики преступлений. Далекое не вся информация, содержащаяся в такой характеристике, имеет криминалистическое содержание. Это общая

проблема всех методик, сформированных на основе криминалистической характеристики преступлений. На эту и иные проблемы давно обратили внимание авторитетные ученые, указав, что криминалистическая характеристика изжила себя и «превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом» [5, с. 223].

В настоящее время, следует признать, криминалистическая характеристика преступлений не оправдывает свое назначение, что определяет потребность в её совершенствовании. Для этого в любом преступлении вначале следует выделять, а затем описывать его структурные составляющие, т. е. те материальные элементы, взаимодействие которых приводит к образованию системы преступного деяния в момент его совершения. Теоретической основой для выделения таких элементов служит, предложенное А. Е. Гучком, криминалистическое учение о материальной структуре преступления [6]. Это позволяет выделить ряд материальных элементов, которые обязательно наличествуют в системе любого деяния, признаваемого преступлением определенного вида.

Главной составной частью материальной структуры каждого преступления является человек либо группа людей, участвующих в его совершении. Он же связующее звено в преступной системе.

В криминалистической характеристике преступлений содержится криминологическое описание личности преступника, которое не соответствует криминалистическому представлению о важнейшем структурном элементе преступления, которым является субъект его совершения. С позиции криминалистики значима информация об отражательных возможностях данного материального элемента, проявивших себя в виде следов, содержащих информацию о конкретном подозреваемом, позволяющую доказать его виновность.

Описание субъекта деяния должно вестись в сочетании со способом и обстановкой совершения преступления, элементами которой являются место и время совершения деяния. Обстановка и способ совершения преступления обуславливают возникновение специфических следов противоправных действий субъекта. Данная закономерность позволяет указать на типичные следы преступления (в широком и узком смысле), образуемые в обстановке совершения преступления.

Данные о способах совершения преступления являются одним из важнейших элементов его криминалистической характеристики. Но их описание должно содержать указания на типичные действия преступников и особенности образования следов, что не всегда соблюдается. Рассмотрение способов преступления и их описание как самостоятельных элементов криминалистической характеристики снижает практическую ценность таких сведений.

В криминалистической характеристике преступления должна содержаться информация о типичных следах субъекта совершения деяния в зависимости от различных способов его преступного поведения. Субъект посягательства характеризуется способностью к образованию следов в окружающей среде и их отражению на себе от воздействия иных материальных элементов. Он же взаимосвязан со всеми элементами, образующими материальную структуру преступления: объектом и предметом преступного посягательства, средством совершения преступления. На этих элементах он также оставляет свои следы, анализ которых позволяет выявить признаки, указывающие на преступный характер действий субъекта.

Материальная система, на которую направлены действия субъекта деяния, выступает в качестве объекта преступного посягательства в его криминалистическом представлении. Этот элемент материальной структуры, как правило, претерпевает различное по своему содержанию воздействие со стороны субъекта совершения преступления. Оно часто связано с вредом, причиняемом объекту посягательства: физическом (телесные повреждения и т. п.), психическом (нарушение психического здоровья), имущественном (разрушающее воздействие и т. п.) и др.

При совершении насильственных преступлений объектом посягательства выступает человек, который в криминалистической характеристике преступлений не рассматривается в виде материального элемента преступной системы. Всё, что содержит криминалистическая характеристика, касается личности потерпевшего (жертвы преступления), отражает его свойства в криминологическом аспекте. Это не соответствует криминалистическому взгляду на познание объекта посягательства как составной части материальной структуры, т. к. для практики расследования более значима информация об особенностях образования данным элементом следов. Представляют интерес отражательные возможности не только этого, но и иных элементов материальной структуры преступления, формирующие его следовую картину.

Являясь объектом преступного посягательства, человек отражает процесс преступных действий и сам отражается в системе преступления. Ему известны иные элементы окружающей среды, отразившей преступные действия, что представляет интерес для расследования преступления. Изучение личности, подвергшейся преступному воздействию, позволяет в процессе следственной деятельности определить направление поиска преступников, в случае их неизвестности для потерпевшего.

Объект посягательства может быть множественным, т. е. преступное посягательство осуществляется в отношении нескольких лиц, которым причиняются различные виды вреда.

Объектом посягательства может быть иная материальная система, которая рассматривается и основным, и дополнительным объектом посягательства. Например, совершив убийство, субъект посягательства, с целью сокрытия преступления, поджигает жилище потерпевшего, которое в материальной структуре деяния выступает в роли дополнительного объекта посягательства.

В тесной связи с объектом находится предмет преступного посягательства, описываемый в криминалистической характеристике с позиции уголовного права, что не обеспечивает его познание, основываясь на учении о материальной структуре преступления. Данному элементу криминалистической характеристики преступлений уделяется особое внимание. Ученые считают, что он «коррелирует с другими элементами криминалистической характеристики» [7, с. 285]. Корреляционная связь предполагает взаимные изменения значений разных элементов системы. Но изменение качественных и количественных параметров предмета преступного посягательства не влечет за собой каких-либо изменений в параметрах иных элементов криминалистической характеристики преступления [8, с. 81].

Не соответствует криминалистической реальности утверждение, что «пока не будет установлено, какой материальный предмет подвергался преступному посягательству при совершении преступления, до тех пор невозможно определить объект посягательства» [9, с. 88]. Такой взгляд отражает связи предмета и объекта преступления, как элементов уголовно-правового состава, что способствует объективной квалификации деяния.

В материальной структуре преступления объект и предмет преступного посягательства тесно взаимосвязанные элементы. Информация о предмете посягательства становится известна с момента обращения в правоохранительные органы потерпевшего, который в системе отдельных видов преступлений является объектом посягательства.

Предметом преступного посягательства часто являются деньги и другие материальные ценности. В учебной литературе утверждается, что «предметом посягательства в криминалистическом смысле может быть и человек, т. е. его телесная организация» [7, с. 285]. С этим мнением можно согласиться только в случае, когда человек используется для целей криминальной трансплантации [10, с. 22–27].

Данный материальный элемент преступления не претерпевает каких-либо структурных изменений: он не повреждается, не уничтожается. Он переходит из владения одного лица (потерпевшего) во владение другого лица (преступника). В ряде преступных воздействий на человека (объект преступного посягательства) преступники достигают своей цели – завладеть имуществом, т. е. предметом посягательства.

Восприятие имущества, как предмета преступного посягательства, в уголовном праве и криминалистике в целом совпадает. Но в некоторых уголовно-правовых статьях речь идет о передаче (приобретении) «права на имущество» (ст. 208, 209, 210 УК Республики Беларусь) и получение выгоды (совершение действий) «имущественного характера» (ст. 208, 430 УК Республики Беларусь). Осуществление таких действий фактически скрывает их преступный характер и материальную сущность предмета посягательства. Передача права на имущество не ограничивается официально заключенной сделкой потерпевшего с преступником, цель которого состоит в противоправном завладении имуществом. Процедура передачи права на него – это промежуточное звено на пути к достижению преступной цели.

В качестве «действий имущественного характера» ученые рассматривают, например: 1) действия, связанные с имущественной выгодой [11, с. 129]; 2) работы и услуги, влекущие материальную выгоду [12, с. 336]; 3) действия, являющиеся товаром и имеющие стоимостной эквивалент работ и услуг, связанных с имуществом [13, с. 10] и др.

Различие в понимании «действий имущественного характера» в итоге сводится к его денежному эквиваленту или имуществу, приобретаемому преступником в результате деяния. Совершение действий имущественного характера не рассматривается в качестве элемента материальной структуры преступления. Такие действия имеют законную форму (например, составляется договор и т. п.), но совершаются под принуждением и являются промежуточным звеном в достижении преступной цели.

Контактируя с предметом преступного посягательства субъект совершения деяния непременно оставляет следы. Некоторые предметы способны оставить следы своего вещества на субъекте в виде микрочастиц. Завладевая предметом посягательства, преступник уносит его с собой и скрывает от посторонних. Следы, оставленные субъектом на предмете и, взаимно, предметом на субъекте могут быть выявлены только после его задержания [14].

Для типичной материальной структуры большинства преступлений характерно наличие средства совершения преступления. Данное понятие охватывают большой спектр различных материальных предметов (веществ, явлений и т. п.), используемых субъектом для воздействия на объект посягательства для достижения конечной цели преступного деяния. Перечень возможных средств совершения преступлений не ограничен. Они составляют различные группы, например, орудия (молоток, стамеска и др.); оружие (револьвер, охотничье ружье и др.); вещества (наркотические и др.) и т. д.

В завершении следует отметить, что в ходе анализа преступления представляется возможным рассматривать в неразрывном единстве его материальную структуру и криминалистическую характеристику. Такой подход служит условием обеспечения практической результативности данных научных категорий, сочетание которых позволяет говорить о качественно новом понятии: криминалистической характеристике материальной структуры преступления. Его содержание охватывает «совокупность сведений о материальных элементах преступления, знание о которых в условиях конкретной следственной ситуации определяет направление и содержание практической деятельности, систему тактических средств, приемов и методов выявления, расследования и предупреждения преступлений» [15, с. 256].

На основе изложенного можно сделать некоторые выводы:

Во-первых, новые способы совершения преступлений определяют потребность в совершенствовании методик их расследования.

Во-вторых, для формирования методики расследования на криминалистической основе необходимо рассмотрение элементов материальной структуры преступления.

В-третьих, описание материальных элементов структуры преступления целесообразно сочетать с данными, содержащимися в его криминалистической характеристике, дополнив их сведениями о типичном механизме образования следов в среде, окружающей преступную систему, а также на каждом элементе ее образующем.

В-четвертых, формирование методик расследования преступлений на основе рассмотрения элементов их материальной структуры будет способствовать

криминалистическому пониманию преступления определенного вида как уголовно-правовой реальности, а также определяет целенаправленность и результативность практической деятельности, ориентированной на борьбу с преступностью.

Литература:

1. Методика расследования вымогательства // URL: https://crimlib.info/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%B2%D1%8B%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0#.D0.9A.D1.80.D0.B8.D0.BC.D0.B8.D0.BD.D0.B0.D0.BB.D0.B8.D1.81.D1.82.D0.B8.D1.87.D0.B5.D1.81.D0.BA.D0.B0.D1.8F_.D1.85.D0.B0.D1.80.D0.B0.D0.BA.D1.82
http://crimlib.info/Методика_расследования_вымогательства (дата обращения: 21.03.2025).
2. Савина О. Ю. Криминалистическая характеристика убийств, совершенных из корыстных побуждений // Вестник магистратуры. – 2019. – № 3–2 (90). – С. 160–161.
3. Хараев А. А., Мартыненко О. В. Криминалистическая характеристика убийств // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 3. – С. 95–100. DOI 10/47576/2712-7516_2021_3_95/
4. Криминалистика : учеб. пособие / В. Л. Григорович [и др.] ; под ред. В. Б. Шабанова, В. Л. Григоровича. – Минск : БГУ, 2023. – 391 с.
5. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. – 240 с.
6. Гучок А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. Минск, 2012. – 228 с.
7. Криминалистика: Расследование в сфере экономики: Учебник / под ред. В. Д. Грабовского и А. Ф. Лубина. Ниж. Новгород, 1995. – 400 с.
8. Хлус А. М. Об элементах материальной структуры вымогательства // Российский юридический журнал. – 2020. – № 6. – С. 78–88. DOI: 10.34076/2071-3797-2020-6-78-88._
9. Криминалистика: учебник : в 3 ч. Ч. 3. Криминалистическая методика / под ред. Г. Н. Мухина. Минск, 2010. – 295 с.
10. Гришин Д. А., Хомякова М. А. Криминальная трансплантация и коллизии Российского законодательства // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2 (104). – С. 22–27.
11. Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. – 359 с.
12. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М., 2012. – 528 с.
13. Башко А. В. Уголовно-правовые аспекты вымогательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. – 28 с.
14. См.: Хлус А. М. Объект и предмет преступного посягательства в уголовном праве и криминалистике: понятие и соотношение // Библиотека уголовного права и криминологии. Научный журнал. – 2018. – № 2(26). – С. 123–132.
15. Хлус А. М. Методическое обеспечение расследования преступлений: состояние и тенденции совершенствования // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции (Минск, 6 сентября 2024 г.) / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. – Минск : Строй МедиаПроект, 2024. – 456 с. – С. 252–257.

Цурлуй Олеся Юрьевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

кандидат юридических наук, доцент

(Москва, Россия)

Скороходова Виктория Андреевна

Экспертно-криминалистический центр УМВД России по г. Севастополю,

младший лейтенант полиции

(Севастополь, Россия)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДРОНОТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА. НЕОБХОДИМОСТЬ, ОСОЗНАННАЯ ПОД ОБСТРЕЛОМ

УДК 343.98

Аннотация. Беспилотные летательные аппараты, дроны, безэкипажные катера в современном мире приобрели статус средств и орудий совершения преступлений. Использование дрона в качестве средства атаки причиняет вред гражданской инфраструктуре и людям в тылу, и по данным фактам возбуждают уголовные

дела. В рамках криминалистического обеспечения расследования преступлений, дрон, как сложное техническое и технологическое устройство нуждается в самостоятельном исследовании.

Ключевые слова: дронотехническая экспертизы, дрон, криминалистическая экспертиза, экспертное исследование, расследование преступлений

Annotation. Unmanned aerial vehicles, drones, unmanned boats in the modern world have acquired the status of means and instruments of committing crimes. The use of a drone as a means of attack causes harm to civilian infrastructure and people in the rear, and criminal cases are initiated according to these facts. As part of the forensic support for the investigation of crimes, the drone, as a complex technical and technological device, needs independent research.

Keywords: technical expertise of the drone, drone, forensic examination, expert research, crime investigation

Место происшествия: участок автомобильной дороги между населенными пунктами, выбоина в асфальте, куски дрона вокруг, догорающий на обочине автомобиль, водителя увезла машина скорой помощи с телесными повреждениями средней тяжести. Географически место происшествия находится в 6 км от границы с Украиной.

Результаты осмотра места происшествия с очевидностью свидетельствуют, что взрывное устройство было прикреплено и доставлено к месту взрыва дроном-камикадзе. Визуально различимо, что дрон был произведен кустарным способом, поскольку на месте происшествия различимы куски липкой ленты типа скотч.

Таким образом, на настоящий момент правоохранители столкнулись с активным применением в качестве орудия и средства совершения тяжких и особо тяжких преступлений дронов.

Под орудиями совершения преступления следует понимать предметы, непосредственно используемые в процессе его совершения, увеличивающие физические возможности человека. Средствами совершения преступления являются предметы, вещества, энергия и приспособления, физические, химические и иные свойства которых используются для совершения преступления [1, с. 89; 3, с. 342].

Исходя из определения орудия и средств совершения преступления мы бесспорно можем отнести дрон к таковым, что влечет необходимость криминалистического исследования данного вида орудия и средства совершения преступления в целях последующей разработки мер противодействия его применению.

Полагаем целесообразным и необходимым разработку нового вида криминалистической экспертизы – дронотехнической. Методика экспертного исследования нового технологичного и технически сложного орудия преступления должна учитывать классические криминалистические методики экспертного исследования, включая вместе с тем специфические особенности экспертизы дрона и базироваться на знаниях в области криминалистики, техники и информационных технологий.

Объектом дронотехнической экспертизы выступает дрон. Дрон представляет собой любой беспилотный аппарат, передвигающийся по воздуху, земле или воде без непосредственного нахождения внутри него человека и управляющийся дистанционно.

Исходя из содержания криминалистического распознавания, включающего диагностику и идентификацию, мы можем определить примерный круг задач дронотехнической экспертизы и характеристики объекта, подлежащие исследованию.

Напомним, что экспертная диагностика проводится для установления определенных свойств и состояний объектов, расшифровки динамики события, понимания причин явления [2, с. 87]. С учетом этого задачами диагностического экспертного исследования дрона являются: определение типа дрона; выяснение назначения дрона; установление способа изготовления дрона; выявление материала, из которого изготовлен дрон; установление типа управления дроном; определение способа связи с дроном; выявление точности определения координат летательным аппаратом; выяснение температурных условий эксплуатации летательного аппарата.

Экспертная идентификация позволяет выделить из множества материальных объектов конкретный предмет, связанный с исследуемым событием, установить путем сравнительного

исследования тождество объекта по совокупности общих и частных признаков самому себе в разные моменты времени и в разных его состояниях [2, с. 89].

Идентификационными задачами дронотехнической экспертизы выступают: исследование комплектующих элементов дрона, а именно – системы питания, типа заряда, типа подрыва дрона; экспертный анализ взлетной масса дрона, полетной высота дрона, скорости движения дрона, грузоподъемности дрона; изучение экспертом радиуса действия дрона, дальности и длительности полета дрона.

Криминалистическое экспертное значение при проведении исследования дрона безусловно имеет способ его изготовления, следы инструментов, использованных при изготовлении дрона, двигателя, которыми оснащен дрон, имеющие маркировку, микросхема, посредством которой осуществляется управление дроном, имеющая идентифицирующие признаки.

В целях решения решения идентификационных задач в ходе назначения дронотехнической экспертизы возникает вопрос получения образцов для сравнительного исследования, но должен решаться в рамках уголовно-процессуальной деятельности.

Исследование взрывного устройства, прикрепленного к дрону осуществляется в рамках взрывотехнической экспертизы. В зависимости от конкретной ситуации целесообразно проведение комплексной экспертизы взрывотехником и дронотехником.

Исходя из перечисленных характеристик дрона приходим к выводу, что компетенция экспертов, проводящих дронотехническую экспертизу должна включать знания экспертизы материалов и веществ, исследования транспортных устройств, компьютерно-технической и информационно-компьютерной экспертиз, трасологического исследования, восстановления целого по частям.

Ряд опрошенных авторами в ходе подготовки настоящей статьи экспертов убеждены, что дроны с мест происшествий вполне достаточно исследовать в рамках традиционных экспертиз. На наш взгляд наличие единой методики самостоятельной криминалистической дронотехнической экспертизы позволит выработать универсальный способ фиксации характеристик дронов, систематизированных в базу данных – федеральную дронотеку, по аналогии с федеральной пулегильзотекой. Единая база данных описания дронов позволит в автоматизированном режиме идентифицировать дроны с мест происшествий по признакам и элементам, что существенно унифицирует установление способа, места изготовления дрона и иных криминалистически значимых обстоятельств.

Методика дронотехнической экспертизы позволит обусловить выработку тактики и технического оснащения осмотра места происшествия с использованием дронов, учитывая особенности.

В ходе подготовительного, организационного и рабочего этапов осмотра места происшествия с использованием дронов должно прорабатываться следующее:

- определение состава следственно-оперативной группы;
- обеспечение безопасности участников осмотра;
- определение границ осмотра места происшествия, зависящих от названных выше характеристик дрона;
- выявление закономерностей слеодообразования на месте падения и взрыва дрона;
- определение объема обнаруживаемого и изымаемого следового материала;
- учет специфики местности падений и взрыва дрона;
- обеспечение участия специалистов в осмотре места происшествия, в том числе криминалиста, взрывотехника и иных.

Определение особенностей тактики и технического обеспечения осмотра мест происшествий с использованием дронов представляется важным, поскольку от качества осмотра, его полноты и всесторонности напрямую зависит объем и пригодность предоставляемых эксперту объектов исследования.

Наличие методики дронотехнической экспертизы приведет к пониманию следственно-оперативной группой перечня подлежащих изъятию предметов, объема изымаемого материала и радиуса поиска криминалистически значимых объектов.

Исследуя применяемые для совершения преступлений дроны, мы наблюдаем концентрацию технологичности в сравнительно простом и дешевом технически устройстве, что вызывает необходимость криминалистическими методами бороться с высокотехнологичным способом совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Для этих целей необходима разработка методики экспертного исследования дронов, анализа устройства дрона и системы управления дроном, для последующей выработки высокотехнологичных методов и средств противодействия концентрированному высокотехнологичному ядру нового вида орудия преступления.

В заключении отметим, что разработка методики экспертного исследования дронов безусловно будет способствовать выработке мер противодействия использованию данного типа орудия и средства совершения преступления. И очевидно, что заниматься разработкой таких мер противодействия должна именно наука криминалистика.

Более того, исходя из прогностической функции науки, ученые-криминалисты должны не только заниматься исследованием применяемых на сегодняшний момент дронов, но и прогнозировать их совершенствование, усложнение с технологической и технической стороны, возникновение новых типов данного средства совершения преступлений. Выявление, анализ и исследование существующих способов, средств и орудий совершения преступлений и построение прогнозов возникновения новых, позволит своевременно разрабатывать и внедрять меры криминалистической профилактики.

Место подготовки публикации: Курск – Обоянь – Белгород – Шебекино – Волоконовка – Севастополь.

Литература:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный; издание одиннадцатое, перераб. и доп. Коллектив авторов / Под ред. докт. юрид. наук Г.А. Есакова. – М.: "Проспект", 2023. – 896 с.
2. Основы судебной экспертизы: учебник (Росинская Е.Р., Зинин А.М., Миросердова Н.В.; под ред. докт-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ Е.Р. Россинской). – Москва: "Проспект", 2023. – 216 с.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. А.В. Бриллиантова; 3-е изд., перераб. и доп.). – М.: "Проспект", 2021. – 1184 с.

Чебуренков Александр Анатольевич

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва»,*

*кандидат юридических наук, доцент
(Саранск, Россия)*

Бекетова Юлия Андреевна

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва»,*

*аспирант кафедры уголовного права и процесса
(Саранск, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ВЫДВИЖЕНИЯ ОБЩИХ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ О ФАКТЕ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПУТЕМ ОТРАВЛЕНИЯ

УДК 343.958.7:343.611

Аннотация: В статье рассматриваются информационно-познавательные и структурно-логические особенности механизма версионного мышления следователя на первоначальном этапе расследования убийств с подозрением на отравление. Авторы исходят из типичности проблемных ситуаций, складывающихся на данном этапе, и предлагают систему общих версий, объясняющих характер и причину возможного отравления

жертвы.

Ключевые слова: убийство, отравление, токсичное вещество, следственная версия, общие версии, следственная ситуация, основания следственной версии.

Abstract: The article examines the informational, cognitive and structural-logical features of the mechanism of investigator's version thinking at the initial stage of the investigation of murders with suspected poisoning. The authors proceed from the typicality of problematic situations that develop at this stage and propose a system of general versions that explain the nature and cause of the possible poisoning of the victim.

Keywords: murder, poisoning, toxic substance, investigative version, general versions, investigative situation, grounds for the investigative version.

Первоначальный этап расследования убийств, при наличии оснований предполагать, что смерть жертвы наступила вследствие отравления, нередко характеризуется возникновением проблемных ситуаций, важнейшей особенностью которых считается отсутствие у следователя достоверного и полного знания о произошедшем событии и необходимость установления его юридически значимых обстоятельств.

Присущая такого рода ситуациям информационная неопределенность при расследовании убийства с подозрением на отравление в самом начале расследования обычно выражается в полном или частичном отсутствии достоверных сведений о самом факте отравления: было ли введено токсичное вещество в организм жертвы, каким путем, какое действие оно оказало на организм, не стало ли введение данного вещества причиной смерти человека. От правильного решения данных вопросов зависит принятие следователем обоснованного решения о возбуждении уголовного дела по признакам убийства, выбор верного направления расследования, установление лиц, подозреваемых в совершении преступления, и т.д.

В криминалистике процесс преодоления проблемных ситуаций описывается как сложная мыслительная и практическая деятельность следователя, важным элементом которой выступают следственные версии. На первоначальном этапе расследования преступления особое значение приобретают общие версии, которые выдвигаются «в случаях возникновения проблемных ситуаций в отношении события преступления, времени, места и способа его совершения, личности преступника и потерпевшего, других обстоятельств предмета доказывания» [2, с. 85]. Общие версии позволяют выявить связь между обстоятельствами в предмете доказывания, сконцентрировать познавательную деятельность следователя на выяснении существенных элементов предмета доказывания, определить направление поисков необходимых источников доказательственной информации.

При подозрении на отравление общие версии касаются, прежде всего, объяснения характера отравления, носило ли введение токсичного вещества в организм жертвы случайный или преднамеренный характер. Большинство случаев отравления являются случайными, реже отравления возникают в результате умышленных действий заинтересованных лиц по введению токсичных веществ в организм жертвы. Преднамеренный характер отравления может свидетельствовать о том, что токсичное вещество использовалось с преступной целью, для противоправного причинения смерти человеку – убийства.

Сложности установления характера отравления обуславливаются рядом объективных и субъективных факторов. Смерть, ставшая результатом отравления, может наступить неожиданно, спустя некоторое время после введения токсичного вещества в организм жертвы. Сам факт такого введения, как правило, происходит без свидетелей. Многие токсичные вещества не вызывают в человеческом организме каких-либо специфических морфологических изменений, признаки их воздействия вполне могут быть признаны симптомами какого-либо заболевания. Поэтому даже химическое обнаружение яда во внутренних органах не всегда является достаточным доказательством того, что смерть наступила именно вследствие отравления, а не от другой причины [4, с. 18]. Объективные трудности обнаружения и определения токсичных веществ в объектах животного происхождения обусловлены поведением химических веществ в организме и трупе

(распределением яда по органам и тканям, физиологическими процессами выведения токсичного вещества из организма, метаболизмом (превращением) химических веществ в организме и др.) [6, с. 31].

Даже лабораторное определение наличия в организме следов токсичного вещества еще не означает, что оно было введено в организм с целью отравления человека: обнаруженное токсичное вещество могло попасть в организм не в качестве яда, а как лекарственный препарат (морфин, стрихнин и др.), могло быть внесено в объект исследования извне (например, мышьяк из земли кладбища при исследовании органов эксгумированного трупа), могло оказаться следствием происходивших в органах и тканях биохимических изменений (так, в виде следов в гнилостных тканях могут образовываться цианиды), а входящие в состав токсичных веществ элементы могли являться естественными для организма (цинк, марганец и др.).

Отрицательный результат химического исследования трупа на наличие токсичных веществ также еще не означает, что человек не был отравлен. Экспериментально установлено, что по истечении определенного времени яд может успеть разложиться в организме, выйти из организма (если человек, принявший яд, оставался в живых более шести часов). К пострадавшему могли быть применены меры экстренной или интенсивной терапии, вследствие которых токсичное вещество было нейтрализовано или выведено из организма.

Несмотря на успехи токсикологической химии и смежных наук, определенные химические вещества, могущие оказывать токсическое воздействие, до настоящего времени не обнаруживаются лабораторными методами вследствие недостаточной чувствительности используемых реакций, ничтожно малых количеств, неизвестности химического состава и т.д. Например, это бактериальные токсины, неизвестные растительные алкалоиды и др.

На практике не могут быть исключены и ошибки, допускаемые экспертами, связанные, например, с неправильным отбором и хранением биологического материала, неверным выбором методов исследования и др.

Выдвижению следственных версий предшествует формирование фактической базы, которая складывается из исходных сведений, касающихся неизвестных обстоятельств расследуемого события. В проблемной ситуации расследования убийства с подозрением на отравление фактическую базу следственных версий образуют сведения, полученные в результате осмотра трупа жертвы, осмотра места происшествия и вещественных доказательств, производства экспертных исследований, допросов свидетелей и др.

Наружный осмотр трупа позволяет получить важные сведения, указывающие на возможное отравление жертвы. В частности, могут быть выявлены отдельные визуально наблюдаемые признаки, указывающие на то, что имело место отравление. Так, некоторые токсичные вещества (в жидком виде) – кислоты, щелочи, пероксид водорода, некоторые соли (перманганат калия, нитрат серебра, бихромат калия и др.) могут воздействовать через кожные покровы и в месте их введения остаются химические ожоги, иные повреждения кожи.

Если токсичное вещество вводилось посредством инъекций, то на коже обнаруживаются точечные следы уколов. Однако следует учитывать, что такие следы могут возникнуть и от введения лекарственных препаратов, а также средств для лечения отравления.

На отравление могут указывать изменения окраски кожных покровов трупа (например, желтушное окрашивание свойственно отравлениям мышьяковистым водородом, некоторыми растительными ядами). Характерную окраску могут приобретать и трупные пятна (так, при отравлении **синильной кислотой или ее производными (цианидами) трупные пятна приобретают светло-красный цвет**).

В литературе описаны случаи, когда убийства маленьких детей или беспомощных больных совершались посредством вливания едких ядов им в рот или введения с помощью клизм, спринценок и др. Тогда следы воздействия данных веществ можно обнаружить при осмотре слизистых поверхностей [5, с. 307]. Так, может быть выявлено окрашивание

слизистой оболочки полости рта и ее разъедание вследствие прижигающего и некротизирующего эффекта едких ядов, наблюдаться серая кайма на губах и деснах как следствие воздействия токсичных тяжелых металлов (ртути, свинца, висмута) [4, с. 24].

При осмотре трупа нередко обнаруживаются остатки токсичного вещества, которые в зависимости от предполагаемого пути введения яда будут находиться в полости рта, на коже лица, на руках, шее. На одежде могут быть обнаружены повреждения от действия агрессивных химических веществ, следы окрашивания и пропитывания, различные наложения от вещества, использовавшегося при отравлении.

На месте происшествия могут находиться емкости с различными веществами (стаканы, бутылки, флаконы и т.п.), лекарственные препараты, средства бытовой химии, пищевые продукты, которые мог употребить умерший.

Нередко возле трупа или на его одежде обнаруживаются различные биологические объекты (рвотные массы, мокрота, слюна, иные выделения), последующее исследование которых помогает определить вещество, вызвавшее отравление.

Важнейшим источником доказательственной информации по делам об отравлениях со смертельным исходом является заключение судебно-медицинской экспертизы. Ответы эксперта на вопросы относительно причины смерти, времени ее наступления, вещества, вызвавшего отравление, способа его использования и т.д. необходимы следователю с позиции установления соответствующих фактических обстоятельств, связанных с отравлением, которые затем подлежат юридической оценке.

Результаты лабораторных исследований и прежде всего судебно-химического (химико-токсикологического) исследования тканей и органов трупа, крови, рвотных масс, промывных вод желудка, обнаруженных остатков токсичных веществ, пищевых продуктов и напитков, лекарственных препаратов, предметов со следами химических веществ указывают на наличие в объектах биологической природы и небиологическом материале токсичного вещества, на его вид, количество и опасность для человека.

Ценная информация, имеющая значение для установления обстоятельств отравления, может быть получена от родственников, знакомых, сослуживцев умершего. Эти лица могут сообщить, принимал ли умерший какие-либо медицинские препараты и в связи с чем; имел ли он доступ к опасным веществам на работе, дома и т.п.; не обращался ли умерший к ним с просьбой достать какое-либо токсичное вещество и с какой целью планировал его использовать; не предпринимало ли лицо попыток суицида.

Обязательным источником информации для следователя во всех случаях с подозрением на отравление становятся медицинские работники, которые оказывали пострадавшему первичную помощь, обследовали лицо, находящееся на излечении в стационаре, были лечащими врачами лица, страдавшего какими-либо заболеваниями. От указанных лиц получают сведения о клинической картине процесса отравления (или его отдельных этапов): времени проявления тех или иных симптомов отравления, их динамике, последовательности, характере выражения, особенностях и т.п. Соответствующая информация может содержаться и в медицинской документации (регистрационные журналы и учеты лечебных учреждений, истории болезни и др.).

Важное значение имеет характеристика ситуации, в которой фиксировалось отравление и наступила смерть лица. Здесь необходимо обратить внимание на характерное поведение пострадавшего непосредственно перед проявлением симптомов отравления, его жалобы на ухудшение здоровья, кто в эти периоды находился возле пострадавшего, в связи с чем, как эти лица себя вели.

Обоснованию выдвигаемых в форме следственных версий предположений служит использование теоретической базы версии – совокупности сведений, содержащихся в криминалистических характеристиках отдельных видов преступлений, научных знаниях, личном и коллективном опыте, информационных массивах и системах, сообщениях о других аналогичных преступлениях, материалах приостановленных и прекращенных дел и т.д. При расследовании убийств с подозрением на отравление следователю рекомендуется, прежде

всего, обратиться к данным токсикологической химии (судебной токсикологии), которые включают в себе описания различных токсичных веществ, способов их использования, типичных признаков воздействия на организм человека. Полезным будет обращение к изложению отдельных методик выявления токсичных веществ в организме пострадавшего. При изучении соответствующего материала целесообразно использовать помощь специалиста-химика.

Результатом творческого взаимодействия фактической и теоретической базы следственной версии выступает вероятностный вывод – обоснованное предположение, которое объясняет данные, содержащиеся в фактической базе, и предположительно устанавливает еще неизвестные обстоятельства, имеющие значение по делу.

С учетом возможных обстоятельств, при которых могло произойти отравление, на первоначальном этапе расследования убийств, предположительно совершенных данным способом, для преодоления проблемной ситуации должны быть выдвинуты такие общие следственные версии.

I. Имело место отравление вследствие несчастного случая (в результате небрежного хранения токсичных веществ, при использовании их не по назначению, из-за несоблюдения правил техники безопасности и т.п.).

II. Имело место отравление вследствие суицида.

III. Отравление носило преднамеренный характер, явилось следствием умышленных действий заинтересованных лиц.

IV. Смерть наступила в силу различных естественных причин, не носящих криминального характера.

В условиях недостатка исходной информации перечисленные общие версии приобретают характер типовых версий, которые «дают самое общее, наиболее характерное и приблизительное объяснение имеющихся фактов и такое же установление неизвестного искомого» [2, с. 83]. При таком подходе правильно определенный комплекс общих версий выполняет «методическую» функцию (А.М. Ларин), исчерпывающим образом объясняя неизвестное событие в целом. Здесь существенно возрастает роль теоретической базы следственных версий в виде статистических данных, обобщений следственной практики, теоретических выводов ученых-криминалистов, стандартных схем мышления и т.п.

Каждая из перечисленных следственных версий содержит одно предположительное объяснение случившегося события, связанного с возможным отравлением. Несколько выдвинутых по одному расследуемому делу версий образуют «определенную систему, логический ряд версий, в котором одна из них будет содержать предположение, соответствующее действительности» [1, с. 37]. В криминалистике разработаны требования, предъявляемые к правильно построенному ряду следственных версий. Соблюдение данных требований необходимо для обеспечения всестороннего, научно обоснованного подхода к расследованию преступлений.

A. Выдвигаемые версии должны быть сопоставимы. Это означает, что каждая следственная версия, выдвинутая по конкретному делу в определенный момент, должна содержать предположение в отношении одного и того же неизвестного обстоятельства. При расследовании убийства с подозрением на отравление таким обстоятельством (логическим основанием), прежде всего, выступает сущность расследуемого события, позволяющая предполагать как наличие, так и отсутствие преступления (убийства).

Б. По содержанию следственные версии должны быть альтернативными, то есть версии должны носить взаимоисключающий характер. По рассматриваемому преступлению приведенные версии по-разному объясняют наступившую смерть лица, при этом одно объяснение в случае подтверждения будет исключать все другие предположения.

В. По делу следует выдвигать исчерпывающий перечень сопоставимых, альтернативных, реальных версий. Приведенные версии охватывают все возможные причины наступления смерти, связанные с токсичными веществами, которые известны в действительности и обобщены практикой применительно к ситуациям данного рода.

Изложенный логический ряд следственных версий самого общего характера в ходе дальнейшего расследования становится основой для построения различных систем частных версий, объясняющих более конкретные обстоятельства расследуемого события. Такая конкретизация последовательно обеспечивает установление всех требуемых обстоятельств. При этом следует согласиться с А.М. Лариным, который отметил, что «общая версия служит как бы каркасом, заполняемым образами побочных обстоятельств, которые могли или должны существовать, если общая версия соответствует действительности» [3, с. 63].

Складывающийся в итоге целостный, неповторимый в своей индивидуальности образ события можно представить в виде генеральной системы версий. В ней элементом высшего уровня будет общая версия, а элементами нижестоящих уровней – частные версии, которые детализируют, развивают, конкретизируют общую версию. Причем для структурных связей между указанными элементами характерна непротиворечивость, соответствие, согласованность версий друг с другом [3, с. 64].

В некоторых ситуациях формированию следственной версии может препятствовать наличие противоречащих ее содержанию данных (так называемых «противоулик»). В этом случае следователь не должен отказываться от выдвижения возможной по обстоятельствам дела версии, «поскольку противоречие может оказаться кажущимся, а факты, опровергающие версию, могут иметь в действительности не то значение, которое первоначально им придавалось» [1, с. 30-31]. Одним из типичных фактов, на практике противоречащим следственной версии об отравлении, является установленный экспертным путем факт отсутствия токсичного вещества в организме жертвы. Как уже отмечалось, отрицательный результат лабораторного исследования с целью обнаружения токсичного вещества во многих случаях может не соответствовать фактической картине. В этой связи следователю необходимо более внимательно относиться к оценке исходной информации, он не должен отказываться от разработки версии об отравлении жертвы, особенно в случаях, когда такое предположение основывается на ряде достоверных доказательств.

По общему правилу, следственные версии выдвигаются не только после обнаружения, фиксации и анализа необходимых для этого сведений, но и в процессе получения соответствующих данных. Представляется, что общие следственные версии, обладающие признаками типичности, могут и должны выдвигаться следователем уже в самом начале его практических действий по получению исходной информации. Используя общие версии как инструмент познания, следователь сможет придать всем своим последующим поисковым операциям необходимую целенаправленность и конкретность, избежать одностороннего подхода к исследованию события и его отдельных обстоятельств, обеспечить проверку многих предположений уже в ходе получения соответствующих данных, что повысит эффективность следственной работы. В этом заключается важная познавательная и тактическая роль общих следственных версий в расследовании преступлений.

Литература:

1. Арцишевский Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. – М.: Юрид. лит., 1978. – 104 с.
2. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 168с.
3. Ларин А. М. От следственной версии к истине. – М.: Юрид. лит., 1976. – 200 с.
4. Руководство по судебно-медицинской экспертизе отравлений / под ред. Я. С. Смусина, Р. В. Бережного, В. В. Томилина, П. П. Ширинского. – М.: Медицина, 1980. – 424 с.
5. Судебная медицина / под ред. Ю. И. Пиголкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. – 496 с.
6. Швайкова М. Д. Токсикологическая химия. – Изд. 3-е, испр. – М.: Медицина, 1975. – 376 с.

Шаина Мария Александровна
Адвокат-учредитель Адвокатского кабинета 42/203
Кемеровской области
(Кемерово, Россия)

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ ПОХИЩЕННОГО ИМУЩЕСТВА

УДК 343.1

В статье рассматриваются проблемы возмещения вреда потерпевшему от преступления, в частности сложности определения действительной стоимости похищенного имущества. Автором исследуется правоприменительная практика, рекомендации Верховного Суда РФ, позиция Конституционного Суда РФ. Поставлен на обсуждение вопрос о реформировании алгоритма определения стоимости похищенного имущества.

Ключевые слова: гражданский иск, потерпевшее лицо, компенсация вреда, причиненного в результате преступления.

The article discusses the problems of compensation for damage to the victim of a crime, in particular, the difficulty of determining the actual value of stolen property. The author examines law enforcement practice, recommendations of the Supreme Court of the Russian Federation, and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation. The issue of reforming the algorithm for determining the value of stolen property has been discussed.

Keywords: civil action, injured person, compensation for damage caused as a result of a crime.

Конституция РФ гарантирует гражданам и организациям охрану прав потерпевших от преступлений, обеспечение доступа к правосудию и компенсацию материального вреда (ст.ст. 46 и 52 Конституции РФ).

В силу ст. 6 УПК РФ, назначением уголовного судопроизводства является защита прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

То есть, государство в лице правоохранительных органов, а в последствии – суда, приняло на себя обязательство не только привлечь к ответственности лицо, причастное к уголовно-наказуемому деянию, но и содействовать восстановлению имущественных потерь потерпевшего лица. Указанное реализуется посредством института гражданского иска в уголовном процессе.

Величина причиненного преступлением ущерба является юридически значимой, и не только в целях установления причиненного ущерба, но и в целях правильной оценки квалификации деяния.

В настоящее время отмечается разность мнений относительно порядка определения стоимости похищенного имущества, необходимо ли включать в состав похищенного имущества суммы упущенной выгоды. В частности, правоприменительная практика не имеет единого подхода к определению данных величин.

Так, М. Слепцовым отмечено, что значительные трудности вызывают для судей при рассмотрении уголовных дел при оценке стоимости похищенных вещей²⁵. В соответствии с рекомендациями высшего правоприменителя, изложенными в Постановлении Пленума ВС РФ №29 от 27.12.2002 года «О судебной практике по делам о краже, разбое и грабеже», «определяя размер имущества, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов». Примечательно, что названный Пленум ВС РФ не раскрывает понятия «фактической стоимости» имущества, не содержит указаний на алгоритм установления этой величины.

Определением Конституционного суда РФ от 22.04.2010 № 597-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ушакова Дениса Сергеевича на нарушение его конституционных прав примечанием 4 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина, оспаривавшего конституционность примечания 4 к ст. 158 УК РФ, позволяющего, по его мнению, определять размер похищенного в результате совершения разбоя исходя из его продажной

²⁵ М. Слепцов. Возмещение вреда, причиненного преступлением. Информационный ежемесячник «Верное решение». Выпуск №2(184). 20.02.2018.

цены, а не закупочной либо страховой стоимости²⁶. То есть, Конституционный суд РФ установил возможность производить расчет размера ущерба, причиненного разбоем (кражей), в том числе исходя из продажной цены товара.

Анализируя практику рассмотрения дел по преступлениям против собственности на территории Кемеровской области – Кузбасса, можно сделать вывод, что с 2015 года по настоящее время размер похищенного имущества у граждан-физических лиц преимущественно определяется посредством осмотра сайтов с объявлениями о продаже аналогичных товаров с участием потерпевшего лица, после осмотра устанавливается средняя рыночная стоимость вещи без ее реальной оценки – «Потерпевший №1 дополняет, что совместно со следователем просмотрена информация с интернет-сайта «Avito.ru», сделаны скриншоты о стоимости похищенного. Согласно сайту, средняя стоимость аналогичных сварочных аппаратов, который похищен у Потерпевший №1 составляет от 4 000 до 5 000 рублей, стоимость болгарки – от 7 000 до 9 500 рублей»²⁷. Тогда как при хищении имущества у юридических лиц, например, в случае кражи в магазине, стоимость похищенного имущества определяется закупочной ценой без учета стоимости налога на добавленную стоимость²⁸. При этом, даже относительно исключения из величины стоимости похищенного имущества НДС и прочих надбавок отсутствует единство мнений не только в доктрине, но и в правоприменительной практике²⁹.

Как правило, граждане - потерпевшие не обладают специальными навыками в области юриспруденции и соглашаются на определение стоимости похищенного имущества в вышеназванном порядке. Что, к сожалению, порой приводит к умалению их прав на восстановление имущественных потерь в части установления действительной стоимости похищенного имущества.

Так, Пленум ВС РФ от 29 июня 2010 года №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» гласит, что строгое соблюдение норм, регламентирующих участие потерпевших в уголовном судопроизводстве служит гарантией реализации его прав, гарантированного Конституцией права на доступ к правосудию, судебную защиту и компенсацию причиненного ему ущерба. Высший правоприменитель делает акцент на том, что обязанностью государства является не только предотвращение совершения преступлений, но и обеспечение потерпевшему от преступления возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами.

При этом, немаловажным является тот факт, что размер присужденной ко взысканию суммы компенсации причиненного вреда не может быть увеличен с учетом индексации в порядке исполнения приговора в силу отсутствия такого права в нормах главы 47 УПК РФ.

²⁶ Определение Конституционного суда РФ от 22.04.2010 № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ушакова Дениса Сергеевича на нарушение его конституционных прав примечанием 4 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 25.09.2018).

²⁷ Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово по делу от 06.03.2025 по делу №1-107/2025 // [Рудничный районный суд г. Кемерово](#)

²⁸ Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово по делу от 17.06.2024 по делу №1-230/2024 // [Рудничный районный суд г. Кемерово](#)

²⁹ Калининченко, Д. В. Правила определения размера имущественного ущерба при квалификации кражи и при подаче гражданского иска / Д. В. Калининченко, Е. О. Метла. — Текст : непосредственный // Новый юридический вестник. — 2018. — № 5 (7). — С. 40-43. — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/106/3592/> (дата обращения: 03.04.2025).

Заявление гражданского истца об индексации надлежит рассматривать в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с нормами части 1 статьи 208 ГПК РФ.

В случае же хищения наличных денежных средств, как правило, обвинение предъявляется в сумме, равной величине похищенного имущества. Ибо в случае кражи имущества – сумма к возмещению определяется стоимостью похищенного имущества с учетом его износа.

Случается, что своевременно установить причастное к деянию лицо не представляется возможным, следствие по уголовному делу может быть приостановлено на неопределенный период до установления причастного лица, и тогда возможно изменение стоимости имущества на дату рассмотрения дела судом по существу, равно как и период пользования похищенными средствами удлиняется. При таких обстоятельствах возникает вопрос, может ли потерпевший рассчитывать на компенсацию ему не просто стоимости похищенного имущества с учетом износа на дату совершения преступления либо на возврат похищенных денежных средств с компенсацией за пользование чужими денежными средствами до даты их фактического возврата потерпевшему лицу, по аналогии с правом истца в рамках гражданского судопроизводства.

Следует отметить, что в соответствии с разъяснениями Пленума ВС РФ от 13 октября 2020 года №23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но относящиеся к восстановлению имущественных прав потерпевшего, как то – взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами, регрессные иски, подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства. В этой части судам рекомендовано гражданский иск по уголовному делу оставить без рассмотрения с указанием в итоговом судебном решении мотивов принятого решения.

Литература:

1. Калининченко Д. В. Правила определения размера имущественного ущерба при квалификации кражи и при подаче гражданского иска / Д. В. Калининченко, Е. О. Метла.
2. Слепцов М. Возмещение вреда, причиненного преступлением. Информационный ежемесячник «Верное решение». Выпуск №2(184). 20.02.2018.
3. Шеслер А. В. Хищения: Понятия и признаки // Вестник. Томского государственного университета. Право. 2012. № 4 (6). С. 70–80.
4. Определение Конституционного суда РФ от 22.04.2010 № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ушакова Дениса Сергеевича на нарушение его конституционных прав примечанием 4 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 25.09.2018).
5. Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово по делу от 06.03.2025 по делу №1-107/2025 // Рудничный районный суд г. Кемерово
6. Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово по делу от 17.06.2024 по делу №1-230/2024 // Рудничный районный суд г. Кемерово

Шаталкина Наталья Андреевна
Алтайский государственный университет
кандидат юридических наук
(Барнаул, Россия)
Ануфриева Екатерина Андреевна
Крымский филиал
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук
(Симферополь, Россия)

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ РИСК ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОЧНОЙ СТАВКИ С УЧАСТИЕМ ТРЕХ ЛИЦ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

УДК 343.985

Аннотация: в статье рассматриваются особенности тактико-криминалистического риска при производстве очной ставки с участием трех лиц при расследовании мошенничества, совершенного с использованием служебного положения. Анализируются вероятные негативные последствия применения данного тактико-криминалистического приема и способы их предотвращения применительно к исследуемой категории преступлений.

Ключевые слова: очная ставка; тактико-криминалистический прием; мошенничество, совершенное с использованием служебного положения; тактико-криминалистическая задача; тактико-криминалистический риск; тактико-криминалистическое решение.

Key words: confrontation, tactical reception, white-collar fraud investigation, tactical task, tactical risk, tactical decision.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом, одним из способов оценки позиций лиц, давших существенно отличающиеся показания, является очная ставка. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что производство данного следственного действия сопровождается высокой вероятностью наступления негативных последствий для хода расследования [2, с. 152; 3, с. 212; 4, с. 190; 6, с. 249], что свидетельствует о его высокой тактико-криминалистической рискованности.

В ходе расследования мошенничества, совершенного с использованием служебного положения, высокая степень тактико-криминалистического риска данного следственного действия вытекает из сложности установления психологических свойств личности его участников, моделирования проявлений их у каждого из допрашиваемых.

Как отмечают отдельные ученые, часть 1 статьи 192 УПК РФ не определяет точное количество участников данного следственного действия, а, следовательно, их может быть более двух лиц [1, с. 78; 5, с. 47; 7, с. 10-11; 8, с. 356].

Данный тактико-криминалистический прием при расследовании мошенничества, совершенного с использованием служебного положения, крайне редко используется в судебно-следственной практике. Заметим, что производство очной ставки с участием более двух лиц подчас критиковалось, так как при увеличении количества участников следственного действия возрастает вероятность противодействия, а также недостижения тайны следствия [10, с. 132].

Однако при грамотной организации очной ставки с участием трех и более лиц психологическое воздействие, оказываемое на лицо, дающее заведомо ложные показания,кратно увеличивается в соответствии с количеством участвующих добросовестных лиц. Виновному лицу значительно сложнее отстаивать свою версию событий, если при этом приходится противостоять группе условных противников, а не одному человеку, как это происходит при производстве традиционной очной ставки между двумя участниками. Групповая очная ставка позволяет следователю также сэкономить время, которое бы ему потребовалось для производства нескольких очных ставок.

При принятии тактико-криминалистического решения об использовании данного тактико-криминалистического приема следует учесть характерные для него вероятные негативные последствия:

1) подозреваемый (обвиняемый), дающий заведомо ложные показания, может оказать негативное воздействие сразу на нескольких участников, в результате чего они изменят данные ими ранее изобличающие показания;

2) недобросовестный участник получит больше информации, которую он сможет использовать для противодействия расследованию;

3) срыв следственного действия в связи с возрастанием степени конфликтности участников.

Относительно последнего обстоятельства заметим следующее: во-первых, подозреваемые (обвиняемые), потерпевшие и свидетели по данной категории преступлений чаще всего имеют высокий уровень интеллекта и культуры, не позволяющие им проявлять излишнюю эмоциональность в ходе очной ставки. Во-вторых, во многих случаях участвующие в следственном действии лица не заинтересованы лично в исходе уголовного дела (например, лица, допрашиваемые как сотрудники различных организаций), а излагаемые ими обстоятельства лишены субъективной оценки.

Особенно плодотворным представляется производство очной ставки с участием трех лиц, когда один из них является лицом, обладающим специальными познаниями в сфере совершения преступления, допрошенным ранее в качестве свидетеля. Он, как незаинтересованное лицо, отвечая на вопросы следователя после недобросовестного участника, сможет аргументировано опровергать его ложные доводы.

Так, К.О., являясь генеральным директором ООО «Р», заключил с профессиональным училищем Алтайского края договор подряда на капитальный ремонт теплотрассы. Согласно утвержденным сметам, при производстве данных работ должны были использоваться трубы «Изопрофлекс». К.О., реализуя умысел на совершение мошенничества с использованием служебного положения, изготовил из приисканных труб конструкцию, имитирующую трубы «Изопрофлекс», которую использовал при ремонте теплотрассы, значительно удешевив тем самым свои затраты. На досудебном производстве К.О. виновность в совершении мошенничества признал частично. В ходе дачи показаний он пояснял, что в смету не были заложены транспортные расходы на доставку труб «Изопрофлекс», поэтому он пришел к выводу, что выполнение указанных работ для него будет убыточным, и решил выполнить их с использованием обычных водопроводных труб, симитировав принцип устройства трубы «Изопрофлекс». Изготовленная им конструкция для использования по назначению пригодна, «Изопрофлекс» не уступает. В ходе предварительного следствия в качестве свидетелей были допрошены инженер ООО «Р» и специалист, которые опровергали в указанной части показания К.О. При этом они отмечали, что изготовленная К.О. конструкция не являлась эквивалентом труб «Изопрофлекс», и замена материала была неравнозначной, что должно быть очевидно для К.О., так как он длительное время занимается выполнением подобных ремонтных работ [9].

В специальной литературе приводятся критерии эффективности очной ставки с участием трех допрашиваемых лиц, в числе их: схожесть предмета показаний, противоречия между показаниями обвиняемого и остальных участников [7, с. 10-11]. Что касается таких обстоятельств, как уверенность следователя в способности добросовестных лиц выдержать психологический натиск со стороны обвиняемых [7, с. 10-11], то оно, на наш взгляд, должно считаться не критерием, а условием эффективности рассматриваемого следственного действия. Полагаем, что даже если значительное число лиц дают изобличающие мошенника показания по одним и тем же обстоятельствам, к производству очной ставки не следует привлекать более трех допрашиваемых участников. При большем количестве участвующих лиц для следователя будет крайне затруднительно управлять таким следственным действием. Однако, для успешной реализации данного тактико-криминалистического приема двух добросовестных участников будет вполне достаточно.

Полагаем, что с учетом реализации предложенных нами рекомендаций по минимизации тактико-криминалистического риска и нейтрализации возможных негативных последствий производство очной ставки с участием трех лиц в ходе расследования мошенничества, совершенного с использованием служебного положения, с большей вероятностью приведет к позитивному результату.

Литература:

1. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации профессионалов: практич. пособие. М.: Эксмо, 2010. 236 с.

2. Головина Е.В. Противодействие предварительному расследованию должностных преступлений и криминалистические особенности его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 251 с.
3. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. М.: Проспект, 2007. 212 с.
4. Золотарев А.С. Теоретические и практические проблемы расследования корыстно-насильственной организованной преступной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 244 с.
5. Казинская С.Н. Тактика очной ставки при расследовании мошенничества // Академический юридический журнал. № 4 (58). 2014. С. 45-49.
6. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 718 с.
7. Перякина М.П. Правовые основы и тактика очной ставки: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 247с.
8. Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание и основные следственные действия. М.: Дело и Сервис, 2012. 541 с.
9. Уголовное дело № 1-74/2019 // Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края.
10. Фисаков М.Ю. Очная ставка: проблемы правового регулирования // Юристъ-Правоведь. 2021. № 1 (96). С. 131-134.

Шумилова Марина Анатольевна
Севастопольский государственный университет,
кандидат юридических наук, доцент
(Севастополь, Россия)

О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В ХОДЕ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМЫХ (ПОДОЗРЕВАЕМЫХ) В СОВЕРШЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

УДК 344

Аннотация:

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся применения полиграфа при раскрытии и расследовании террористических актов.

Автор, с позиции криминалистической тактики, рассматривает криминалистические ситуации, при которых проведение опроса с использованием полиграфа наиболее эффективно. Раскрывает перспективы, которые дает использование полиграфа для расследования уголовного дела. Приводит точки зрения ученых криминалистов о возможности применения полиграфа в ходе допроса, в том числе и обвиняемых (подозреваемых) в совершении террористического акта. Аргументирует, что, наиболее перспективной формой процессуального применения полиграфа является

Психофизиологическое исследование.

Ключевые слова:

Раскрытие и расследование террористических актов, опрос с использованием полиграфа, предварительное расследование, криминалистическая тактика, психофизиологическое исследование, проверка на полиграфе, достоверность информации, сокрытие информации, доказательства по уголовному делу.

Annotation:

The article discusses issues regarding the application of the polygraph in the disclosure and investigation of terrorist acts.

The author, from the perspective of forensic tactics, considers the forensic situations in which a survey using a polygraph is most effective. Reveals the prospects that the use of a polygraph to investigate a criminal case. Curses the points of view of scientists of the forensic scientists about the possibility of using a polygraph during the interrogation, including the accused (suspects) of the commission of a terrorist act. Argues that, the most promising form of procedural use of the polygraph is Psychophysiological examination.

Key words:

Disclosure and investigation of terrorist acts, a survey using a polygraph, preliminary investigation, forensic tactics, psychophysiological examination, polygraph testing, reliability of information, hiding information, criminal proof of criminal proceedings.

Говоря о технических средствах, используемых при раскрытии и расследовании террористических актов, невозможно обойти вниманием факт активного внедрения в деятельность правоохранительных органов и спецслужб России опроса с использованием полиграфа (далее - ОИП) [1].

Предваряя рассмотрение проблемных вопросов, касающихся использования полиграфа в интересах следствия, необходимо отметить, что впервые к исследованию с помощью технических средств возможности фиксации различных физиологических процессов, происходящих в организме человека, обращались такие видные ученые, как Ч. Ломброзо, А.Р. Лурия, Л. Килер, Ф. Инбау, Дж. Рейд и др.

Однако в их времена отсутствовали технические возможности комплексной фиксации и анализа достаточного для объективных выводов числа физиологических характеристик исследуемого лица. Сейчас индикация и фиксация физиологических процессов в организме человека, а также их оперативный анализ с использованием средств электронной вычислительной техники стали реальностью.

В настоящее время опросы с использованием полиграфа – это организованная по специальным методикам процедура опроса человека с осуществлением контроля и оценки его психофизиологических реакций, которая дает возможность объективно диагностировать наличие в памяти конкретного лица информации о каких-либо событиях. Задачей ОИП является определение достоверности сведений, получаемых от какого-либо лица – носителя информации.

Действующая нормативная правовая база позволяет применять ОИП в рамках оперативного сопровождения предварительного следствия по поручению следователя как разновидность розыскного действия – опроса с применением технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей, который проводится в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ведомственными нормативными правовыми актами и Инструкциями.

Анализ опыта применения полиграфа при предварительном расследовании преступлений с позиции криминалистической тактики позволил выявить три криминалистических ситуации, при которых проведение ОИП наиболее эффективно.

Первая - когда у предварительного следствия отсутствует возможность получить интересующую информацию с использованием следственных действий или розыскных мероприятий в рамках оперативного сопровождения уголовного дела.

Вторая - когда получение необходимой информации возможно и без полиграфа, но это сопряжено с неоправданными затратами сил, средств и времени.

Третья - когда срочно (в течение одного-двух дней или часов) требуется получение необходимой информации, а применение иных методов и средств не может обеспечить такой оперативности.

Каждая из указанных ситуаций может возникнуть и при расследовании преступлений террористической направленности, особенно для минимизации последствий или предотвращения возможных террористических актов.

Подвергая обвиняемого (подозреваемого) в террористической деятельности проверке на предмет возможного сокрытия той или иной информации, представляющей интерес для расследования уголовного дела, следователь, оперативный работник, прокурор мог бы получать следующие возможности:

- добыть фактические данные по ранее сформулированным вопросам, которые имеют значение для своевременного проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

- уточнить информацию о действиях обвиняемых (подозреваемых) лиц или устранить противоречия, возникшие в ходе расследования;

- оценить достоверность информации, сообщенной обвиняемым/подозреваемым следователю на ранее проведенных допросах, в целях выработки тактики дальнейших следственных действий;

- изобличить обвиняемого (подозреваемого) путем демонстрации результатов ОИП в утаивании от следствия значимой для уголовного дела информации.

Это свидетельствует об эффективности применения полиграфа в отношении обвиняемых (подозреваемых) в совершении террористического акта.

В отечественной юридической литературе неоднократно высказывались различные суждения о допустимости или недопустимости применения ОИП в рамках уголовного процесса. При этом наибольшее внимание ученых-криминалистов привлекала сама возможность применения полиграфа в ходе допроса [2]. В частности, по мнению Р.С. Белкина, можно допустить применение полиграфа в ходе допроса при законодательном закреплении следующих положений:

«1. Испытание на полиграфе допускается только с добровольного согласия допрашиваемого; отказ от испытания, равно как и предложение подвергнуться испытанию при отказе со стороны допрашиваемого, не должны фиксироваться ни в одном процессуальном документе.

2. Для участия в допросе разрешается привлекать специалиста-психолога, исполняющего функции оператора-полиграфолога в пределах обычной компетенции специалиста - участника следственного действия.

3. Результаты применения полиграфа не имеют доказательного значения и используются следователем лишь как ориентирующая информация; доказательствами признаются только фактические данные, содержащиеся в показаниях допрашиваемого. Материальные свидетельства применения полиграфа (ленты, записи) к делу не приобщаются» [3, с. 395].

В.И. Комисаров предложил иную модель использования полиграфа в ходе допроса. По его мнению, в случае применения полиграфа следователь должен:

- пригласить защитника, переводчика;
- установить психологический контакт с участниками допроса;
- разъяснить права и обязанности всем участникам следственного действия, о чем делается пометка в протоколе допроса;
- получить в письменной форме согласие пройти тестирование на полиграфе;
- разъяснить всем участникам следственного действия содержание, условия и порядок производства следственного действия и особенности использования информации, полученной при тестировании;
- разъяснить допрашиваемому его право отказаться от тестирования;
- предупредить оператора об уголовной ответственности за заведомо ложную расшифровку полиграммы, а возможно и за разглашение тайны следствия» [3, с. 396].

С точки зрения упомянутых ученых объединение общих правил производства допроса и необходимых специфических особенностей применения полиграфа при их процессуальном закреплении позволит применять полиграф при проведении допроса.

По мнению же автора, данное техническое средство (полиграф) в современных условиях наиболее обосновано применять как ОИП в рамках оперативного сопровождения предварительного следствия по поручению следователя или как экспертное исследование.

Как представляется, наиболее перспективной формой процессуального применения полиграфа является психофизиологическое исследование, которая позволяет провести оценку достоверности показаний обвиняемого (подозреваемого), данных им ранее следователю на допросах.

Принято считать, что результаты ОИП являются лишь ориентирующей информацией, но существующая практика показывает, что следователи, получая соответствующее заключение специалиста приобщают его к материалам дела.

Несмотря на имеющиеся положительные результаты применения ОИП, значительное число следователей дистанцируются от назначения подобного исследования при расследовании террористических актов. Причины этого, по мнению автора, состоят в следующем:

1) В отсутствие у следователей теоретических знаний о возможностях, предоставляемых полиграфическим исследованием и опыта использования результатов ОИП.

2) В недостатке опыта работы с практикующими полиграфологами, а также в дефиците квалифицированных специалистов, прошедших обучение по применению полиграфа в оперативно-разыскной и следственной деятельности.

3) В необходимости соблюдения при применении полиграфа некоторых специфических требований:

- получение письменного добровольного согласия на исследование (конфликтная ситуация, как правило, складывающаяся в ходе допроса террористов, не всегда способствует получению данного согласия;

- лицо, которое подвергается исследованию сразу после задержания, не должно находиться в состоянии физического и психического истощения или наркотического опьянения (что свойственно значительному числу террористов).

Изложенные моменты существенно ограничивают применение полиграфа в отношении обвиняемых (подозреваемых) в совершении террористического акта. Тем не менее повышенная общественная опасность данного вида преступлений позволяет следователю (если есть такая возможность) воспользоваться таким рациональным и вполне реальным способом получения ценной информации, которая может помочь в расследовании уголовного дела и предотвращении новых терактов. В практике следственных подразделений правоохранительных органов положительный опыт применения ОИП и психофизиологического исследования в отношении обвиняемых (подозреваемых) в совершении террористического акта на сегодняшний день имеется.

Литература

1. *Холодный Ю.И.* Криминалистическая полиграфология и ее применение в правоохранительной практике // Информационный бюллетень № 21 по материалам криминалистических чтений «Запросы практики – движущая сила развития криминалистики и судебной экспертизы» / Академия управления МВД России. М., 2003. С. 14-19; *Его же.* Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений : монография. М. : Мир безопасности, 2000. С. 56.

2. *Сальникова Е.С.* Применение полиграфа при подготовке допроса // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе : сб. материалов Всерос. науч. практ. конф., 8 - 9 апреля 2003 / Воронежский институт МВД России. Воронеж, 2003. С. 138–139.

3. *Белкин Р.С.* Криминалистика : учебник для вузов. М. : Норма, 2002. С. 395, 396.

Шутемова Тамара Васильевна
Волжский университет имени В.Н.Татищева
старший преподаватель
(г.Тольятти, Самарская область, Россия)

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

УДК 343.9

Аннотация: До настоящего времени дискуссионным является вопрос о самостоятельности криминалистической политики. В статье поддерживается признание самостоятельности такого вида политики и необходимость разработки стратегии развития криминалистики на 5-10 лет.

Ключевые слова: уголовная политика, криминалистика, криминалистическая политика, стратегия криминалистики

Abstract: To date, the issue of the independence of criminalistic policy has been debated. The article supports the recognition of the independence of this type of policy and the need to develop a strategy for the development of criminology for 5-10 years.

Keywords: criminal policy, criminalistics, criminalistics policy, criminalistics strategy

Основатель криминалистики профессор Ганс Гросс в предисловии к 3-му изданию (1898) своего классического труда «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» писал: «Криминалистика как учение о реальностях уголовного права, к которым следует причислить на первом плане самого человека (преступника, свидетеля, эксперта и судью), раскрывает перед нами сущность преступных деяний, их начало, их составные части, их дальнейшее течение и их цели»[1, с.IX]. В этом определении кратко изложены и сущность криминалистики, задачи и назначение криминалистики.

Вопрос о самостоятельности криминалистической политики является дискуссионным. Известно мнение Н.А.Лопашенко, отрицающей самостоятельность такой политики « силу сугубо прикладного характера, безусловно, самостоятельной отрасли знаний»[2, с.22]. Однако ученые-криминалисты так или иначе высказываются о разработке теории криминалистической политики [3, с.200; 4, с.223], выдвигаются понятия криминалистической политики, по которым можно проследить динамику сущности взглядов на ее содержание.

Если в 2010 году Э.Н.Попченков и В.А. Кузнецова писали, что « криминалистическая политика - уголовная политика в сфере формирования взглядов на цели , приемы, способы и средства расследования (обнаружения, собирания, фиксации, исследования доказательств) и их реализации в деятельности органов раскрытия, расследования и суда в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства»[5, с.220], то в 2021 году К.И.Сотников и О.Л. Романова отмечают, что «криминалистическая политика представляет собой выработку стратегического направления по обеспечению реализации уголовной политики посредством внедрения в практику наиболее эффективных , рациональных, доступных и экономичных криминалистических средств и методов раскрытия и расследования преступлений»[6, с 160].

В 2015 году нами обосновывались только криминалистические аспекты уголовной политики [7], но в настоящее время с учетом реалий IV промышленной революции, цифровизации самостоятельность криминалистической политики приобретает более зримые очертания. Криминалистика учит думать, принимать нестандартные решения, фактически именно через криминалистику в уголовно-правовые науки проникают достижения научно-технического прогресса. Криминализация общественно-опасных деяний ведет к появлению новых составов преступлений, но они должны быть реально доказуемы, а именно в этом в большей степени и проявляется важность и значение криминалистики. Нам импонирует в этом смысле понятие криминалистической политики, выдвинутое Ю.В. Гаврилиным, а именно : «криминалистическая политика — выражение отношения государства к деятельности по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, определяющая направления развития научно-технических, тактических и организационно-управленческих средств решения задач уголовного судопроизводства» [8, с.99]

В свете изложенного, интерес представляет позиция М.В. Жижиной о надотраслевом характере общей части криминалистики, как научной основы криминалистического обеспечения любого судопроизводства, и особенной части криминалистики, направленной на обеспечение каждого вида судопроизводства с учетом его особенностей[9, с. 174]

Таким образом, явно видны значение и роль криминалистики, что должно быть учтено и при определении самостоятельности криминалистической политики. И вновь стоит обратиться к предложению К.И.Сотникова и О.Л.Романовой о разработке ведущими кафедрами криминалистики вузов страны стратегии развития криминалистики на 5-10 лет с обсуждением этого документа на Всероссийском конгрессе криминалистов [6, с.157]

Литература:

- 1) Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст. 2002.
- 2) Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер. 2009.
- 3) Сокол В.Ю, Криминалистическая политика. // Общество и право. 2012. № 8. С.200-204
- 4) Быстряков Е.Н., Усанов И.В. Криминалистическая политика России: история и современность. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5(117)
- 5) Попченков Э.Н., Кузнецов В.А. К вопросу о понятии, сущности, месте, роли и значении оперативно-рзысочной политики в структуре уголовной политики Российской Федерации // Современные проблемы уголовной политики : материалы Всерос.науч-практ.конф., 1 окт.2010 г.: в 2 т. Т.II. Краснодар: Краснодар.ун-т МВД России.2010.
- 6) Сотников К.И., Романова О.Л. Криминалистика и уголовная политика// Вестник Свнкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С.157-164
- 7) Шутемова Т.В. О криминалистических аспектах уголовной политики// Вестник науки ТГУ.

Серия : Юридические науки. 2015. № 3 (22). С.64-66

8) Гаврилин Ю.В. О понятии и содержании государственной научно-технической политики в области криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности(криминалистической политики)// Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2(62). С.96-102

9) Криминалистика XXI века : стратегия и тактика развития: коллективная монография/ отв.ред. Е.П.Ищенко. Москва: Проспект, 2016. 208 с.

СОДЕРЖАНИЕ

АПАЗОВ С.С. ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ КАК ОСНОВА ФИКСАЦИИ СЛЕДОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	4
АСАНОВ Р.Ш. ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОВОДОВ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	7
БАЛКО В.И. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОВД КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 Г.Г.).....	12
БИЛЯЕВ В. А., ЛЬВОВ В.Г. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПОНЯТИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?.....	19
БИЛЯЕВ В.А., ЧУХРАЕВ Д.А. СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: НЕОБХОДИМЫЙ «ФИЛЬТР» ИЛИ НЕУЖНЫЙ РУДИМЕНТ?.....	21
БОГОМОЛОВА Д.Н. ИНСТИТУТ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТОГО ОПЫТА В ОТЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ.....	23
БОРДЮГОВ Л.Г. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ.....	27
ГОЛОВАЧУК О.С., РАМЕНСКАЯ В.С. ОСОБЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ (ГЛАВА 40 УПК РФ).....	31
ЗЕХОВ Б.З. ДОСТОВЕРНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА.....	33
КОЗЛОВА Е.Б., БАРИНОВА Е.Д. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЕ.....	37
КОНДРАТЮК С.В., ШУМАЕВ Д.Г. РАССЛЕДОВАНИЕ ХУЛИГАНСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	41
МИЛИКОВА А.В. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗНАНИЙ ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТАХ.....	45
МОИСЕЕВ А.М., ПАНЬКО Н.А. ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ.....	49
МОКРОВСКИЙ А.В. ОТНОСИМЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ПРЕЗУМПЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	52
НЕХАЕВ И.Н. ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА СОСТОЯНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ВРЕДА.....	56
НОВОКШОНОВ Д.В. УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ И В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.....	60
ПЕТУХОВА Ж.П. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО 1918 ГОДА.....	63
ПРОЦЕВСКИЙ В.А., МОИСЕЕНКО М.А. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ГАРАНТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЁМОМ НА РАБОТУ И УВОЛЬНЕНИЕМ.....	66
РЕЗЕПКИН А.М. ПОНЯТИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	68

СИЛЬНОВ М.А. МЕСТО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ПРОКУРОРСКОГО РАБОТНИКА В СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ ДИСЦИПЛИНЫ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС».....	71
СУЮНОВА Д.Ж. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ НА СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.....	76
ТАЙЖАНОВА Е.Е. ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....	82
ТАЙЖАНОВА Е.Е., СУЛТАНОВА В.Р. ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ.....	86
ТАРШЕВА М.Н. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ.....	90
ХАРАШКИН К.А. МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ В УГОЛОВНОМ РАССЛЕДОВАНИИ: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДИСБАЛАНСОВ.....	92
ХЛУС А.М. ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	95
ЦУРЛУЙ О.Ю., СКОРОХОДОВА В.А. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДРОНОТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА. НЕОБХОДИМОСТЬ, ОСОЗНАННАЯ ПОД ОБСТРЕЛОМ.....	100
ЧЕБУРЕНКОВ А.А., БЕКЕТОВА Ю.А. ОСОБЕННОСТИ ВЫДВИЖЕНИЯ ОБЩИХ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ О ФАКТЕ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПУТЕМ ОТРАВЛЕНИЯ.....	103
ШАИНА М.А. ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ ПОХИЩЕННОГО ИМУЩЕСТВА.....	108
ШАТАЛКИНА Н.А., АНУФРИЕВА Е.А. ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ РИСК ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОЧНОЙ СТАВКИ С УЧАСТИЕМ ТРЕХ ЛИЦ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ.....	111
ШУМИЛОВА М.А. О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В ХОДЕ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМЫХ (ПОДОЗРЕВАЕМЫХ) В СОВЕРШЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА.....	114
ШУТЕМОВА Т.В. К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ.....	117

Научное издание

Коллектив авторов

**УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

**МАТЕРИАЛЫ
XIII МЕЖДУНАРОДНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

24 апреля 2025 года

Севастополь

Отв. ред. М.А. Михайлов, Е.А. Ануфриева, Т.В. Омельченко.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2, тел.:

+7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru www.arial.3652.ru